

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

56

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

56

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1954

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*

Зам. ответственного редактора — *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

*А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, М. П. Грязнов,
Л. А. Евтюхова, А. Ф. Медведев (отв. секретарь), Г. Б. Федоров*

І. СООБЩЕНИЯ

РАСШИРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНЫХ СОВЕТОВ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АН СССР И ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АН СССР, ПОСВЯЩЕННЫХ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ МОЛДАВИИ

ИНФОРМАЦИЯ

С 20 по 23 мая 1953 г. в г. Кишиневе, в Молдавском филиале АН СССР, состоялись расширенные заседания ученых советов Института истории материальной культуры АН СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР, посвященных истории материальной культуры на территории Молдавии. В работе сессии приняли участие заместитель председателя Совета Министров Молдавской ССР М. В. Скрутул, министр культуры А. М. Лазарев, представители Правительства и ЦК коммунистической партии Молдавской ССР, члены Президиума Молдавского филиала АН СССР, археологи Москвы, Ленинграда, Кишинева, Киева, Львова, Черновиц, Бельц и других городов, сотрудники ИИМК АН СССР, Молдавского филиала АН СССР, Академии наук Украинской ССР и ее Львовского филиала, профессора и преподаватели московских и кишиневского вузов, сотрудники ряда краеведческих музеев, слушатели Института усовершенствования учителей, Учительского института, преподаватели истории средних школ, аспиранты и студенты.

В работе сессии принял участие свыше 250 человек.

Заседания открылись вступительным словом председателя Президиума Молдавского филиала АН СССР Я. С. Гросула, отметившего достижения Молдавской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и Молдавского филиала АН СССР и призвавшего археологов к разрешению основных проблем истории материальной культуры Молдавии.

На заседании были заслушаны следующие доклады: Б. А. Рыбаков — Происхождение Руси в свете трудов И. В. Сталина; Г. Б. Федоров — Итоги работ в Молдавии в области славянской археологии; Г. Д. Смирнов — Археологические исследования Старого Орхоя; Т. С. Пассек — Итоги работы в области изучения памятников первобытной археологии на территории Молдавии; А. П. Черныш — Исследования палеолитических памятников на Днестре; Л. Д. Дмитров — Итоги работы Измаильской археологической экспедиции Института археологии АН УССР.

По заслушанным докладам развернулись оживленные прения; были обсуждены вопросы, непосредственно касающиеся тем докладов, и дру-

гие вопросы, как, например, итоги археологических разведок в Молдавии (Р. Л. Розенфельдт), связи между молдавской и древнерусской культурой по вещественным данным (Э. А. Рикман), итоги раскопок памятников скифского времени на Днестре (А. И. Мелюкова), памятники архитектуры Молдавии XIV—XVIII вв., исследование славянских памятников в Прикарпатье (Б. А. Тимошук), раскопки трипольских жилищ у сс. Попенки и Журы (С. Н. Бибиков), раннетрипольские поселения Среднего Поднепровья (Е. К. Черныш) и др. Заслушанные на сессии доклады и выступления продемонстрировали значительные успехи, достигнутые в области изучения памятников материальной культуры на территории Молдавии от эпохи палеолита до позднего средневековья. Открытие и исследование древних памятников, в том числе уникального поздне трипольского могильника у с. Выхватинцы, славянских городищ (Екимауцы, Алчедар, Царевка и др.) и славянских селищ, относящихся ко времени от последнего века до нашей эры и до XII в. н. э., раскопки молдавского средневекового городища Старый Орхей и т. д. дали впервые в науке ценнейшие материалы, позволяющие осветить ранее совершенно не изученные на территории Молдавии эпоху энеолита, историю славянских племен в Поднестровье, молдавскую средневековую материальную культуру.

В докладах и выступлениях участники заседаний отметили, что перед археологами в Молдавии стоит еще много нерешенных задач¹.

В заключительном слове заместитель директора ИИМК АН СССР А. П. Смирнов подвел итоги работы сессии и наметил основные задачи, стоящие перед сотрудниками Молдавской объединенной археологической экспедиции.

Участники сессии приняли резолюцию, в которой отмечались успехи в изучении материальной культуры на территории Молдавии, и разработали конкретные мероприятия для решения задач дальнейших исследований.

Во время сессии были просмотрены археологические фильмы „Трипольская культура“ и „Славяне Поднестровья“, организована выставка работ экспедиций и печатных изданий, относящихся к археологическим исследованиям территории Молдавской ССР. Участники сессии совершили экскурсию на места раскопок.

Ниже публикуются основные доклады и выступления, заслушанные на расширенных заседаниях ученых советов, и резолюция.

¹ См. Тезисы докладов сессии, посвященной истории материальной культуры на территории Молдавии. М.—Кишинев, 1953.

Я. С. ГРОСУЛ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Грандиозная программа строительства коммунизма, проводимая в жизнь советским народом под руководством Коммунистической партии и Советского правительства, требует всемерного развития всех областей науки, в том числе и советской исторической науки.

Советская историческая наука — важный участок идеологического фронта, приобретающего особое значение в период построения коммунистического общества. Она дает трудящимся знание объективных закономерностей общественного развития, помогает правильно применять в своей практической деятельности знание этих закономерностей.

Одной из важнейших задач является углубленное изучение истории, в первую очередь истории производства, истории производителей материальных благ, истории народов.

В связи с этим большое значение приобретает дальнейшее расширение и углубление исследований в области изучения истории материальной культуры народов. Советские археологи и языковеды в тесном творческом содружестве должны с марксистско-ленинских позиций поставить и разрешить одну из кардинальнейших проблем истории народов СССР — проблему этногенеза.

Советские ученые на пути успешного решения поставленных задач должны, как указал Г. М. Маленков на XIX съезде партии, „поднять на более высокий уровень советскую науку, развертывая критику и борьбу мнений в научной работе, памятуя, что только таким путем может выполнить советская наука свою миссию — занять первое место в мировой науке“.

Это обязывает советских ученых обратить особое внимание на теоретическое обобщение научно-исследовательского опыта, организацию дискуссий, сессий, совещаний, на развертывание борьбы мнений, серьезной критики в обсуждении научных работ.

Совместное расширенное заседание ученых советов Института истории материальной культуры АН СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР, являющееся примером тесного творческого содружества ученых центральных учреждений Академии Наук с учеными советских национальных республик, должно подвести итоги нескольких лет исследований археологов в области истории материальной культуры на территории Молдавии и наметить пути дальнейших исследований.

Учитывая важность концентрации сил на решении наиболее крупных проблем археологии, ИИМК и ИИЯЛ организовали объединенную

Молдавскую экспедицию, в работе которой приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Кишинева, Киева, Львова и др.

Свидетельством содружества ученых являются настоящие заседания, на которых будут прочитаны доклады, подводящие первые итоги исследований истории материальной культуры народов, населявших территорию Молдавии от эпохи первобытного общества вплоть до периода развитого феодализма.

Территория современной Молдавской республики очень богата археологическими памятниками. Это древние поселения, курганы, могильники, клады — важнейшие в научном отношении свидетельства жизни человека на землях Молдавии во все эпохи истории человечества.

Но вплоть до последнего времени археологические памятники Молдавии почти не подвергались исследованию. Археологи буржуазной Румынии ограничивались изучением памятников в основном римской культуры. Исследования русских дворянско-буржуазных историков и археологов носили случайный характер и не дают поэтому ясной и полной характеристики черт той или иной культуры на территории Молдавии. Немногочисленные работы исследователей досоветского периода, написанные с позиций буржуазной методологии, ни в какой мере не могут нас удовлетворить. По освобождении Молдавии от фашистской оккупации советские археологи развернули широкие плановые работы по исследованию культур народов, населявших изучаемую территорию от эпохи палеолита до средних веков. Но особенно большие размеры исследования приняли после организации Молдавской археологической экспедиции, работа которой проходит при активном участии и под руководством ученых Москвы.

Экспедицией исследуются памятники палеолита и трипольской культуры (Выхватинцы), славянские городища (Екимауцы, Алчедар, Царевка и др.), памятники союзного значения, дающие ценнейший археологический материал. Эти работы ведутся под руководством Т. С. Пассек, Г. Б. Федорова и др.

Только теперь по-настоящему развернулись работы по исследованию материальной культуры молдавского народа: под руководством научного сотрудника Молдавского филиала Г. Д. Смирнова ведутся раскопки молдавского средневекового города Орхея.

Одной из труднейших и важнейших проблем истории Молдавии является проблема этногенеза молдавского народа. Она может быть решена только объединенными усилиями историков, археологов, языковедов и этнографов.

Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания дают советским ученым замечательное теоретическое оружие при разрешении, в частности, проблемы этногенеза. То, что уже достигнуто в этой области, нуждается в дальнейшем углублении. Большое значение приобретает работа археологов, исследующих материальную культуру населявших территорию современной Молдавии славянских племен и изучающих пути формирования и характерных черт материальной культуры молдавского народа. Творческое содружество археологов, историков и языковедов позволит вскрыть элементы славянской культуры и ее роль в формировании материальной культуры молдавского народа, т. е. позволит осветить вопросы, до сих пор не получившие удовлетворительного разрешения.

Наша самая передовая в мире наука знает немало замечательных примеров творческого содружества ученых различных специальностей. Вне всякого сомнения, что в данном случае большая совместная работа

ученых по разрешению одной из важнейших проблем истории Молдавии увенчается полным успехом.

Археологические исследования на территории Молдавии имеют также важнейшее значение для разработки вопросов истории материальной культуры народов Юго-Восточной и Восточной Европы. Здесь, в Молдавии, богато представлен ряд древних культур. Исследование памятников каменного века, трипольской культуры, эпохи бронзы и скифского времени, славянских поселений и могильников позволит значительно пополнить, а частично и пересмотреть некоторые исторические положения.

Для этого необходимо развернуть исследования материальной культуры эпохи бронзы, скифского времени, материальной культуры эпохи полей погребений, племен и народов, до настоящего времени или слабо, или совсем не изученных. Археологические исследования на территории нашей республики и работа над проблемой этногенеза молдавского народа также важны для ученых народно-демократических стран, работающих в тех же направлениях.

Совместное заседание ученых советов ИИМК и ИИЯЛ должно подвести предварительные итоги исследований истории материальной культуры на территории Молдавской республики и разработки проблемы этногенеза молдавского народа. Эти предварительные итоги исследований необходимо подвергнуть всестороннему деловому обсуждению и наметить дальнейшие пути расширения и углубления этой важной работы.

II. ДОКЛАДЫ И СТАТЬИ

Г. Б. ФЕДОРОВ

(Москва)

ИТОГИ ТРЕХЛЕТНИХ РАБОТ В МОЛДАВИИ В ОБЛАСТИ СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ

С 1950 г. и по настоящее время славянская группа Молдавской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и Молдавского филиала АН СССР ведет планомерные поиски и исследования славянских памятников на территории Молдавии.

За три года экспедицией открыто и обследовано по всему течению Днестра, от местечка Атаки на севере и до с. Тудорово на юге, свыше 80 славянских поселений, относящихся ко времени от рубежа нашей эры и до XII в. (рис. 1).

На семи селищах обнаружены фрагменты керамики, подобные найденным в Кобуска-Веке и датируемые VI—VIII вв. Эти находки связывают раннеславянские памятники эпохи полей погребений с памятниками древнейшей культуры эпохи создания и развития Киевского государства IX—XI вв. Правда, открытие отдельных фрагментов таких сосудов является далеко недостаточным, поиски и исследование славянских поселений VI—VIII вв. продолжают оставаться одной из важнейших задач экспедиции, но уже первые находки позволяют надеяться на успех дальнейших поисков и указывают их пути.

Экспедицией открыто и обследовано свыше 50 селищ, принадлежащих местному оседлому земледельческому населению эпохи полей погребений. Самое расположение селищ среди удобной пахотной черноземной земли и лугов и находки на них сельскохозяйственных орудий, например, железного наральника (рис. 2), зерен культурных растений, свидетельствуют о развитии земледелия.

О развитии ремесел позволяют судить находки костяных гребней, гончарного горна, бракованных керамических изделий, глиняных пряслиц и т. д.¹ Экспедицией открыто свыше 30 древнерусских селищ, относящихся к эпохе создания и расцвета Киевского государства, т. е. к IX—XII вв.; к этому же времени относятся и все шесть древнерусских городищ, открытых пока в Поднестровье. Найденные на селищах

¹ Подробное описание результатов исследования селищ см. в статье „Работа Славяно-Днестровской экспедиции в 1950 г.“, КСИИМК, вып. XLIV, 1952.

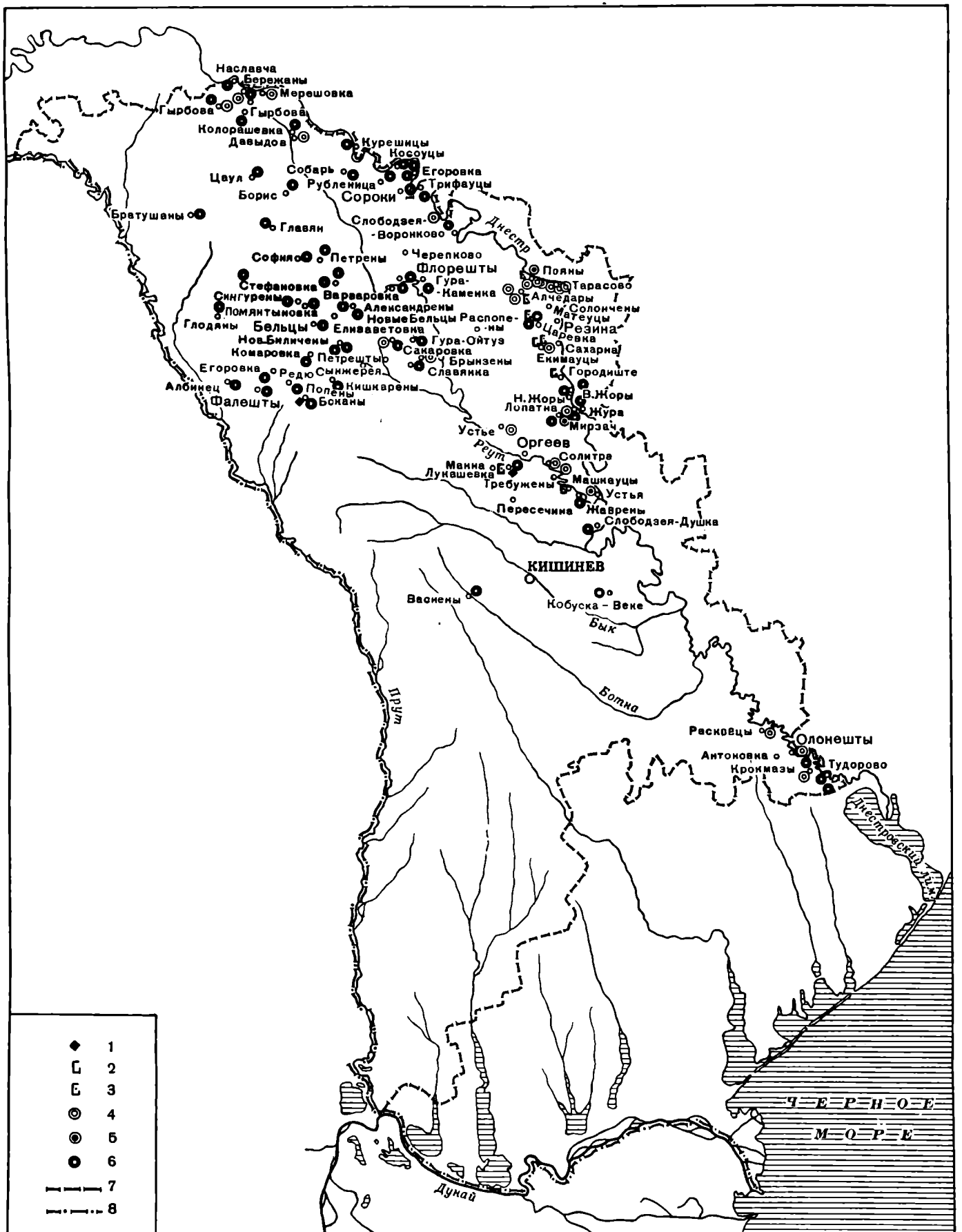

Рис. 1. Схематическая карта славянских поселений в Молдавии:

1 — могильники эпохи полей погребений; 2 — скифские городища (со славянскими слоями); 3 — городища великокняжеского времени; 4 — селища великокняжеского времени; 5 — селища эпохи полей погребений; 6 — селища великокняжеского времени; 7 — государственная граница СССР; 8 — границы союзных республик.

керамика, железный и керамический шлаки, сыродутный горн (селище у с. Требужены), тигли, жернова, кости домашних животных и т. п. позволяют судить о занятиях жителей.

Интересно, что на всех селищах, во всех слоях от I до XII в. н. э., наряду с грубой лепной керамикой, неизменно встречается и керамика, сделанная на гончарном круге. Это дает основание утверждать, что в Поднестровье в течение всего I тысячелетия н. э. существовал гончарный круг. Керамика нижних слоев селищ эпохи полей погребений более всего сходна с керамикой липицкого типа, а в верхних слоях — с керамикой черняховского типа. Это позволяет предполагать, что на территории Молдавии липицкая и черняховская культура представляют собой лишь хронологически сменяющиеся этапы в развитии культуры местного оседлого земледельческого населения.

Сглаживание различия между поднестровской и поднепровской керамикой IV—V вв., приобретение поднестровской керамикой этого времени „черняховского облика“, вероятно, отражают в материальной культуре создание мощных племенных славянских объединений, известных по письменным источникам. Вместе с тем необходимо отметить, что поднестровская керамика в течение всей первой половины I тысячелетия все же сохраняет некоторые специфические локальные черты. Так, например, в ней (это относится только к сосудам, изготовленным на гончарном круге) сильнее, чем в керамике эпохи полей погребений из Поднепровья, чувствуется влияние римской культуры, в частности, часто встречаются красноглиняные двуручные горшочки, сделанные, безусловно, по римским прототипам. В этом нет ничего удивительного, если принять во внимание, что границы Дакии находились совсем близко от Поднестровья.

Некоторые специфические черты сохраняет поднестровская керамика и в более позднее время. Так, например, для древнерусской керамики IX—XI вв. в Поднестровье характерна примесь к глине толченого пирита, придающего поверхности сосудов золотистый отблеск; дольше, чем в Поднепровье, по крайней мере до середины XI в., сохраняется в Поднестровье обычай покрывать линейно-волнистым орнаментом большую часть тулова сосуда; некоторые специфические особенности прослеживаются и в формах сосудов.

Однако в целом поднестровская керамика и другие изделия имеют ярко выраженный восточнославянский облик, и в IX—X вв., в период создания и укрепления древнерусской народности, различия между поднестровскими и поднепровскими памятниками материальной культуры постепенно нивелируются.

Особенно много славянских селищ и почти все городища (кроме городища Лукашевки) открыты экспедицией в междуречье Днестра и крупнейшего его правого притока Реута, где, видимо, и находился центр или один из центров восточнославянской культуры.

Почти все древнерусские городища, известные в Молдавии (Екимауцы, Алчедар, Лукашевка, Царевка, Пояна-Куница и Машкауцы), имеют овальную форму плато и окружены кольцевым рвом и валом. Вокруг

Рис. 2. Наральник из селища эпохи полей погребения.

городищ, в радиусе 5—10 км от них, располагалось обычно несколько селищ, с материалом, совершенно аналогичным тому, который находится на городищах.

На ряде открытых поселений (Гырбово, Попены, Лопатна и др.) керамика и другие изделия эволюционируют от самых ранних форм, присущих изделиям эпохи полей погребений, и до развитых древнерусских форм XI—XII вв. Это позволяет определить принадлежность их исконным славянским обитателям Поднестровья—тиверцам, так как уличи, как доказано Б. А. Рыбаковым, перешли на эту территорию лишь после 940 г. и, кроме того, как явствует из летописи, поселились между Днестром и Бугом, т. е. на левом берегу Днестра, а на правом берегу (где и открыты названные нами поселения) жили тиверцы. Таким образом, работами экспедиции доказано, что Днестр—древняя славянская река, что славяне в Поднестровье были не кратковременными пришельцами, а постоянным населением, в течение многих веков занимавшим все Поднестровье, что развитие культуры сельского хозяйства и ремесел было у них таким же, как и у других восточнославянских племен.

Поднестровье в I тысячелетии н. э. было не глухой кочевнической степью, как полагали некоторые историки, а одним из развитых и обжитых центров славянской культуры.

Показания летописи полностью подтверждены археологическими источниками; кроме того, в результате раскопок получены новые материалы, позволяющие судить о различных сторонах развития хозяйства и культуры тиверцев.

Землю Поднестровья, которую, как свидетельствуют археологические данные, в течение более тысячелетия возделывал славянский плуг и защищал славянский меч, буржуазные историки пытались оторвать от славянства. Результаты археологических исследований позволили раз и навсегда покончить со всеми этими попытками.

Уличи и тиверцы—славяне Поднестровья—до последних лет считались, пожалуй, наименее изученными из всех упоминаемых летописью четырнадцати восточнославянских племен—предков русского, украинского и белорусского народов.

Между тем изучение истории уличей и тиверцев представляет значительный интерес. Эти племена, занимавшие юго-западное пограничье древней Руси, уже по своему местоположению служили как бы промежуточным звеном для связи восточнославянского мира с южными и западными славянами. Они обитали на коренной славянской земле венетов и споров, антов и склавинов.

Изучение их истории, важное для выяснения некоторых вопросов Киевской Руси, важно еще и потому, что без него не может быть решен вопрос об этногенезе молдавского народа.

Сведения, сообщаемые письменными источниками об уличах и тиверцах, ограничиваются ценнейшими, но краткими сообщениями летописи и лаконичными упоминаниями о них в сочинениях анонимного баварского географа второй половины IX в. и в сочинении византийского императора Константина Багрянородного середины X в.

Сообщения римских авторов о славянах, а византийских историков VI в. об антах и склавинах не выделяют особо славян Поднестровья и потому для изучения их истории эти сообщения могут использоваться лишь при сопоставлении с археологическими данными.

Наиболее подробные сведения об уличах и тиверцах сохранились в русской летописи. Летописец начала XII в. сообщает следующее: „Уличи и тиверцы сядяку бо по Днестру, присядяку к Дунаеви.

Бе множество их; седаху бо по Днестру оли до моря, и суть гради их и до сего дне“.

В летописи сохранились и краткие известия о более ранней истории этих племен.

В процессе создания и укрепления Киевского государства киевские князья вели упорную борьбу за покорение и объединение всех восточнославянских племен. Одними из первых племен, втянутых в этот процесс, оказались уличи и тиверцы. Киевские князья Аскольд и Дир вели борьбу за покорение уличей. Ее продолжил Олег, который, как сообщает летопись, „с уличи и тиверце имеяше рать“. Преемник Олега князь Игорь также начал свое княжение с борьбы за покорение уличей. Воевода Игоря Свенельд, „примучи“ уличей, возложил на них тяжелую дань. Один из городов уличей — Пересечен — был взят Свенельдом лишь в 940 г. после трехлетней осады. После взятия Пересечена уличи, жившие до того в Поднепровье („по Днепру вниз“), переселились на запад, на территорию между Бугом и Днестром. Борьба киевских князей за покорение уличей и тиверцев в целом была, видимо, удачной и привела к включению их в Киевское государство.

Описывая поход Олега в 907 г. на столицу Византии Царьград, летописец упоминает в числе других восточнославянских племен, участвовавших в походе, уличей и тиверцев, называя последних толковинами, т. е. союзниками¹.

В походе 944 г. князя Игоря на Царьград тиверцы вместе с другими племенами упоминаются уже в составе основного русского войска, в то время как наемные союзники — печенеги — особо оговариваются в летописи.

После 944 г. тиверцы, как и ряд других восточнославянских племен, исчезают со страниц летописи, что, очевидно, отражало завершение процесса создания древнерусской народности и древнерусского государства.

Об уличах и тиверцах упоминает и анонимный баварский географ второй половины IX в., сообщающий о том, что многочисленный народ уличей имел 318 городов, а „свирепейший народ“ — тиверцы — 148 городов.

Константин Багрянородный также писал об области уличей, пограничной с округами, занимаемыми кочевниками — печенегами.

Письменные источники упоминают об уличах и тиверцах лишь на протяжении одного столетия — от середины IX до середины X в. Впрочем, если уличи перешли в Приднестровье лишь после 940 г., то тиверцы упоминаются в летописи именно как жители Поднепровья, да и самое их племенное название, вероятно, нужно связывать с древним названием Днестра — Тирас и с Тирой.

Византийские историки VI в. Прокопий, Иордан, Маврикий и другие вплоть до начала VII в. довольно подробно сообщают о славянах. Иордан называет Днестр пограничной рекой, разделяющей два крупных славянских племенных объединения — антов и склавинов, из которых первые жили на левом, а вторые на правом берегу Днестра. Таким образом, судя по письменным источникам, Поднепровье в этот период находилось в самом центре расселения славянских племен.

О пребывании славян в Поднепровье в VII и VIII вв. письменных сведений нет. Несколько столетий в истории славян Поднепровья остаются совершенно не освещенными письменными источниками. Тем большее значение имеет археологическое изучение памятников материальной культуры.

¹ См. Б. А. Рыбаков. Уличи. КСИИМК, вып. XXXV, 1950.

Попытки открытия памятников материальной культуры славян Поднестровья были предприняты впервые более ста лет назад. В 1837 г. по циркуляру министерства внутренних дел началось по всей территории Бессарабии собирание сведений о древних строениях, городищах, курганах и других древностях. Одной из важнейших целей этого мероприятия было стремление обнаружить древнерусские памятники материальной культуры. Сведения собирали люди, как правило, неквалифицированные, не сведущие в археологии земские судьи, старосты, учителя и т. п., которые иногда составляли очень добросовестные описания памятников, но не смогли, конечно, сделать правильных и обоснованных выводов.

С тех пор поиски древностей предпринимались неоднократно, но до последних лет существенных результатов они не дали. В период временной оккупации Поднестровья румынскими боярами и гитлеровскими захватчиками вообще запрещались какие бы то ни было поиски славяно-русских памятников материальной культуры.

Уличи и тиверцы назывались в исторической литературе „загадочными племенами“.

Большое научное значение изучения истории славян Поднестровья было настолько очевидно, что, несмотря на краткость известий письменных источников, этому вопросу посвящена обширная научная литература. Буржуазно-дворянская историография внесла в изучение славян Поднестровья много путаницы, а иногда и прямой фальсификации. Так, например, пресловутый академик Шлецер считал все летописные сведения об уличах и тиверцах сплошной опиской летописца, высокомерно называл их „бестолковыми племенами“ и считал, что выяснить, кто они такие, невозможно. Невежеству Шлецера русская наука обязана одним недоразумением. Не отделив предлог „с“ от существительного „уличи“ в летописном тексте, Шлецер измыслил мифическое племя, „суличей“, якобы живших на реке Суле. Поиски несуществующих суличей продолжались несколько десятилетий; недоразумение это было окончательно рассеяно лишь во второй половине XIX в. русской исторической наукой.

Некоторые не только зарубежные, но и русские буржуазные ученые, вопреки ясному указанию летописи, отрицали принадлежность тиверцев к восточнославянским племенам или объявляли их в Поднестровье кратковременными пришельцами, не оставившими никакого следа. Так, академик Соболевский называл их то турками, то печенегами, профессор Иловайский — то скифами, то немцами-тюрингами, академик Шахматов — конгломератом различных племен и народностей и даже крупный русский буржуазный историк Соловьев, наряду со многими важными и интересными выводами относительно славян Поднестровья, почему-то связывал их с литовскими племенами.

Представление о Поднестровье, как о земле, которая уже в конце I тысячелетия н. э. была оставлена славянами, являлась „печенежской глушью“, довольно широко распространено и в советской историографии. Так, академик Ю. В. Готье считал, что тиверцы жили в Поднестровье лишь между VII и IX вв., а в учебнике по истории СССР под редакцией академика Б. Д. Грекова район нижнего и среднего Поднестровья отмечен как разоренный и захваченный в IX—X вв. кочевниками. В I томе „Истории Молдавии“ также сказано, что славяне-анты на территории Молдавии не автохтонны, а появились лишь в III—IV вв.

Для раскрытия тайны „загадочных племен“, для определения времени появления славян в Поднестровье и их исторических судеб нужны

были факты открытия и исследования славянских памятников материальной культуры.

Интересно, что уже после проведения археологических разведок 1950 г., которыми открыт ряд древнерусских селищ IX—X вв. в Южном Поднестровье, вышла в свет работа византиноведа М. В. Левченко „Ценный источник по вопросу русско-византийских отношений в X в.“. Тщательно и по-новому изучив такой важный источник, как известная „Записка греческого топарха“, М. В. Левченко показал роль этого документа в исследовании связей Древней Руси с придунайскими странами и установил, что в X в. существовало оседлое русское население в придунайских областях и в устье Днестра¹.

Таким образом, полностью совпали выводы, полученные на основании изучения письменных источников, с выводами, сделанными на основе итогов археологических раскопок; можно, следовательно, со значительной долей уверенности говорить, что в X в. не только в Среднем, но и в Нижнем Поднестровье жило оседлое русское население.

Детальное археологическое исследование древнерусских поселений в нижнем причерноморском районе Поднестровья является одной из важных задач экспедиции. Особенное внимание обращено экспедицией на изучение древнерусских поселений, в первую очередь городищ, в междуречье Днестра и Реута, где, как уже указывалось, находился центр или один из центров славянской культуры в Поднестровье.

Самое южное из древнерусских поселений в Поднестровье открыто экспедицией у с. Тудорово, в 20 км от Днестровского лимана.

Прежде всего необходимо отметить итоги исследования Екимауцкого городища (рис. 3), сожженного и разграбленного в середине XI в. печенегами.

Богатейший набор орудий труда различных ремесленников, изделий из железа, меди, серебра, дерева, камня, стекла и т. п., остатки оборонительных и иных сооружений и жилищ позволили с большой полнотой раскрыть уровень развития производительных сил древнерусского населения Поднестровья в IX—XI вв., охарактеризовать различные стороны хозяйственной и культурной жизни населения, сделать ряд выводов по его социальной и политической истории, а также неопровержимо доказать, что в X—XI вв. Поднестровье входило в состав Киевского государства².

Раскопки Екимауц, Алчедарского и Царевского городищ, осуществленные экспедицией в 1950—1952 гг., дали новый материал для изучения древнерусского зодчества X—XI вв.

В строительстве оборонительных сооружений Екимауцкого городища можно различить два периода (рис. 4), как, впрочем, и на городищах у сел. Царевка и Алчедар (рис. 5—7).

В первый строительный период, относящийся ко времени основания городища (т. е. к концу IX в.), вокруг всей его площадки был насыпан вал высотой 2,5—3,5 м и вырыт широкий и глубокий ров с относительно пологими стенками. Поверх этого вала, вероятно, был возведен частокол, но остатки его не прослежены при раскопках. Судя по находкам и стратиграфическим данным, во второй половине X в. оборонительные сооружения Екимауцкого городища были частично или полностью разрушены, а затем перестроены и усилены. Границы первого строительного периода хорошо прослеживаются по 5—15-сантиметровым

¹ См. Византийский временник, 1951, т. IV.

² Изложение итогов раскопок Екимауцкого городища см. в моей статье „Городище Екимауц“. КСИИМК, вып. L, 1953.

метровой углистой прослойке, идущей по древнейшей поверхности вала. Во время второго строительного периода вал был подсыпан до высоты 4—6 м и усилен срубами из дубовых бревен, размером 4 × 4 м, заполненных глиной и камнями. Эти срубы, или, как их принято называть, городни, примыкали друг к другу и опоясывали все городище. Обугленные остатки бревен городен найдены при всех раскопках вала. Снаружи стенки городен для предохранения бревен от гниения и пожара, судя по многочисленным находкам кусков обмазки с отпечатками

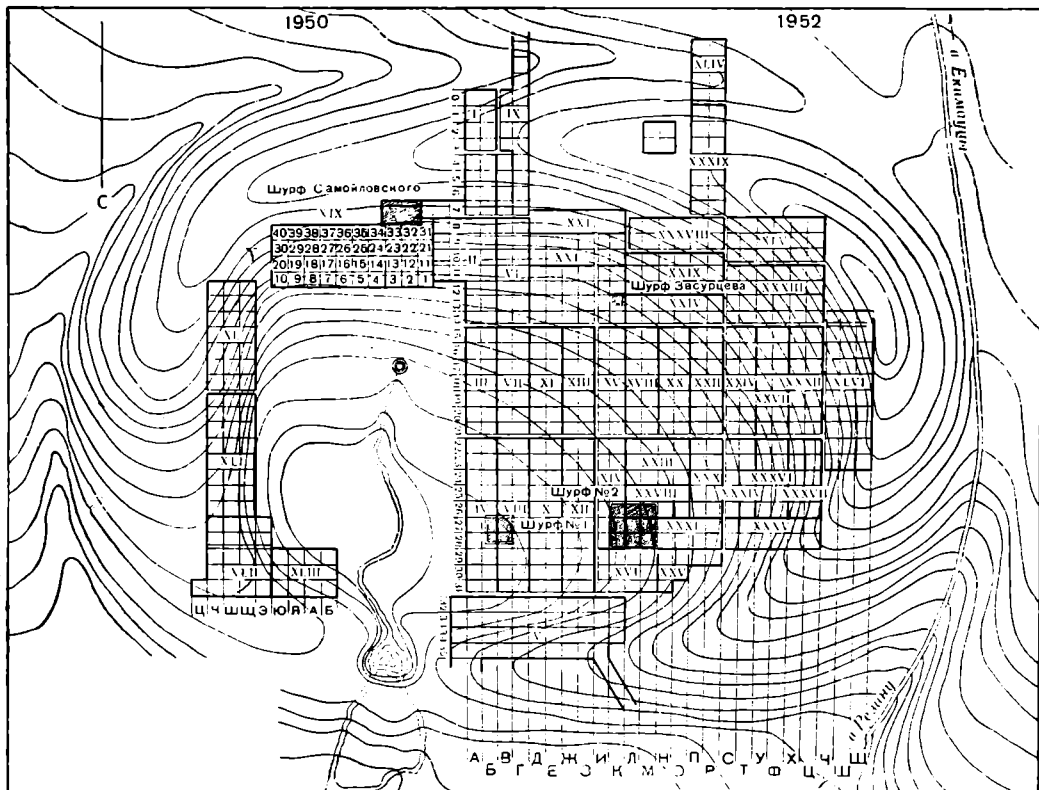

Рис. 3. План раскопок Екимяудского городища.

бревен, обмазывались толстым слоем глины. Крутизна склонов вала и рва была значительно увеличена; введены каменные и деревянные подпорные стены — ряжи, предохранявшие склоны от оплывания. Развалы каменных подпорных стен и обугленные остатки бревенчатых ряжей хорошо сохранились и прослежены при раскопках.

Поверх городен, судя по аналогии с другими древнерусскими городищами, видимо, находились забороло — крытые бревенчатые галереи с прорезами для наблюдения и стрельбы. Во время второго строительного периода серьезно повышена эффективность оборонительных сооружений. Вероятно, производство этих работ диктовалось усилившимся со второй половины X в. напором степных кочевников и было обеспечено прочным включением Поднестровья в Киевское государство.

Сооружение подпорных стен хорошо известно в древней Руси для более позднего времени (Московский, Верейский кремли и т. д.), а для X в. впервые встречено в Екимяуцком и других тиверских городищах. Изучение их существенно пополняет наши знания о древнейшем периоде

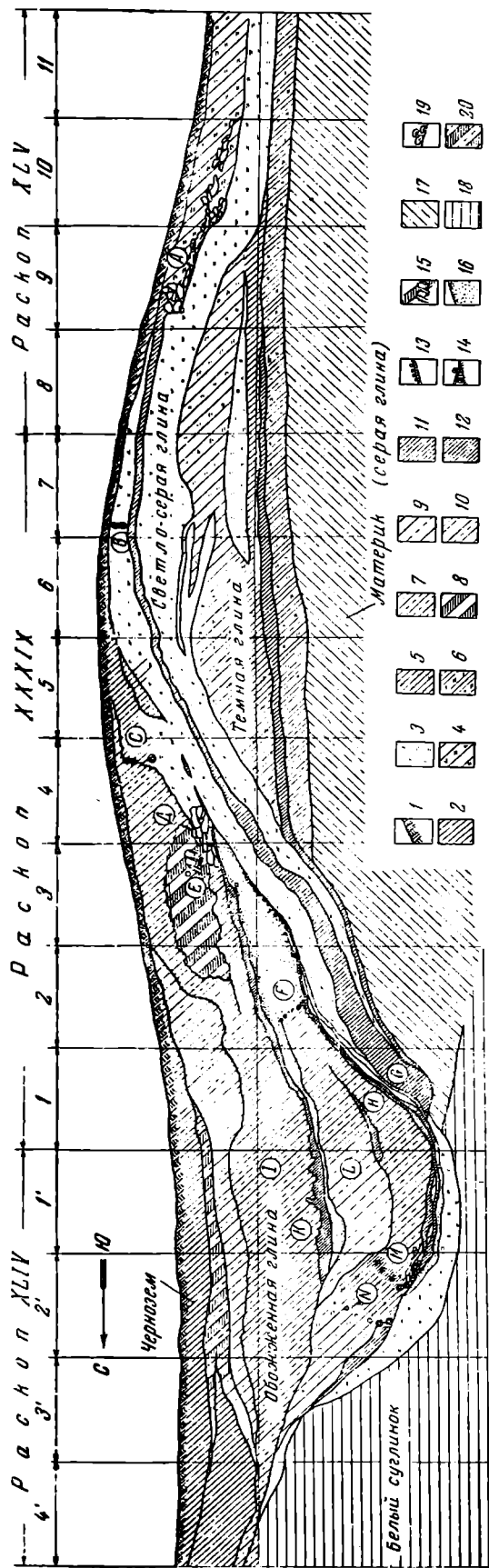

Рис. 4. Профиль рва и вала Екиауцского городища:

7 — темный грунт; 2 — чернозем; 3 — светлосерая глина; 4 — серая глина; 5 — темная глина; 6 — темносерая глина; 7 — обесжелезаванная глина; 8 — пережженная глина;
 9 — розовая обожженная глина; 10 — смесь чернозема с обожженной глиной; 11 — гумированная глина; 12 — поршисобственный угаль; 13 — куски древесного угля;
 14 — обугленное дерево; 15 — отпечатки дерева в пережженной глине; 16 — супесь; 17 — серая глина матеина; 18 — белый суглинок матеина; 19 — камень;
 20 — смесь обожженной и пережженной глины.

русской фортификации. Весь комплекс оборонительных сооружений тиверских городищ представляет собой локальный юго-западный вариант древнерусской фортификации, стоявшей для своего времени на очень высоком уровне.

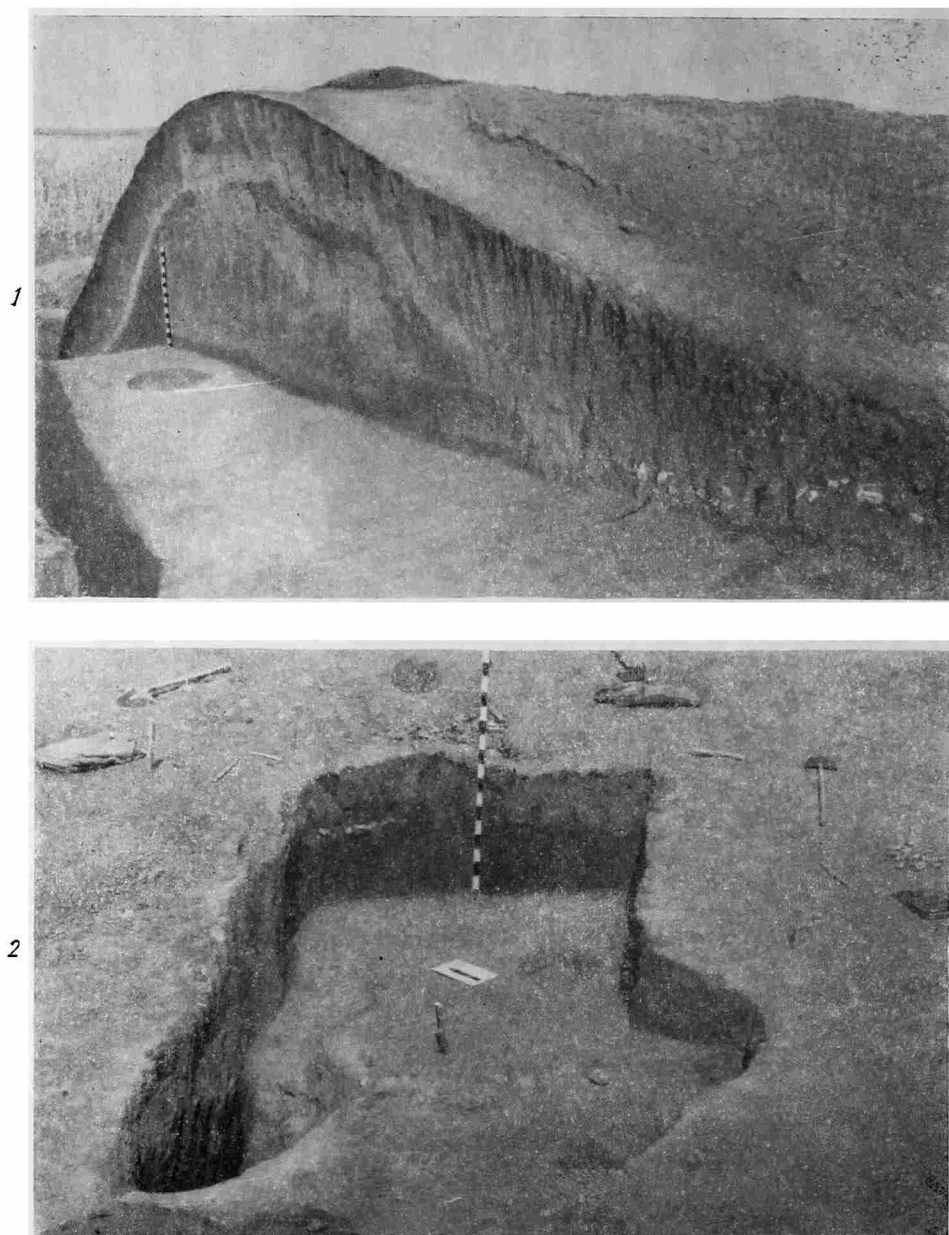

Рис. 5. Алчедарское городище. Юго-восточный профиль вала (1) и землянка № 1 (2).

Находясь на юго-западной окраине русских земель, вынужденные часто отбивать набеги кочевников, тиверцы не только строили хорошие оборонительные сооружения, но и имели высококачественное разнообразное оружие. Во время раскопок найдены многие образцы вооружения: сотни стрел, метательных дротиков, боевые топоры и пр. Находки их вместе с соответствующими орудиями труда, заготовками и брако-

ванными изделиями свидетельствуют о том, что все эти виды оружия делались на месте.

Внутренняя планировка всех трех городищ примерно одинакова. В центре помещалась площадь с небольшим водоемом, полностью или частично вымощенная белым известняком, выходы которого в изобилии встречаются на берегах Днестра, где они разрабатываются и поныне.

По кругу внутреннего склона вала размещались жилища, мастерские, хозяйственные и зерновые ямы и другие сооружения. Жилища пред-

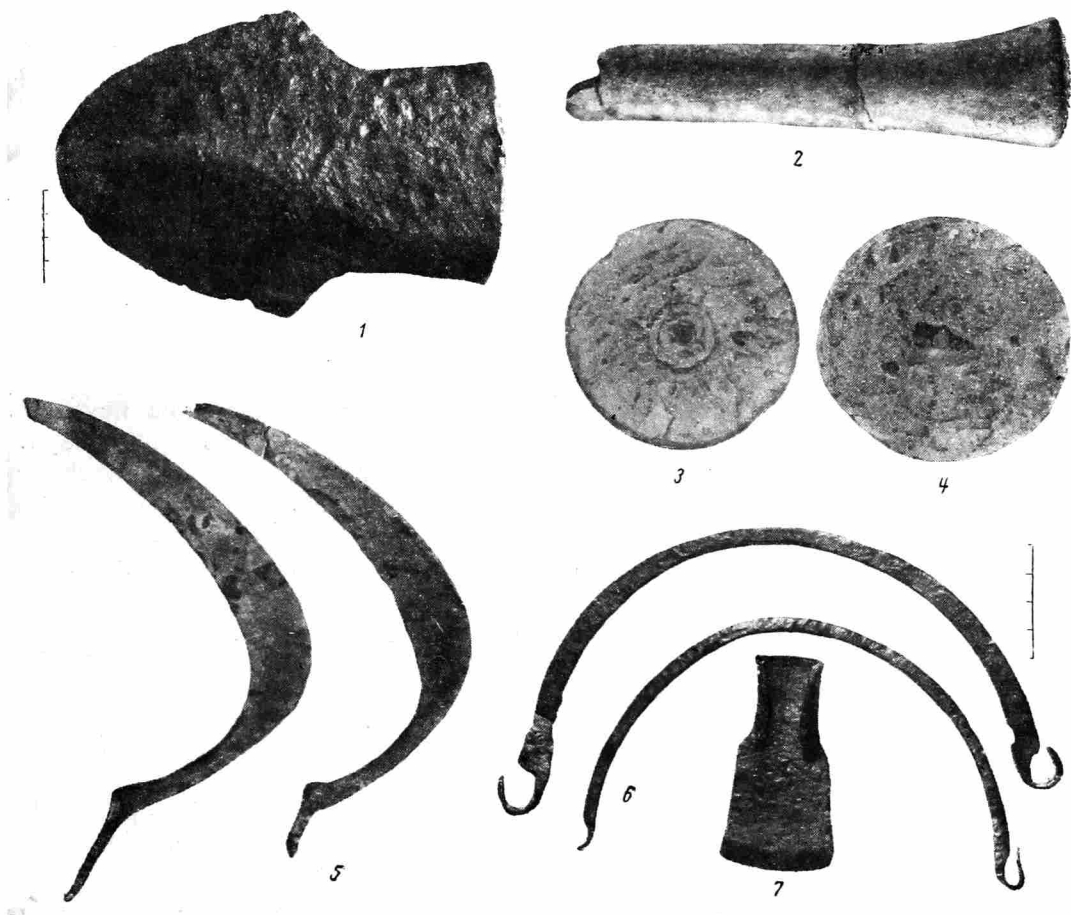

Рис. 6. Различные тиверские орудия:

1 — лемех; 2 — сопло; 3, 4 — жернова; 5 — серпы; 6 — дужки для ведер; 7 — тесло (1, 5 — Екимауцкое городище; 2-4, 6, 7 — Алчедарское городище).

ставляли собой прямоугольные или квадратные полуземлянки, размером от 12 до 45 м², углубленная часть которых была вырезана в материковой глине, лежащей в основании площадки городища (рис. 5—2). Вырезы в материковой глине образовывали столы, лежанки, подставки для глинобитных овальных или полусферических печей и т. д. Наземные части стен состояли из жердей, переплетенных ивовыми прутьями и обмазанных с обеих сторон глиной. Возле жилищ и мастерских размещались стойла, летние очаги, зерновые ямы и т. д. Больше всего предметов вооружения, утвари, орудий труда (рис. 6) и изделий различных ремесленников найдено внутри жилищ или возле них.

Интересно, что строительные приемы тиверцев — подпорные стенки, использование вырезов в материковой глине в качестве столов и т. п. — перешли в молдавское зодчество, как об этом свидетельствуют средневековые молдавские памятники материальной культуры и этнографические данные. Стойкость приемов народного зодчества показывает преемственность традиций молдавской культуры от культуры древнерусской и наряду со сходством между многими формами орудий труда и изделий свидетельствует о большой роли древнерусской культуры в создании культуры молдавской. Сходство в древнерусской и молдавской материальной культуре прослеживается не только в строительстве оборонительных сооружений, жилищ, зерновых ям, в орудиях труда и т. п., но даже, например, в музыкальных инструментах.

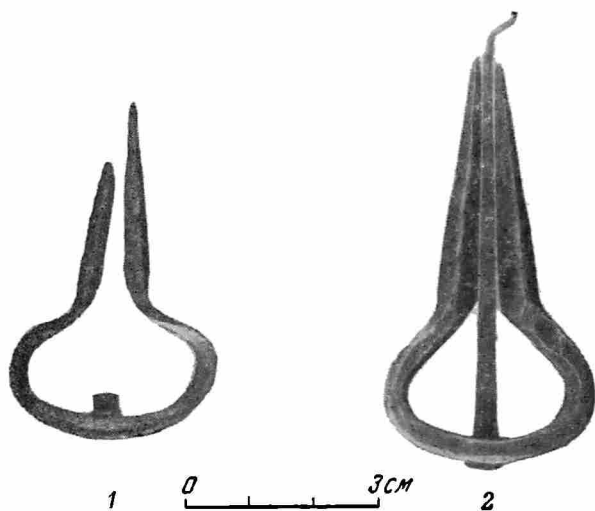

Рис. 7. Музыкальный инструмент — дрымба.

1 — из древнерусского городища Екимаузы (IX—X вв.);
2 — современная молдавская дрымба (с. Лукашевка).

Во время раскопок Екимауцкого городища найден небольшой музыкальный инструмент, представляющий собой кованую железную дужку с вытянутыми концами и укрепленной между ними тонкой стальной пластинкой (рис. 7—1). Концы дужки зажимались между зубами, и от ударов пальцами по пружинящей пластинке исходил низкий, рокочущий звук. Этот музыкальный инструмент широко применялся и применяется до сих пор у молдаван, причем дрымба, открытая раскопками Екимауцкого городища, и современная дрымба, приобретенная экспедицией в селе Лукашевка Оргеевского рай-

она (возле одного из древнерусских городищ), отличаются друг от друга лишь степенью сохранности (см. рис. 7—2).

У тиверцев, обитателей городищ, были широко развиты ремесла. На основании данных раскопок можно насчитать более десяти различных специальных ремесел, в том числе кузнечное, железоплавильное, меднолитейное, камнерезное, ювелирное, оружейное, ткацкое, сапожное, плотничное.

О выплавке и обработке железа свидетельствуют находки сопла от сыродутных горнов (рис. 6—2), кусков железа, шлака и криц железа, стального напильника, кузнечных клещей, молотов и десятков разнообразных изделий из железа.

Находки различных пробойников, раскроечных сапожных ножей, резца от токарного станка, точильных брусков, тиглей, зубил, пил, стамесок, тесел, шиферных и глиняных пряслиц, пряжек, матриц для изготовления украшений, ювелирных молоточков и зубилец, шперака и т. п. позволяют судить о существовании многих ремесел. Кроме орудий труда, на городищах обнаружены заготовки, полуфабрикаты и готовые изделия из железа, серебра, бронзы, кости, камня, дерева, глины, стекла, льняная ткань и т. п.

Уровень развития ремесел и всей материальной культуры тиверцев в X—XI вв. позволяет говорить о наличии феодальных отношений

и рассматривать городища тиверцев как ремесленные и военно-административные центры периода создания древнерусской народности и укрепления древнерусского государства.

Тиверские ремесленники владели всеми известными для того времени орудиями труда и приемами мастерства (кроме эмали). Камнерезы, например, с равным искусством изготавливали огромные известняковые или песчаниковые жернова для ручных мельниц (рис. 6—3,4) и маленькие изящные бипирамидальные, призматические и другие сердоликовые бусы; кузнецы — всевозможные изделия от миниатюрных рыболовных крючков до тяжелых топоров и плужных ножей, требующих специальной наварки лезвия; ювелиры — различные изделия от небольших круглых (диаметр около 2 см) бляшек для ожерелья, украшенных сложным узором из сотен микроскопических напаянных серебряных шариков, до серебряных и позолоченных чеканных наконечников ножен, покрытых затейливым растительным орнаментом.

Из железных изделий выделяется ряд редких интересных предметов. Отметим, например, шпору с ромбовидным острием (рис. 8—1). Находки шпор вообще сравнительно редки в древнерусских городах. До настоящего времени их найдено немного более 20 (в Новгороде, Москве, Княжей Горе и т. д.). Но все эти шпору относятся к гораздо более позднему времени, к XIII—XIV вв. и позже. Найденная на Алчедарском городище шпора, судя по стратиграфии, относится ко времени не позднее IX в. и является первой, известной пока, древнерусской шпорой столь раннего времени; наряду с удилами, найденными в Алчедаре и Екимаяуцах, она позволяет представить снаряжение русских всадников той эпохи. Из других редких изделий, мало или совершенно не известных археологам для X—XI вв., отметим найденные на Екимаяуцком городище волоки для изготовления проволоки, пирамидальную наковальню, круглый точильный камень.

О развитии промыслов у тиверцев дают представление находки медорезного ножа с типичной коленчатой ручкой, рыболовных крючков, блесны, глиняных грузил для сетей, охотничьих стрел — срезней, а также кости рыб и диких животных — косули, кабана и других. Впрочем, эти отрасли хозяйства (охота, рыболовство, пчеловодство и т. д.) играли у тиверцев значительно меньшую роль, чем земледелие и скотоводство.

О развитии земледелия свидетельствуют находки в остатках жилищ и в зерновых ямах многих килограммов зерен мягкой пшеницы, проса, ржи, овса, гороха, конопли и льна, находки десятков обломков и пяти целых известняковых жерновов, мотыг для огородных работ, трех целых (рис. 6—5) и пяти фрагментов серпов, чересла для тяжелого передкового плуга, лемехов (рис. 6—7) для старопашотных земель и маленьких лемешков для предпосевной обработки почвы.

Исследование полученных материалов позволяет утверждать, что тиверцы обладали дифференцированной системой орудий для обработки почвы и применяли переложную систему земледелия.

О развитии скотоводства можно судить по находкам множества костей домашних животных (лошади, коровы, свиньи, мелкого рогатого скота и собаки), а также четырех удил, железных пут, косы-горбуши, применявшейся для косьбы сена, что указывает на практику стойлового содержания скота.

Находки клейм в виде крестов, кругов, крестов в круге и других знаков собственности на керамике и на различных изделиях, а также ключи и замки свидетельствуют о наличии частной собственности, а множество привозных вещей, в основном из центральных районов Киевской Руси — о довольно широком развитии торговли. О мировоз-

зрения тиверцев позволяют до известной степени судить находки языческих амулетов, например медвежьих и другие звериные клыки с просверлинами. Интересно, что в Екимавском городище найден также небольшой бронзовый нательный крестик. Все это говорит о том, что наряду с сильными пережитками язычества в X—XI вв. уже существовало христианство — религия, характерная для классового общества.

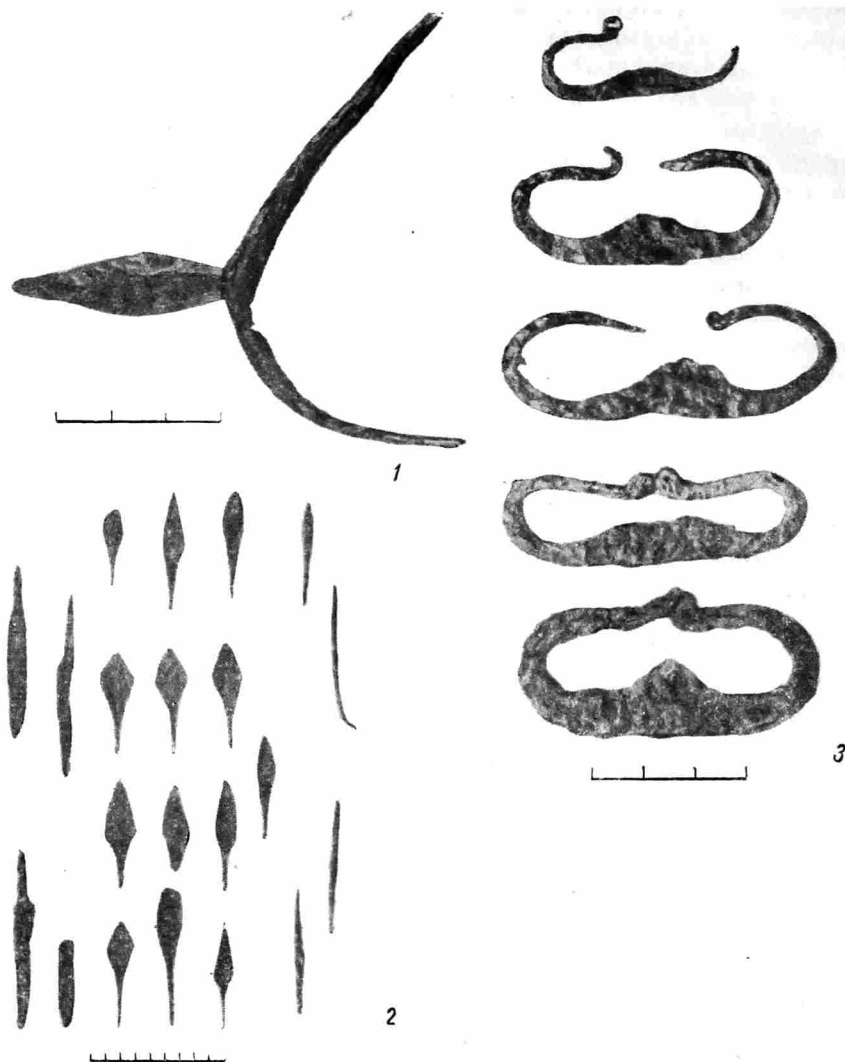

Рис. 8. Различные предметы из Алчедарского городища:

1 — шпора; 2 — стрелы; 3 — кресала.

Основные категории памятников материальной культуры — оборонительные и иные сооружения, орудия труда, оружие (костяные рукоятки с изящным рифленным орнаментом, сделанным на токарном станке, резец от которого был найден), перстнеобразные височные кольца, бронзовые перстни (рис. 9), серебряные и другие бусы, бронзовые бубенчики и пуговицы — имеют ярко выраженный общерусский облик и совершенно одинаковы на всех трех городищах. Это подтверждает, что все три городища были построены и обитаемы славянами-тиверцами. Интересно, что ремесленные изделия, делавшиеся на городище (керамика и прочее), имели довольно широкий рынок сбыта и распространялись

на десятки километров. Об этом можно судить по находкам на селищах вещей, совершенно идентичных изготовлявшимся на городищах, причем они встречались не только в ближайших, но и в самых отдаленных от городищ тиверских селищах.

Планировка городищ и сооружений, характер орудий труда и изделий свидетельствуют о том, что у тиверцев, как и у населения центральных областей Киевской Руси, были уже довольно развитые в X—XI вв. феодальные отношения, существовал феодальный строй. В связи с этим интересно проследить некоторые особенности производства в эту эпоху у славян Поднестровья и вообще у восточных славян.

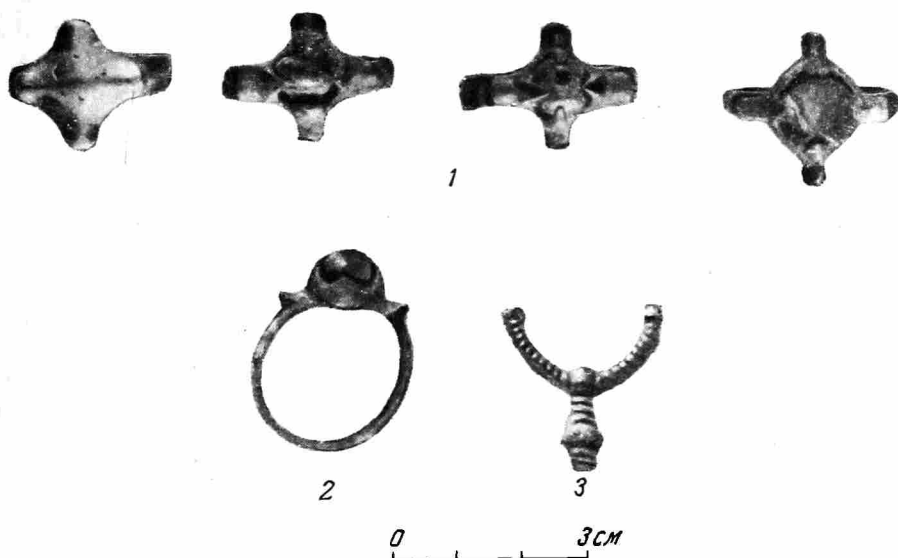

Рис. 9. Бронзовые перстни (1, 2) и серьга (3) из Алчедарского городища.

И. В. Сталин в своем труде „Экономические проблемы социализма в СССР“ указывал, что товарное производство старше капитализма, что оно существовало и при рабовладельческом строе и при феодализме и обслуживало их.

Было ли товарное производство у славян Поднестровья и можно ли вообще при отсутствии письменных источников по археологическим данным судить о наличии или отсутствии товарного производства? С нашей точки зрения, памятники материальной культуры дают для этого достаточные основания. Главными вещественными археологическими признаками товарного производства являются:

1. Наличие специализированных орудий труда, указывающих на выделение многих и сложных ремесел, что возможно лишь при работе на рынок.

2. Большой район распространения изделий, произведенных в определенных пунктах, с постепенной нивелировкой разницы между однородными изделиями.

3. Наличие знаков собственности и клейм мастеров.

4. Наличие монет, денежных слитков и других денежных знаков, указывающих на денежное обращение.

Все эти признаки налицо в хозяйстве тиверцев и свидетельствуют о наличии товарного производства, а следовательно, и классового общества (в данном случае — феодализма), так как товарное производство является категорией классового общества.

Конечно, не следует преувеличивать роли товарного производства у славян Поднепровья в X—XI вв. в общем объеме их производства, так как при феодализме, в особенности на ранних стадиях его развития, патриархальное хозяйство, как известно, играет бóльшую роль, однако против самого факта существования у тиверцев товарного производства, если судить по археологическим данным, вряд ли можно возражать.

В самом деле, существование свыше десяти различных высокоразвитых ремесел служит доказательством работы ремесленников на рынок. Широкое распространение изделий, произведенных в городищах, в частности гончарных и ювелирных, также бесспорно, причем изделия тиверских ремесленников встречены не только в дальних и ближних поднепровских селищах, но и в очень отдаленных от Поднепровья местах. Так, например, серебряные со сканью и зернью серьги особого типа, характерные именно для славян Поднепровья, на городищах которых они найдены вместе с орудиями изготовления и в наибольшем количестве, найдены, правда в единичных экземплярах, в центральных областях Киевской Руси и в западнославянских землях. Находки на тиверских городищах множества среднеазиатских диргемов, которые были одним из самых распространенных видов денежных знаков в Восточной Европе в VIII—X вв., и русского рубля-слитка свидетельствуют о денежном обращении.

Таким образом, анализ фактического материала позволяет сделать определенные выводы, касающиеся вопросов экономики и социального строя славян Поднепровья. Эти выводы распространяются не только на Поднепровье, но и на центральные области Киевского государства в рассматриваемую эпоху.

Нам кажется, что одной из важных задач советских археологов является определение признаков, характера и особенностей товарного производства древней Руси, определение роли товарного производства в общем объеме производства и выяснение на этой основе сложных и поныне нерешенных вопросов социальной истории восточного славянства, в особенности в первом тысячелетии нашей эры.

Возвращаясь к итогам полевых работ экспедиции, следует отметить, что в историко-археологическом изучении славян Поднепровья осталось еще очень много нерешенных проблем. Так, например, выяснено, что жизнь на Екимавском городище прекратилась в первой половине XI в.; Алчедарское и Царевское городища не были разгромлены кочевниками, так как здесь нет следов пожара и разгрома, хотя и они подвергались нападениям, о которых свидетельствуют находки довольно большого числа втульчатых конусообразных кочевнических стрел. Жизнь на этих городищах продолжалась несколько дольше, чем на Екимавском, — до конца XI, может быть, начала XII в. Возможно, что эти городища покинуты тиверцами в результате усилившегося с середины X в. напора кочевников на Киевское государство, особенно в связи с половецкими набегами. Можно предположить, что жители под напором кочевников вынуждены были покинуть в конце XI—XII вв. насиженные места и передвинуться на север, дальше, под защиту лесного массива Кодр.

Во всяком случае, по археологическим данным, исторические судьбы древнерусского населения Поднепровья с XII в. нам пока неизвестны.

В начале второй половины XIV в. было создано молдавское государство. Какова же роль славян Поднепровья в формировании молдавского народа, его государственности и культуры?

Наличие многих славянских слов в молдавском языке, в том числе слов, относящихся к земледелию, позволяет говорить о том, что роль славян была значительной. Об этом же свидетельствует и топонимика — существование в Молдавии многих и притом, несомненно, древних названий населенных пунктов славянского происхождения: Пересечена, Славянка, Черепкеу, Белгород, Городишти и т. д. Значительная часть древних молдавских летописей, грамот и договоров была написана на славянском языке и в свою очередь извлечение из этих летописей вошло в русские летописные своды под названием „Сказание вкратце о молдавских государях, откуда начася молдавская земля“.

Интересно, что молдавская летопись Григория Уреке, составленная в XVII в., но опирающаяся в своей вводной полуполюгендарной части на более ранние источники XV в., говоря об образовании молдавского государства, называет в качестве аборигена на территории Молдавии первого местного жителя, которого встретил будущий господарь Драгош, русского человека пасечника Ецко.

В „Списке городов русских дальних и ближних“, составленном в конце XIV в., упоминается ряд русских городов по Днестру, Пруту и Дунаю.

Таким образом, лингвистические данные и письменные источники говорят о глубоких исторических корнях связей Молдавии и молдавского народа со славянами.

Не исчезла, конечно, бесследно и блестящая материальная культура славян Поднестровья. Она была творчески воспринята, видимо, при помощи самих же тиверцев, частью вошедших в состав молдавского народа. Древнерусская культура обогатила молдавскую и сыграла в развитии ее большую роль.

Можно с уверенностью сказать, что дальнейшие археологические исследования позволят более детально осветить связь древнерусской и молдавской культур.

Важнейшая задача экспедиции на ближайшие годы — открытие и исследование могильников и селищ эпохи полей погребений, славянских селищ VI—VIII вв., обследование района Попрутья, до сих пор остающегося белым пятном на археологической карте Советского Союза, продолжение исследования древнейших селищ и городищ.

Перед экспедицией стоит много важнейших, пока не решенных задач, но уже сейчас можно сказать, что в результате напряженной работы всего коллектива экспедиции, в котором достойное место занимают молодые молдавские археологи, буржуазные теории, искажавшие историю Поднестровья, постепенно рассеиваются; тысячи новых фактов рисуют нам Поднестровье как одну из древних незыблемых твердынь восточного славянства и древнерусской государственности и культуры, послуживших одним из важнейших слагаемых государственности и культуры братского молдавского народа.

Г. Д. СМЕРНОВ

(Кишинев)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРОГО
ОРХЕЯ

Систематическое изучение памятников материальной культуры средневековой Молдавии началось в послевоенные годы, когда был открыт ряд молдавских средневековых селищ и городищ. Особенный интерес из них представляет молдавское средневековое городище, расположенное в Сусленском районе Молдавской ССР, известное среди местных жителей под названием Пештере, или Старый Орхей.

Первое известие о древнем Орхее относится к началу XVIII в. Дмитрий Кантемир, молдавский господарь и историк, в своем труде „Описание Молдавии“¹ упоминает о Старом Орхее и пытается связать народное предание о нем с дакийской крепостью Петродавой. Настоящее местоположение Старого Орхея Дмитрию Кантемиру не было известно. По его предположению, он был расположен на западном берегу Оргеевского озера, близ современного города Оргеева.

В середине XIX в. известный молдавский писатель Константин Стамати в статье „О Бессарабии и ее древних крепостях“² сообщает краткие сведения о Старом Орхее, его местоположении, о находках на его территории различных вещей и монет. Константин Стамати, так же как и Дмитрий Кантемир, рассматривает памятник как дакийскую крепость, не подтверждая, однако, этого какими-либо историческими источниками.

Те же сведения о Старом Орхее приведены у Защука³.

В. Курдиновский, лично обследуя в 1906 г. окрестности с. Требужены и Бутучены, первым из всех писавших об Орхее пришел к убеждению, что именно в этой местности должен был существовать молдавский город. Свою точку зрения он подкрепил ссылками на находки креста-складня и западноевропейских монет. В. Курдиновский выступил против утверждений А. Усиневича, который продолжал видеть в этом памятнике дакийскую крепость Петродаву.

Одним из источников для изучения города, его военного и политического значения в истории Молдавского княжества XIV—XVI вв.

¹ Д. Кантемир. Дескрипция Молдовей, Букурешть, 1923, стр. 13. „На западном берегу озера в окрестных лесах виднеются развалины „Старого города“, называемого жителями Старый Оргеев. Его местоположение соответствует античной дакийской крепости Петродаве“.

² К. Стамати. О Бессарабии и ее древних крепостях. ЗООИД, т. II, 1850.

³ А. Защук. Материалы для географии и статистики России, ч. II. СПб., 1862, стр. 241.

являются многочисленные грамоты, упоминающие имена орхейских пыркалабов (наместников). В Орхей пыркалабами назначались наиболее крупные бояре, тесно связанные с двором господаря или родственными узами с самим господарем. Важное значение для изучения истории города имеют грамоты XVI—XVIII вв. Они содержат сведения о местоположении, топографии местности и некоторых пунктах, связанных в прошлом с жизнью города. В грамотах 70-х годов XVI в. Орхей впервые выступает под названием Старого Орхея. Эти источники подтвердили правдивость народного предания о Старом Орхее и его местоположении.

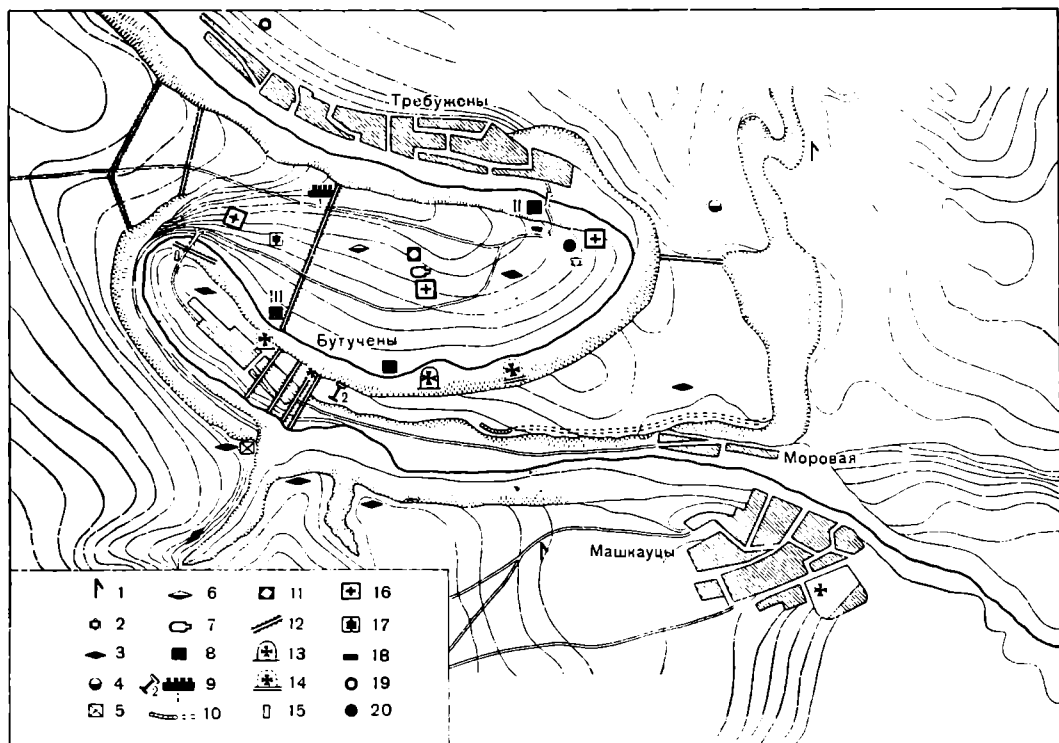

Рис. 10. План-схема местности „Старый Орхей“ и городища Бутучены:

1 — палеолитические находки; 2 — трипольские поселения; 3 — скифские селяща; 4 — находки скифской керамики; 5 — славянские городища; 6 — находки славянской керамики; 7 — фундамент церкви; 8 — фундамент бани; 9 — развалины крепости; 10 — городища; 11 — фундамент архитектурного сооружения; 12 — валы и рвы; 13 — пещерные монастыри; 14 — следы закладки пещерного монастыря; 15 — памятник Логофету; 16 — кладбища „Старого Орхея“; 17 — находка еврейской надгробной плиты; 18 — сгоревшая хозяйственная деревянная постройка; 19 — печи гончарные; 20 — печи для обжига извести.

Орхей был расположен на р. Реуте, главном притоке Днестра, между современными селами Требужены и Бутучены Сусленского района МССР, в 18 км на юго-восток от Оргеева и в 50 км на северо-восток от Кишинева (рис. 10).

Город занимал большой и труднодоступный мыс площадью в 268 га, длиной 2812 м. Мыс вытянут с запада—северо-запада на восток—юго-восток. В своем основании (в западной—северо-западной стороне) он возвышается над уровнем р. Реута на 100—120 м и постепенно, тремя террасами, понижается до уровня реки. С северной, восточной и южной сторон мыс омывается Реутом, достигающим здесь 25—35 м ширины. Противоположные мысу берега реки крутые и обрывистые; только в северной стороне часть берега имеет относительно пологий

склон, у подножья которого расположено современное с. Требужены (там, где был посад Орhea). С западной—северо-западной стороны город защищался тремя линиями укреплений. На первой террасе были возведены две линии рвов и валов, на второй—один вал и ров, который пересекал весь мыс с севера на юг; на левом фланге перед рвом и валом была построена каменная цитадель с четырьмя башнями по углам. По топографическим условиям мыс Пештере в сочетании с противоположным ему Бутученским мысом составлял труднопреодолимую природную крепость, которая запирала водный и сухопутный пути в среднее и верхнее течение долины р. Реута. Орhea был важной крепостью на восточной границе Молдавского княжества.

Природные условия местности были оценены уже в глубокой древности.

- Мыс начал заселяться еще в эпоху верхнего палеолита, свидетельством чему служат находки дисковидных нуклеусов, скребков, ножевидных пластин.

В восточной части мыса, в III—II тысячелетии до н. э., располагалось поселение трипольской культуры с характерной для этого времени керамикой с углубленным орнаментом.

В этой же части мыса в конце IV—начале III в. до н. э. возникло селище скифского времени, которое местами перекрыло культурный слой трипольского поселения. Фрагменты керамики скифского времени встречаются и на остальной территории мыса. Культурный слой селища почти всюду нарушен средневековым городом и последующей длительной обработкой земли. Основная масса керамики из подъемного материала и из шурфов представлена мелкими обломками различного типа мисок, горшков и корчаг. Поверхность черепков имеет слабое лощение. Изредка венчики горшков украшены насечкой или ногтевым орнаментом. Крупные сосуды типа корчаг снабжены налипными ручками—упорами. Кроме керамики, найдены: бронзовый трехгранный наконечник стрелы с нацарапанными на лопастях стрелы знаками из трех линий, две бронзовые булавки, фрагмент бронзового браслета из витой проволоки, два бронзовых рыболовных крючка и различной величины бронзовые пластинки со следами от рубящих орудий. Все найденные керамические материалы и металлические предметы из бронзы датируются по аналогичным материалам Бутученского городища¹ концом IV—началом III в. до н. э.

В центральной части мыса встречаются фрагменты керамики культуры полей погребений—светлосерые лощеные сосуды, сделанные на гончарном круге. Судя по находкам римских монет и по общему облику, керамика полей погребений относится к III—IV вв. н. э.

Находки славянской керамики на территории мыса крайне редки. На юго-западном склоне мыса, близ цитадели, обнаружено всего пять фрагментов стенок и один венчик горшка.

Основной же массовый материал, собранный во время разведок, состоит из средневековой керамики, обломков различных железных, чугунных, медных изделий, строительных и архитектурных деталей. Средневековая керамика представлена сероглиняной и красноглиняной столовой и кухонной посудой—различного рода кувшины, миски и горшки. Красноглиняная поливная керамика представлена очень мелкими фрагментами небольших мисок на низком поддоне и кувшинов,

¹ Бутученское городище скифского времени находится в непосредственной близости от „Пештере“ у с. Бутучены. Раскопки дали многочисленные предметы IV—III вв. до н. э.

покрытых зеленой, коричневой, белой и разноцветной поливой. Кроме того, в подъемном материале встречались фрагменты керамики среднеазиатского происхождения и изредка обломки сфероконических сосудов со штампованным орнаментом. Найденные на территории Старого Орхея предметы — молдавского происхождения. Это подтверждается материалами раскопок Белгорода-Днестровского (раскопки Л. Д. Дмитрова), где собраны аналогичные вещи, молдавское происхождение которых не вызывает сомнения.

Одновременно обследован второй памятник молдавского средневековья, расположенный близ с. Костешты Котовского района. На городище Костешты в 1947 г. собран такой же керамический материал, как и в Орхее: фрагменты поливной керамики и бракованных гончарных изделий. Раскопки гончарной мастерской и печей в 1951 г. на посаде Орхея полностью подтвердили принадлежность указанной керамики к молдавской культуре XIV—XVI вв. Помимо керамики, на территории Старого Орхея и Костешты найдены золотоордынские, турецкие и западноевропейские монеты, относящиеся к XIV—XVI вв.

В результате разведочных работ 1947—1948 гг. на территории Орхея выявлено семь капитальных сооружений (три в центральной части города и четыре на берегах р. Реута), шесть печей для обжига извести и в районе цитадели — остатки жилых сооружений и мастерских, вблизи которых часто встречаются находки металлических шлаков.

В 1947 г. в центральной части города, в 600 м на юго-восток от цитадели, на усадьбе крестьянина с. Требужены П. Богрянковского, начаты раскопки первого каменного сооружения, оказавшегося фундаментом небольшой одноабсидной церкви с четырехгранным нартексом. Ее фундамент был сложен из грубо отесанного известняка на известковом растворе. Фундамент первого строительного периода залегал на глубине 1 м. В ходе раскопок установлено, что церковь перестраивалась. Вначале она имела в плане двоечастное деление, алтарь и нартекс. Во втором строительном периоде план церкви усложнился, нартекс был отделен поперечной стеной, церковь в плане получила троечастное деление: алтарь, центральная часть и нартекс. Фундамент был повышен на 0,5 м, абсида и нартекс усилены контрфорсами, с южной стороны пристроен фундамент для входа в церковь (рис. 11 и 12).

От первоначального периода, кроме фундамента, обломков кирпичей с голубой глазурью от прежней вымостки пола, фрагментов плиток белого мрамора, деталей свода и тесаных камней, вмазанных в фундамент второго строительного периода, никаких других материалов не сохранилось.

Вторичное строительство церкви не было закончено. На поверхности фундамента хорошо сохранился толстый слой известковой обмазки, на которой не видно никаких следов кладки. Вероятно, фундамент был законсервирован и церковь осталась недостроенной.

В 1951 г. при раскопках нартекса вскрыто два погребения в гробах. При погребениях сохранились остатки парчевых и шелковых тканей с узором, шитым серебряными позолоченными и золотыми нитками. При мужской одежде найдены серебряные позолоченные застёжки, в женском погребении — золотые серьги с остатками крупной жемчужины.

Фундамент церкви города Орхея является древнейшим остатком церковного здания. Время сооружения церкви может быть отнесено к началу XV в. Некоторым обоснованием датировки строительства служат золотоордынская монета 1361 г., обнаруженная при раскопках фундамента первого строительного периода, и обломки кирпичей с голубой

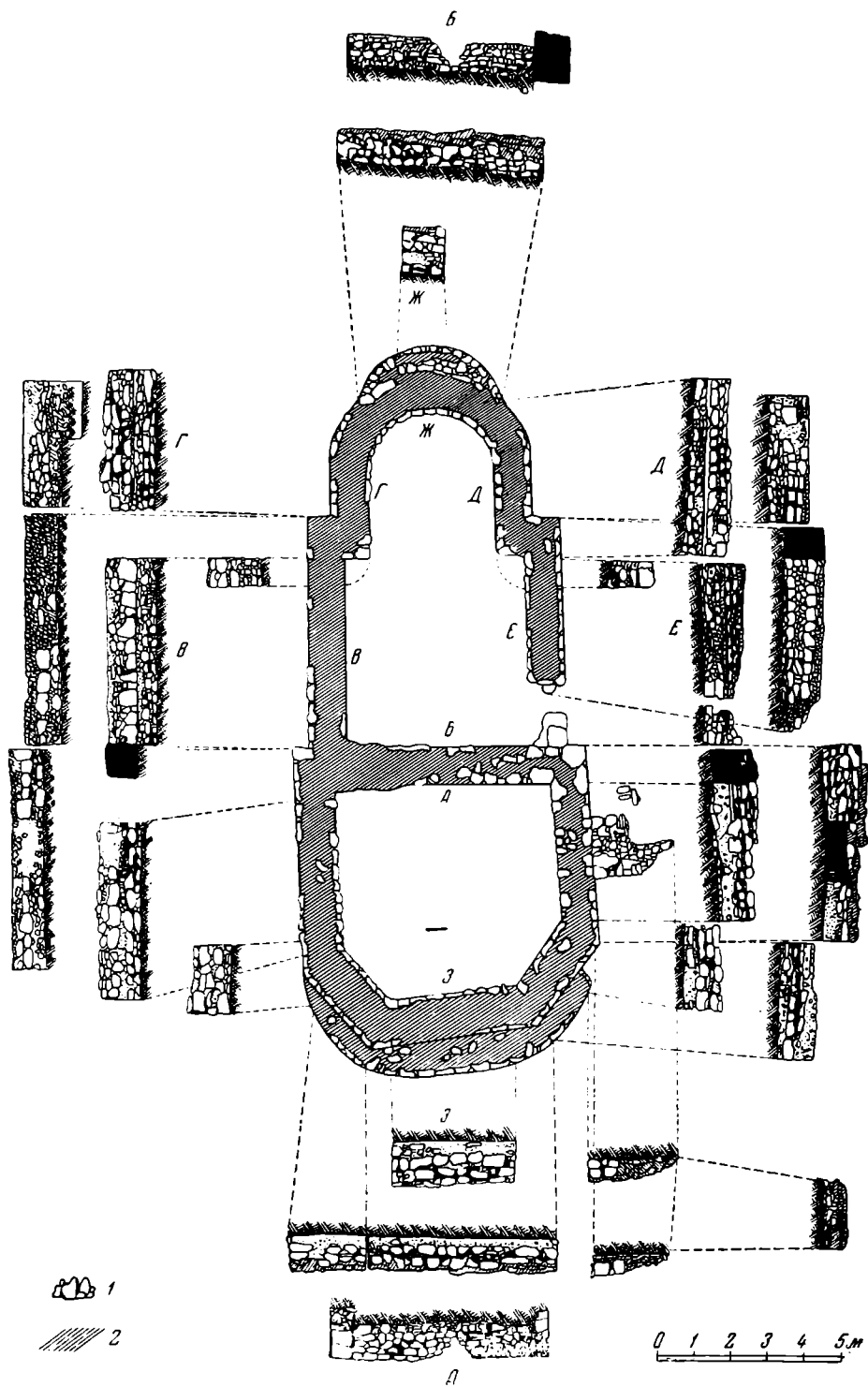

Рис. 11. План и разрезы фундаментов церкви в Старом Орхее:
 1 — кладка; 2 — обвязка.

поливой от прежней вымазки пола, получивших широкое распространение в молдавской архитектуре в начале XV в.

В 1948 г. на берегу Реута, в южной части города, раскопан фундамент бани (баня I). В плане он представляет несколько удлинённый прямоугольник, состоящий из четырех помещений — двух предбанных и двух купальных. Фундамент толщиной 1 м, сложен из околотых камней на известковом гидравлическом растворе. Юго-восточная часть

Рис. 12. Фундамент церкви в Старом Орхее.

помещений (купальни и предбанного помещения) размыта рекой. Во всех помещениях сохранились остатки каменных прямоугольных „быков“, которые служили опорой для перекрытия каменного же пола бани и распределительной системой для подпольного калориферного отопления. В фундаменте и части западной стены сохранились вертикальные каналы с остатками гончарных труб для обогрева стен помещения и выхода горячего воздуха наружу. При раскопках бани, кроме фрагментов сосуда, покрытого белой поливой, и фрагмента гончарных труб, никаких других материалов не найдено.

В 1949 г. сотрудники нашего института обратили внимание на три документа 1588, 1591, 1602 гг., в которых при определении границ земельных владений по дороге от с. Моловата (около г. Оргеева), у переправы через р. Реут, упоминалась фередеу (баня)¹. Археологическая разведка, проведенная в том же году в Орхее, показала, что пункты, указанные в грамотах, точно совпадают с местностью восточной

¹ А. В. Сава. Документе привитоаре ла тыргул ши цынутул Орхеюлуй. Букурешть, 1944, стр. 31.

части Оргеевского мыса. Близ брода на р. Реуте, слева, в 20 м от дороги из с. Требужены на Оргеевский мыс, нами обнаружен фундамент здания и, как показали раскопки, бани (баня II). В плане он представлял удлиненный прямоугольник размером 23×38 м. Фундамент и стены, толщиной 110 см, сложены из грубо отесанного камня на известковом гидравлическом растворе. Основные части здания, как, например, входы, дверные проемы, были отделаны тесаным камнем. В некоторых помещениях стены сохранились до высоты 3 м. В 1949—1950 гг. раскопана одна купальня и шесть предбанных помещений. Купальное помещение, размером 10×14 м, имело крестообразную планировку. В стенах сохранились ниши для керамических водопроводных труб. К купальне примыкало еще пять помещений, которые также были оборудованы водопроводом. Система центрального отопления проходила под полом в каналах 30—60 см шириной и 30—40 см высотой. Из системы отопления горячий воздух по трубам поступал в стены здания и по ним выходил наружу. В одном из помещений найдены вентиляционные каналы для вытяжки пара и влажного воздуха; видимо, это была комната для массажа. Шестое помещение, размером $7,5 \times 10$ м, не имело водопровода и отопительной системы. Ни в одном из раскопанных помещений бани не сохранилось никаких остатков от вымостки пола и отделки стен. При раскопках найдено три крупных обломка мрамора, один железный гвоздь с фигурной шляпкой, много обломков гончарных труб, фрагменты преимущественно сероглиняной керамики и немного красноглиняной. Сероглиняная керамика встречалась главным образом в тех банных помещениях, которые после ее разрушения были приспособлены под жилье.

Баня II после первого разрушения города в конце XV в. прекратила свое существование и больше не восстанавливалась. Ее помещения использовались для жилья. В них обнаружены остатки глинобитных печей, а в одной из кабин купальни — глинобитный пол. Вся площадь, занимавшаяся баней, изрыта ямами. По рассказам крестьян, здесь производилась добыча камня для строительства с. Требужены и для продажи камня в город Оргеев.

В 1950 г. на левом фланге третьего крепостного вала на берегу Реута раскопано здание, также оказавшееся баней (баня III). Фундамент в плане представлял удлиненный прямоугольник размером 18×28 м (рис. 13). Фундамент и стены, толщиной 110 см, сложены из разной величины небольших грубо отесанных камней на известковом гидравлическом растворе. Баня состояла из двух предбанных, четырех купален, одной ванной комнаты, котельной и хозяйственного отделения. Во всех помещениях сохранились остатки каменного пола из хорошо отесанных плит и каменные канавки для стока воды; в стенах купален обнаружены остатки водопровода и труб отопительной системы. Полностью сохранилось подпольное отопление. В стенах здания хорошо прослеживается система обогревательных труб. Как и баня II, помещения бани III после разрушения частично использованы под жилища и мастерские. В одной из купален обнаружены кузнечные шлаки, куски железных прутьев, кресало и музыкальный инструмент дрымба; кроме того, найдены фрагменты сероглиняной кухонной керамики и много обломков водопроводных труб. Из архитектурных фрагментов встречены два камня с художественной резьбой.

К бане от реки вели две стены, которые образовывали прямоугольный резервуар, предназначенный для отстоя воды. От этого сооружения сохранились незначительные остатки фундамента, исследовать которые не удалось потому, что они полностью залиты водой р. Реут.

В 1952 г. основные работы проводились внутри цитадели, построенной на второй террасе западной части Оргеевского мыса. Цитадель являлась основным опорным пунктом в системе оборонительных сооружений на подступах к центральной части города. В плане она представляла косоугольник (длина стен: 105, 120, 90 и 130 м). Стены

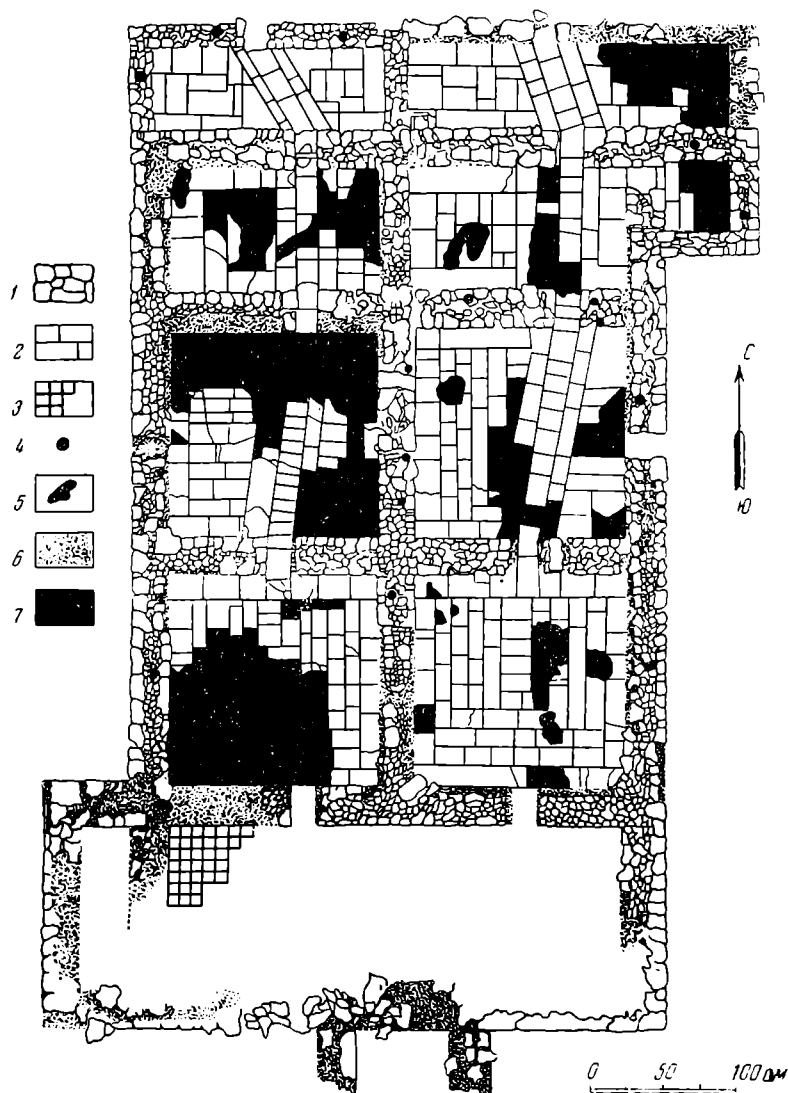

Рис. 13. Фундамент бани III в Старом Орхее:

1 — каменная кладка; 2 — каменный пол; 3 — кирпичный пол; 4 — вертикальные трубы calorиферного отопления; 5 — пробойны в полу; 6 — известковый раствор; 7 — забутовка.

цитадели с четырьмя башнями по углам, толщиной 1,9 м, сложены из околотого известняка на известковом растворе. Перед цитаделью, с западной стороны, на расстоянии 14 м от стены, открыт ров глубиной 4,5 м и шириной 12 м. С восточной стороны примыкал последний, третий ров и вал, длиной 900 м, пересекавший всю территорию Оргеевского мыса с севера на юг. Первоначальные размеры вала не сохранились, на его поверхности в настоящее время проложена дорога.

Внутри цитадели вскрыта часть большого сооружения площадью 200 м². Исследованы главным образом внешние стороны здания, запад-

ная и южная стены. Западная стена имела длину 24 м, южная — 34 м. Стены здания, толщиной в один метр, были сложены из нестандартного квадратного обожженного кирпича золотоордынского типа размером $24 \times 24 \times 5$ см и $23 \times 23 \times 4$ см. В кирпичной кладке с наружной стороны западной стены и части ее фундамента хорошо сохранились следы заклада пролома таким же кирпичом, из которого были сложены и стены. С наружной стороны южной стены вскрыта пристройка из строительного материала от первоначального здания.

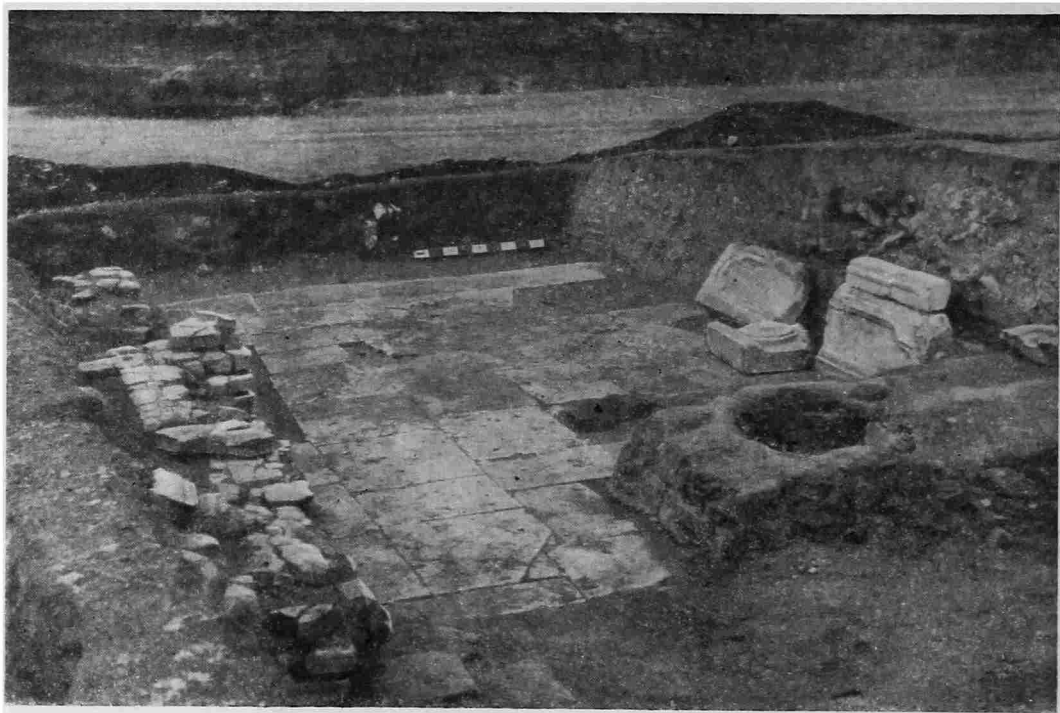

Рис. 14. Жилище № 2, построенное на развалинах дворцового здания в Старом Орхее.

На глубине 0,3—0,8 м раскопано пять жилых сооружений, построенных на месте основного здания после его разрушения. В жилищах № 1, размером 3×5 м, и № 3, размером 3×3 м, частично сохранилась вымостка пола из тщательно отесанных различной величины прямоугольных плит, скрепленных известковым раствором.

В жилищах № 1 и 2 при кладке стен были использованы различные архитектурные детали ранее существовавшего основного здания (рис. 14). В стены вмурованы каменные карнизы, ниши, мелкие обломки тесаного камня с резьбой и наличник из белого мрамора художественной работы. В жилищах частично сохранились печи с системой калориферного отопления восточного типа. Лежанками, типа канов, одной печью обогревались два-три помещения. При раскопках встречались мелкие остатки человеческих костей, черепные кости, позвонки, фаланги пальцев рук и ног. В жилище № 5 под завалом глинобитной стены обнаружен человеческий череп. Наличие человеческих костей в жилых помещениях можно объяснить только внезапной гибелью жителей в результате нападения. Разрозненность же костей объясняется более поздними разборками зданий.

Вся площадь, на которой производились раскопки, нарушена различными ямами. Здесь систематически производилась добыча старого кирпича. По рассказам местных жителей, около 40—50 лет тому назад внутри цитадели еще стояли кирпичные стены большого здания, которые были позже разобраны. Этим же и объясняется малочисленность находок домашней утвари. Найдены лишь отдельные вещи — железные гвозди, ножи, замки, ключи и обломки других железных предметов. Керамика представлена только разрозненными фрагментами сероглиняной кухонной посуды.

В том же 1952 г. произведены раскопки четырех фундаментов башен цитадели. Полностью сохранился только фундамент одной южной башни (высота фундамента 40 см, диаметр 4 м). Особенно ценные материалы для истории цитадели дали раскопки фундамента ворот. Установлено два строительных периода. При вторичном строительстве и при строительстве прямоугольной надвратной башни использованы крупные блоки из тесаного камня от ворот и надвратной башни первого строительного периода. В фундаменте прослежены каменные блоки со следами скрепления их железными скобами и отверстиями от железных штырей. Размеры ворот и надвратной башни при восстановлении цитадели были уменьшены¹. Под фундаментом правого пилона четко прослеживается фундамент пилонного первого строительного периода, который был возведен на основании скалы. Материалы, полученные в результате раскопок ворот, вполне согласуются со свидетельством грамот, которые упоминают о восстановлении крепостных сооружений молдавским господарем Иеремием Могоилой на Пештере (Орхее). В одной из грамот 1612 г., в связи с определением прав на владение, читаем: „Воевода Иеремия Могоила задумал построить крепость на „Пештере“, на берегу Реута, и тогда многие боярские села вокруг „Пештере“ были взяты и присоединены к этой крепости“².

Из грамоты следует, что к крепости были приписаны крестьяне для строительства. Раскопки дают материалы для доказательства факта осуществления этих работ. Второй строительный период относился только к 1600—1606 гг.—годам правления И. Могоилы. Восстановление крепостных сооружений вызвало некоторое оживление городской жизни. К этому времени можно отнести и приспособление под жилища прежних капитальных сооружений города, городских бань, заселение цитадели.

В районе крепостных сооружений, на первой террасе Оргеевского мыса, обследовано пять жилищ, причем наибольший интерес имеет жилище № 4 (рис. 15). Фундамент дома, размером 4,5×5 м, был сложен из камня на глинистом растворе (толщина стен 30×35 см, высота — 15 см); перед фасадом сделана „завалинка“, шириной 1 м, ее фундамент сложен из одного ряда камней. Внутри жилища сохранилась печь вертикальной цилиндрической формы диаметром 50 см и лежанка шириной 60 см с двумя дымоходами (каждый шириной 15 см и высотой 25 см). Система отопления повторяет в миниатюре систему калориферного отопления крупных каменных сооружений города³. Жилище по архитектуре и приемам строительной техники является прототипом современного молдавского жилища. План и отдельные элементы совпадают

¹ Размеры ворот первого и второго строительных периодов не установлены, так как раскопки еще не закончены.

² А. В. Сава. Документи привитоаре ла тыргул ши цывутул Орхюлуй. Букурешть, 1944, стр. 48—49.

³ Любопытно, что эта система отопления в современном молдавском жилище не сохранилась.

с типом современных молдавских жилищ. Для истории народной архитектуры открытое нами жилище имеет большое значение.

Особый интерес представляет находка при жилище № 3 двух человеческих скелетов, по положению которых можно судить о том, что люди погибли во время нападения врага на город. Керамические материалы, обнаруженные в жилище и вблизи него, относятся ко второй половине XIV в. Разрушение жилищ в этом районе города также может быть отнесено к первому периоду существования Орхей. В 60-х годах XIV в. Орхей был частично уничтожен.

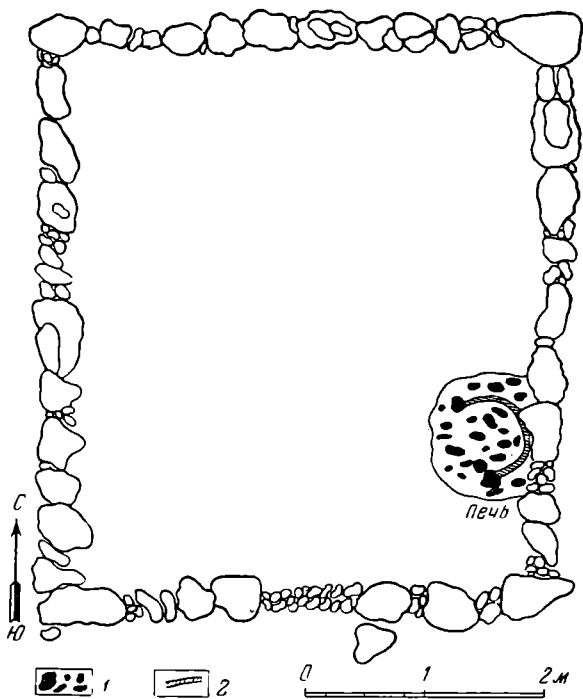

Рис. 15. План фундамента жилища:

1 — битый кирпич; 2 — печьна.

ками. Внутри печи, на уровне 0,20 м от пода, сделаны уступы шириной 0,26 м. Топочное отверстие обращено на северо-восток (размеры печи: диаметр 2,98 м, по поду без уступов 2,24 м); стены печи сохранились на высоту 1,55 м, толщина стенок с прожогом грунта 0,4 м, высота топки 0,5 м, ширина — 0,42 м. Печь была доверху заполнена известковым камнем и, судя по расположению камней, была подготовлена для выжигания извести. При обследовании остатков остальных печей установлено, что три печи из шести были также загружены камнем и подготовлены к обжигу. Это свидетельствует, что производственный процесс был прерван внезапно и больше не возобновлялся. Этот факт, как и находка остатков человеческих костей, характеризует последний период жизни города и вполне связывается с татарскими разбойничьими набегами на Молдавию в 40-х годах XVII в., которые окончательно подорвали жизненные силы города и привели его к полному запустению. О татарских набегах повествуют многочисленные господарские грамоты этого столетия и молдавские летописцы.

В районе печей, близ старой оргеевской дороги, найдено деревянное сгоревшее строение, от которого сохранились только два столба.

Город Орхей был не только административным, но и экономическим, ремесленным центром. Ценные данные для характеристики городского хозяйства, строительного дела и промыслов получены в результате раскопок печей для обжигания извести и гончарных печей. В 1947 г. на восточной окраине города, близ бани II, в крутом склоне небольшого овражка обнаружено шесть печей, из которых почти полностью сохранилась только одна. Остальные печи были разрушены при современных земляных работах. Все печи расположены по подножью склона оврага на расстоянии 2—3 м одна от другой, как бы составляя единый производственный комплекс. Печи вырыты в крутом склоне. Сохранившаяся печь имела вид правильного цилиндра с почти вертикальными стенками.

Внутри него встречены фрагменты хозяйственной красноглиняной посуды и обломок обгоревшей небольшой железной мотыги. Вблизи строения, в обрыве, при его зачистке, обнаружено много очень мелких разрозненных человеческих костей. Эти находки также можно связать с разрушением города в 40-х годах XVII в.

Ценные материалы для изучения молдавского средневекового керамического производства получены при раскопках помещения гончарной мастерской и гончарных печей, расположенных на западной окраине с. Требужены, возникшего в XVII в. на месте посада Орхея. Печи были вырыты в глинистом грунте на глубину двух метров. Печь № 1 была сложной по конструкции: от нее сохранилась часть свода, высотой 0,7—0,3 м, толщиной 0,2 м, и часть пода с жаровыми отверстиями диаметром 8 см. Под печи, длиной 2,8 м, толщиной 0,25 м, опирался

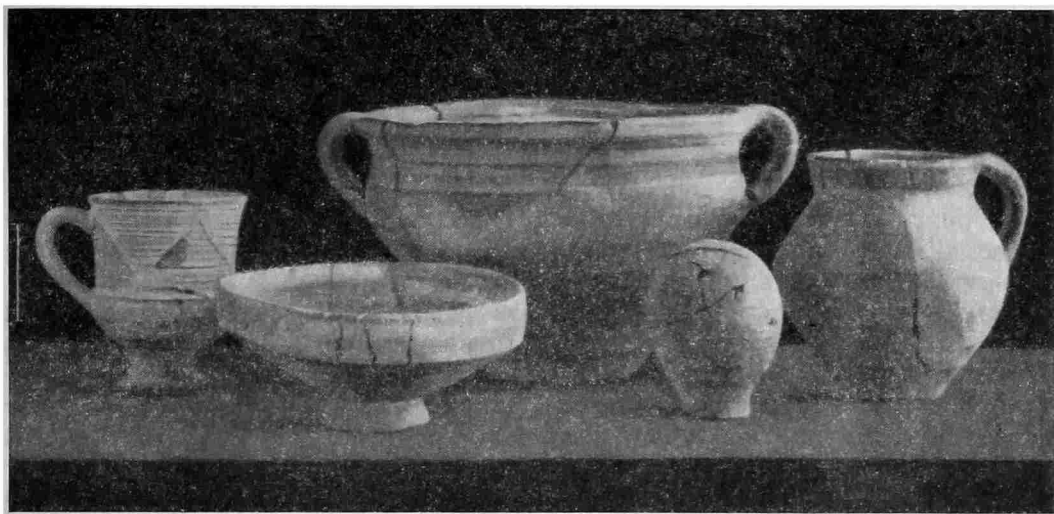

Рис. 16. Керамика из гончарных печей.

на четыре кирпичных свода, два продольных и два поперечных. Подпружные своды сложены из квадратного кирпича размером 24×24 , 25×25 см. Все своды были обмазаны слоем глины толщиной 4—5 см. Стены отопительной камеры выложены нестандартными кирпичами овальной формы размером $42 \times 65 \times 10$ см. От высокой температуры в топке обмазка сводов и ее стен была покрыта стекловидной массой. Ширина топочного отверстия 0,32 м, длина 0,6 м, высота не сохранилась. Перед топкой вскрыта предтопочная яма размером $1,25 \times 1,5$ м.

Печь № 2 построена рядом с первой, в том же грунте, но ниже на 0,8 м. Хорошо сохранилась часть обжигательной камеры с подом, размером $1,4 \times 2,4$ м, и топочная камера такого же размера. Подобного типа гончарные печи бытовали в Молдавии и в XX в.

При вскрытии печей вблизи них и внутри найдены два типа керамики. В печи № 1 встречена преимущественно красноглиняная одноцветная и многоцветная посуда, в печи № 2 — красноглиняная кухонная и столовая посуда без поливы (рис. 16). Кроме того, найдены обломки гончарных труб, полуфабрикаты и брак керамического производства. Наличие готовой, не изъятый из печи посуды свидетельствует о ее внезапном разрушении.

Гончарная мастерская расположена в 20 м от печей; она представляет собой землянку размером 6×4,5 м, вырубленную в известковой породе на глубину 1,8 м. В мастерской, кроме большого числа треугольных подставок (рачков) и фрагментов керамики, ничего не найдено.

Судя по расположению печей и мастерской, они составляли единый производственный комплекс. Размеры мастерской позволяют предположить, что в ней работало три-четыре гончара. Гончарные мастерские производили два типа керамики — красноглиняную поливную одноцветную и многоцветную посуду и красноглиняную без поливы. В печи № 1 обжигалась главным образом поливная посуда, о чем свидетельствуют находки в ней фрагментов керамики с поливой и полуфабрикатов. В печи № 2 обжигалась красноглиняная кухонная посуда без поливы. По фрагментам полуфабрикатов удалось установить технологический процесс изготовления поливной керамики. Она подвергалась двукратному обжигу: первый раз после ангобирования и второй — после покрытия поливой. Посуда без ангоба обжигалась обычным образом.

Близ гончарных печей встречено также много обломков керамических водопроводных труб и квадратных кирпичей. Повидимому, эта же мастерская занималась изготовлением и других видов гончарных изделий.

В результате раскопок в Орхее и на посаде собран обильный керамический материал, который дал возможность произвести предварительную классификацию и наметить датировку.

В начале XIV в. в Молдавии сформировались два основных типа керамики: красноглиняная керамика без поливы и поливная керамика, одноцветная и многоцветная.

Красноглиняная керамика представлена горшками, глубокими мисками, кувшинами и амфорами-корчагами. Сосуды делались самых различных размеров. До настоящего времени почти без изменений сохранились формы молдавских горшков и кувшинов, которые трудно отличить от средневековых.

Красноглиняная керамика с поливой представлена мисками с низким кольцевым поддоном и вертикальными бортиками, кувшинами и рукомоЙниками; преобладают миски. Этой посуде уделялось главное внимание. Одноцветные миски изготовлялись с поливой четырех цветов: желтой, коричневой, зеленой, белой с самыми различными тонами, с гравировкой и без нее, но обязательно перед поливой покрывались белым ангобом. В росписи многоцветной керамики использовались те же цвета, причем фоном служил один цвет, по которому наносили второй, в сочетании с гравированным рисунком изредка применялись три цвета поливы. Замечено, что от сложности гравированного рисунка зависела и роспись: чем сложнее гравированный рисунок, тем сложнее и роспись.

Поливные миски высоко ценились. Они употреблялись не только как столовая посуда, но и как украшения. На многих фрагментах мисок сохранились специально просверленные в бортиках отверстия для подвешивания на стены жилищ.

Среди поливной одноцветной керамики без покрытия ангобом встречались только небольшие кувшинчики и миски малых размеров.

В конце XV в. получает широкое распространение сероглиняная керамика, представленная разнообразными формами сосудов — горшками, кувшинами с узким горлом, мисками цилиндрической формы. Все горшки, как правило, снабжались крышками.

Сероглиняная керамика украшалась орнаментом — штампами из различного вида крестиков, кружочков и т. п. (который встречается чаще всего на кувшинах) или из углубленных линий в два, три, пять рядов. Реже попадает орнамент, сделанный от руки путем обработки венчика фестонами и налепными валиками под венчиком с вдавленными углублениями по его поверхности.

Особое место занимает привозная поливная керамика, которая резко отличается от местной не только по своей поливе, но и по орнаменту. Основные цвета поливы для нее — синий, голубой и бирюзовый. К привозной керамике относятся и сфероконические сосуды, часто украшенные штампом, изображающим гроздь винограда. Керамика эта датируется золотоордынским временем и, видимо, происходит из Средней Азии.

Другие отрасли ремесла отражены главным образом в подъемном материале. Среди собранных предметов представлены различные орудия труда и другие вещи: мотыги, серпы, закроечные ножи различных типов, куски пил, шилья, проколки, один напильник, замки, ключи, дверные накладки, цепи; из оружия — обломки меча, кинжала, фрагменты кольчуги, наконечники стрел и шпоры. Находки свидетельствуют о развитии кузнечного, слесарного, оружейного, плотничьего, кожевенного, сапожного, шорного и других ремесел в Орхее. Многие из них достигли высокого уровня, особенно кузнечно-слесарное дело. Найденные инструменты и орудия труда требовали для своего изготовления длительной выучки мастеров.

Судя по итогам археологических исследований в Орхее, молдавская культура в XIV—XV вв. достигла высокого развития. Если судить по наиболее ранним типам керамики Орхее, Костешт, Лапушны и поселений нижнего течения р. Реута, в районе города Бельцы и Резины, Поднестрие начинает заселяться молдаванами не ранее конца XIII в. Молдаване приходят в Поднестрие уже со своей сложившейся и развитой культурой, широкими культурными связями со странами Запада и Востока.

Молдавская культура сформировалась задолго до заселения молдаванами Поднестрия¹. Ее сложение протекало в тесном общении со славянским миром.

При раскопках и сборах подъемного материала в Орхее встречены железные вещи славянского изготовления: сулица, медорезка, закроечные ножи, фрагмент кольчуги, обломок серьги с зернью, замки и ключи к ним. О прочности связей молдавской культуры со славянской свидетельствуют и этнографические материалы. До недавнего времени в Молдавии бытовали такие предметы, как деревянные лопаты с железной оковкой; в настоящее время еще употребляются топоры, в формах которых можно видеть сходные черты с топорами времен Киевской Руси.

Памятники материальной культуры Орхее раскрыли многообразие и богатство культуры молдавского народа. Факты опровергают измышления румынских буржуазно-националистических историков, которые писали о культурной отсталости молдавского народа, чтобы оправдать империалистические устремления румынской буржуазии.

Археологическими раскопками 1947—1952 гг. вскрыта только небольшая часть комплекса памятников Орхее, но и найденные предметы

¹ Археологические материалы IX—XII вв. на территории современной Молдавской ССР дают основание говорить о наличии здесь значительного славянского населения, входившего в состав Киевской Руси.

значительно обогатили наши сведения о материальной культуре Молдавии средних веков. Раскопки позволили охарактеризовать основные этапы истории города.

Орхей как торгово-ремесленный пункт возник на рубеже XIV—XV вв. Основным источником, свидетельствующим о наиболее раннем времени развития городской жизни на Оргеевском мысу, является поливная керамика местного производства, которая датируется по совместным находкам привозной поливной керамики и золотоордынскими монетами.

К началу второй половины XV в., в связи с общим экономическим подъемом страны, Орхей становится крупным торгово-ремесленным центром и крепостью долины р. Реута с прилегающими к ней лесными и лесостепными районами. Орхей в географическом отношении занимал ключевые позиции в долине р. Реута, только через Орхей сырье и товары из этой области получали доступ к главной торговой магистрали Молдавии — Днестру.

Во второй половине XV в., в период наибольшего могущества молдавского феодального княжества, роль Орхея еще более возросла. Он становится не только важным экономическим центром, но и одной из сильнейших крепостей на восточной границе молдавского княжества. В конце 60-х годов XV в. была отстроена каменная цитадель и возведен третий вал и ров Орхеевской крепости. Стефан III (1457—1504) уделял особое внимание Орхею. В течение 30 лет пыркалабами в крепость назначались только ближайшие родственники Стефана III.

Упадок Орхея наступает в конце XV в. Он был связан с общим военным, экономическим и политическим ослаблением Молдавии, последовавшим в результате тяжелых войн в борьбе за независимость с Турцией и Крымским ханством. В 1499 г. Орхей подвергается полному разорению. Этот критический для города год отмечен назначением одновременно двух пыркалабов. С осени 1499 г. имена пыркалабов Орхея в господарских грамотах больше не упоминаются до 1533 г. Между 1499 и 1533 гг. Орхей трижды подвергался татарским нашествиям; особенно сильно город пострадал в 1510 г. в результате вторжения крымских орд Бети-Гирея. В конце 30-х годов XVI в. Молдавия вновь подвергалась турецкому и татарскому нашествию. Повидимому, в связи с походом турецкого султана Сулеймана в 1538 г. Орхей был окончательно разрушен и перестал существовать как город. В начале 60-х годов XVI в. молдавским господарем А. Лапушняну уничтожены все крепостные сооружения. Орхей как город и крепость уже больше не поднялся. Его полный упадок связан с большими изменениями, наступившими в экономической и политической жизни Молдавии в результате ее порабощения Турцией.

Захват турками самых важных торговых городов — портов северного Причерноморья, генуэзской колонии Каффы в 1475 г. и в особенности Белгорода и Килии в 1484 г. полностью прервал торговые связи Молдавии со странами Востока; тем самым был нанесен серьезный ущерб всей экономической жизни страны. С падением Белгорода была парализована главная водная магистраль — Днестр, которая связывала север с югом страны и центральной частью современной Молдавии по долине р. Реут. Все это привело к тому, что Орхей, отрезанный от водных путей сообщения и стоящий в стороне от больших дорог, начал постепенно терять экономическое значение.

В молдавских грамотах от 1572 г. Орхей именуется Старым Орхеем, но не как город, а как место, где был город. В 1600—1606 гг. молдавский господарь Иеремия Могила, ставленник польского короля, повидимому в интересах Польши, начал восстанавливать крепостные сооружения

Орхея. Эти сооружения могли служить форпостом против татар и вместе с тем сыграть положительную роль в развитии торговли по Днестру, в чем было заинтересовано польское государство, добивавшееся у Порты открытия водного сообщения по Днестру. Судя по раскопкам южных ворот, цитадель Орхея была восстановлена. Орхей стал возрождаться, но уже под названием Пештере. В Пештере снова появляются начальники крепости — пыркалабы. Около 1633 г. жизнь в городе окончательно замирает. Пештере становится обычным селом. В 40-х годах XVII в. село было сметено с лица земли татарами. Это татарское нашествие на Молдавию, отмеченное молдавским летописцем Мироном Костиным, превосходило по разрушительным действиям все татарские нашествия в прошлом. Раскопки внутри цитадели и в районе цитадели, как мы видели, ярко свидетельствуют о гибели жителей в момент нападения.

Таковы основные этапы истории города Орхея, которые удалось установить в ходе археологических исследований.

Дальнейшее археологическое изучение Орхея и его окрестностей — важнейшая задача в деле изучения памятников материальной культуры молдавского средневековья XIV—XVI вв. Они должны дать материалы для решения не выясненных еще вопросов из истории Молдавии.

Исследования Орхея следует сосредоточить на раскопках самых крупных объектов, в первую очередь крепости, „боярских хором“, жилищ и ремесленных мастерских. Одновременно необходимо начать раскопки посада Орхея, а для изучения этнического состава населения исследовать кладбища в северо-западной, восточной и центральной частях города. Необходимо провести тщательное археологическое обследование в окрестностях сел Охранча, Бранешты, Избиште и др. для выяснения их роли в обороне Орхея, а также широко развернуть разведочные работы по поискам новых пунктов и организовать разведочные и раскопочные работы на городище Костешты и в Лапушна.

Таким путем можно будет создать капитальный фонд археологических материалов для глубокого изучения истории Молдавии и тем заполнить пробел наших знаний по молдавскому средневековью XIV—XVI вв.

В. А. ВОЙЦЕХОВСКИЙ

(Кишинев)

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ МОЛДАВИИ XIV—XVIII ВЕКОВ

Искусство Молдавии, в том числе архитектура, издавна отличалось самобытностью и художественными достоинствами. Даже в период порабощения страны турками мастера в своих постройках сохраняли и развивали формы, сложившиеся во времена самостоятельного существования государства¹.

От Киевской и Галицкой Руси Молдавия унаследовала около двадцати городов, среди них Хотин, Тигин (Бендеры), Белгород (Аккерман), Малый Галич (Галац), Асский Торг (Яссы), Сучаву, Байю, Роман и т. д. Через Молдавию проходили торговые пути международного значения; Львов и Белгород связывались по Днестру, Сучава и Хаджибей через Тигин — сухопутной дорогой. Значительная торговля велась через Белгород, где генуэзцы имели факторию. Во многих молдавских городах обосновались купцы и ремесленники: украинцы, армяне, генуэзцы, греки, евреи.

Деятельность молдавского государства в XV в. характеризуется централизацией власти в руках господаря и созданием государственного аппарата. К этому стремились выросшие и окрепшие города, к этому вынуждала обострявшаяся классовая борьба.

Во времена Стефана Великого (1457—1504), наряду с созданием значительного войска, были восстановлены и вновь отстроены крепости, составляющие оборонительную систему границ государства и отдельных городов Молдавии. Известно, что на строительстве Килийской крепости в 1479 г. работали 300 каменщиков и 17 тыс. подсобных рабочих. Во главе крепостей назначались „пыркалабы“, строительством же их занимались „перерубцы“.

До наших дней не дошли первоначальные крепостные сооружения и дворцы, о которых упоминают летописи. Несколько культовых памятников XIV в. и половины XV в. дают возможность судить о характере молдавской архитектуры в период ее формирования.

Сохранились в руинах крепости в Старом Оргееве, Килие и Сучаве и сравнительно в хорошем состоянии крепостные сооружения в Хотине, Сороках, Бендерах, Белгороде-Днестровском.

¹ В курсе истории Молдавии, изданном в 1951 г. Институтом истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР, история Молдавии изложена в пределах территории, которую занимает Молдавская ССР. Для средних же веков дается история всего феодального молдавского княжества.

Старый Оргеев был расположен на излучине р. Реут; крутые берега и водная преграда ставили его в выгодное стратегическое положение; уязвим был только узкий перешеек, шириной 500—600 м. Несколько земляных валов и фундаменты крепостных стен и башен свидетельствуют о продуманной системе обороны этого участка. Установлено, что земляные валы (так же как и культурные слои памятника), относятся к различным эпохам.

Хотинская крепость (рис. 17—1). Во время своего существования крепость подвергалась неоднократным нападениям и ею владели молдаване, поляки, турки, русские. Современник и союзник Петра I Д. Кантемир свидетельствует. „...Хотинскую крепость, расположенную на Днестре, напротив Каменца, можно считать наиболее мощной крепостью Молдавии. Ранее она была укреплена с запада рвами и очень высокими стенами, а с востока защищена природой — крутым обрывом и дикими скалами Днестра“.

В настоящее время хорошо сохранились каменные стены замка и ряда второстепенных сооружений.

Наиболее интересен в архитектурном отношении сам замок. Ему свойственна простая и суровая архитектура, лишь поверхность стен, сложенных из камня, украшена узором из кирпичной кладки. Расположение стен умело связано с рельефом местности.

Интересна сохранившаяся крепостная часовня — однонефная с полуциркулярной алтарной апсидой и двумя боковыми нишами, напоминающими апсиды; перекрытия утрачены (рис. 17—2). Обращают на себя внимание портал и притвор. Портал обрамлен готической профилевкой, переходящей в серию полувазов. Сохранились остатки фресковой росписи, нанесенной в два слоя.

Судя по характеру деталей, можно заключить, что часовня была сооружена в эпоху Стефана Великого (конец XV в.), притвор же пристроен при Петре Рареше и тогда же была произведена фресковая роспись (середина XVI в.).

Сорокская крепость (рис. 17—3). О происхождении крепости существует несколько гипотез. Очень давно возникло предположение, что она сооружена генуэзцами.

В ряде статей, опубликованных в „Записках Одесского общества истории и древностей“, генуэзское происхождение крепости считается бесспорным. Так, известный исследователь бессарабской старины Ал. Кочубинский утверждает, что величественные башни генуэзцев высятся не только на Аккерманском мысу в устье Днестра, но и глубоко к верховью, в Сороках¹.

Рассматривая же генуэзские источники, в частности торговый справочник XV в. Франческо Пеголотти, мы не находим упоминания Сорок в числе генуэзских факторий на Днестре.

В молдавских источниках крепость значится как пограничное сторожевое укрепление против татар. В письме (1512 г.) молдавского господаря Богдана польскому королю Сигизмунду укрепление называется замком, а город Сороки — „город сторожной от поганьства“. Можно заключить, что крепость в 1512 г. играла большую роль в обороне молдавского государства. В 1527 г. господарь Петр Рареш обращался в Трансильванию с просьбой о посылке в Сороки мастеров, имея в виду строительство крепости. Возможно, что первоначальные укрепления были деревянными, а в княжение Петра Рареша сооружен каменный замок, который и сохранился до наших дней.

¹ ЗООИД, т. XV, стр. 506.

Он возвышается на относительно ровной площадке, на берегу Днестра, и представляет собой кольцо стен с четырьмя круглыми башнями и одной прямоугольной; стены и башни увенчаны зубцами. По внутренней стороне стен устроены сводчатые помещения—казематы. Башни на высоту 6 м глухие; толщина кольцевых стен замка 3,3 м, башен 2,7 м, средняя высота стен и башен 20 м. Прямоугольная башня прорезана в середине въездными воротами, над которыми находилась часовня; сводчатое перекрытие последней не сохранилось.

Стены замка выложены из притесанного камня (известняка) на известковом растворе. Некоторые конструкции выполнены из плитняка песчаника. Способ кладки свидетельствует, что главным для строителей скорей являлась массивность стены, чем ее прочность или тщательность пригонки отдельных камней.

Замок производит сильное впечатление монументальностью и строгостью форм. Интересен портал часовни, напоминающий портал часовни в Хотине (рис. 18).

Бендерская крепость (рис. 17—4). Раньше Бендеры носили название Тигинь. В 1402 г. в Бендерах была молдавская таможня; через город проходил торговый путь большого значения в „земли татар“. В грамотах упоминается не только таможня, но и „сторожа“. Известно, что „сторожами“ назывались укрепленные пункты, служившие для наблюдения за противником, в данном случае за татарами.

Султан Солиман во время своего похода на Молдавию в 1538 г., заняв Тигинь, соорудил (вероятнее — только реконструировал) крепость, установив здесь турецкий гарнизон. Городу и крепости было дано турецкое название — Бендеры.

С течением времени основная твердыня крепости — замок оброс дополнительными укреплениями; самые значительные были выполнены в период русско-турецких войн в XVIII в.; таким образом, к концу века укрепленная площадь составляла 65 га.

Замок по своему общему облику, строительной технике и комплексу оборонительных сооружений напоминает сороковский и хотинский. Стены, сложенные из камня-известняка, частично с применением кирпича, достигают 13 м высоты. В плане они составляют четырехугольник; восемь башен, из которых одна проездная, дополняют систему укреплений. Для боя приспособлена верхняя часть стен и башен, где имеются зубцы и обходная галерея.

Белгород-Днестровская крепость (рис. 17—5). Наиболее значительной и интересной в историческом отношении является Белгород-Днестровская крепость. Ее исследование привлекало многих историков XIX и XX вв.; результаты еще далеко не полны, поэтому вопросы, касающиеся строительства и датировки, требуют дальнейших изысканий. Комплекс сооружений очень велик; культурные слои памятника отличаются большой мощностью и относятся к различным историческим периодам.

Н. Мурзакевич в статье „Аккерманские греческие надписи“ пишет: „При половине течения широкого Днестровского лимана, на городище, где еще до Р. Х. процветала эллинская колония Тирас, где потом в XIII в. промышленные генуэзцы успели построить маленькую каменную крепостиду для склада своих товаров, к этой цитадели, известной европейцам под разнообразным именем, Maurocastron, Moncastrno, Стефан III Великий велел пристроить высокую стену с несколькими четырехугольными башнями“¹.

¹ Н. Мурзакевич. Аккерманские греческие надписи. ЗООИД, 1850.

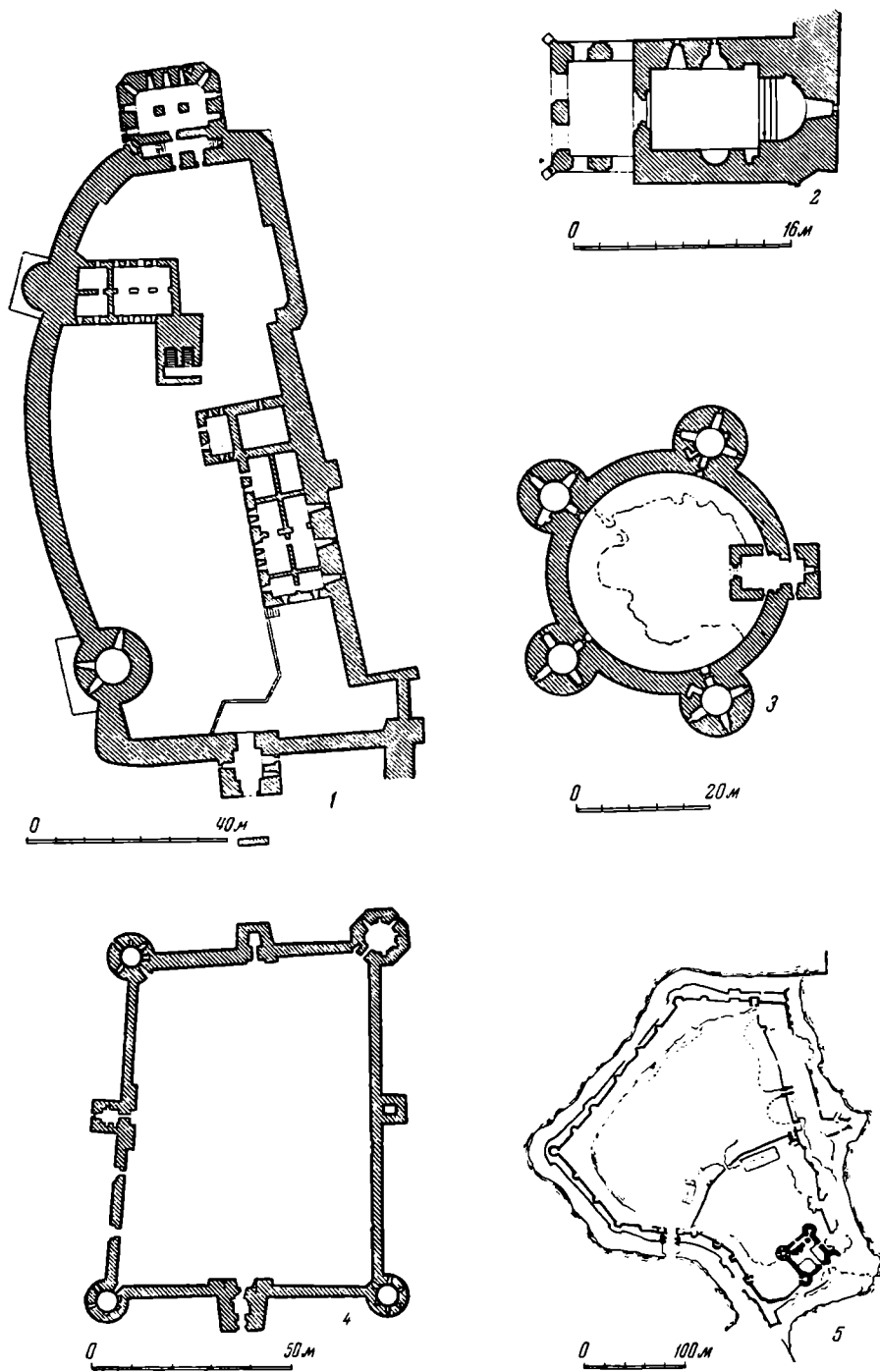

Рис. 17. Архитектурные памятники Молдавии XIV—XVIII вв.:

- 1 — план крепости в Хотине (XV в. ?); 2 — план часовни Хотинской крепости;
 3 — план крепости в Сороках (XVI в.); 4 — план крепости в Бендерах (XVI в. ?);
 5 — план крепости в Белгороде-Днестровском (XIV—XVIII вв.).

Действительно, город Белгород в средние века был одним из значительных торговых мест, являясь портом, принимавшим товары, которые шли по Днестру из Галиции, Молдавии и Подолии.

Крепость, сохранившаяся до наших дней, состоит из стен трех видов, выполненных в различные эпохи, в соответствии с уровнем военной техники тех времен.

Как было упомянуто выше, цитадель, приписываемая генуэзцам, является наиболее древним укреплением. Она сооружена на скалах,

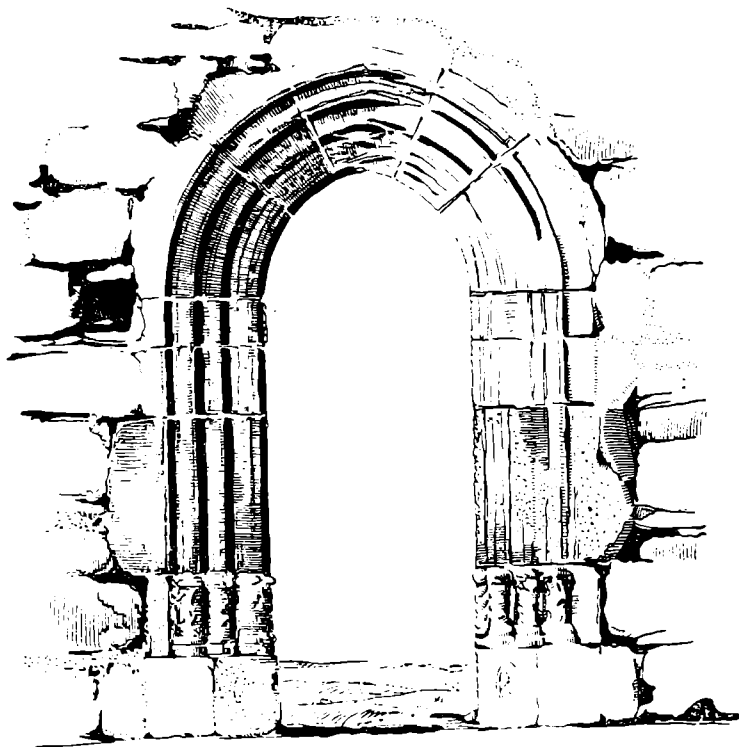

Рис. 18. Портал часовни в Сорокской крепости.

господствующих над днестровским лиманом, и состоит из четырех стен с четырьмя круглыми башнями по углам. Башни и стены увенчаны зубцами. Можно предположить, что строители имели в виду лишь примитивные средства военной техники: стрелы, камни, кипяток, смолу и т. д.

Вторые укрепления опоясывают площадь, в семь-восемь раз бóльшую, чем занимаемая цитаделью, но строительное мастерство значительно ниже.

Третий пояс укреплений возведен с учетом уже более развитой военной техники. Здесь, кроме стен и башен, предусмотрены фланкирующие бастионы, батареи и земляные рвы. Подъемные мосты и ворота обеспечивали надежность защиты.

Культовые памятники дошли до нас более сохранившимися.

Церковь в Радауцах является наиболее древним сооружением, строительство которого относится к середине XIV в. (рис. 19—7). Церковь представляет трехнефную базилику при одной алтарной апсиде. Алтарь перекрыт конхой, остальные своды цилиндрические. Внутреннее пространство делится на три части — нартекс, центральную часть, алтарь.

По византийскому обряду, нартекс (пронаос) являлся помещением для женщин — гинеконит („бабинец“ — по-украински).

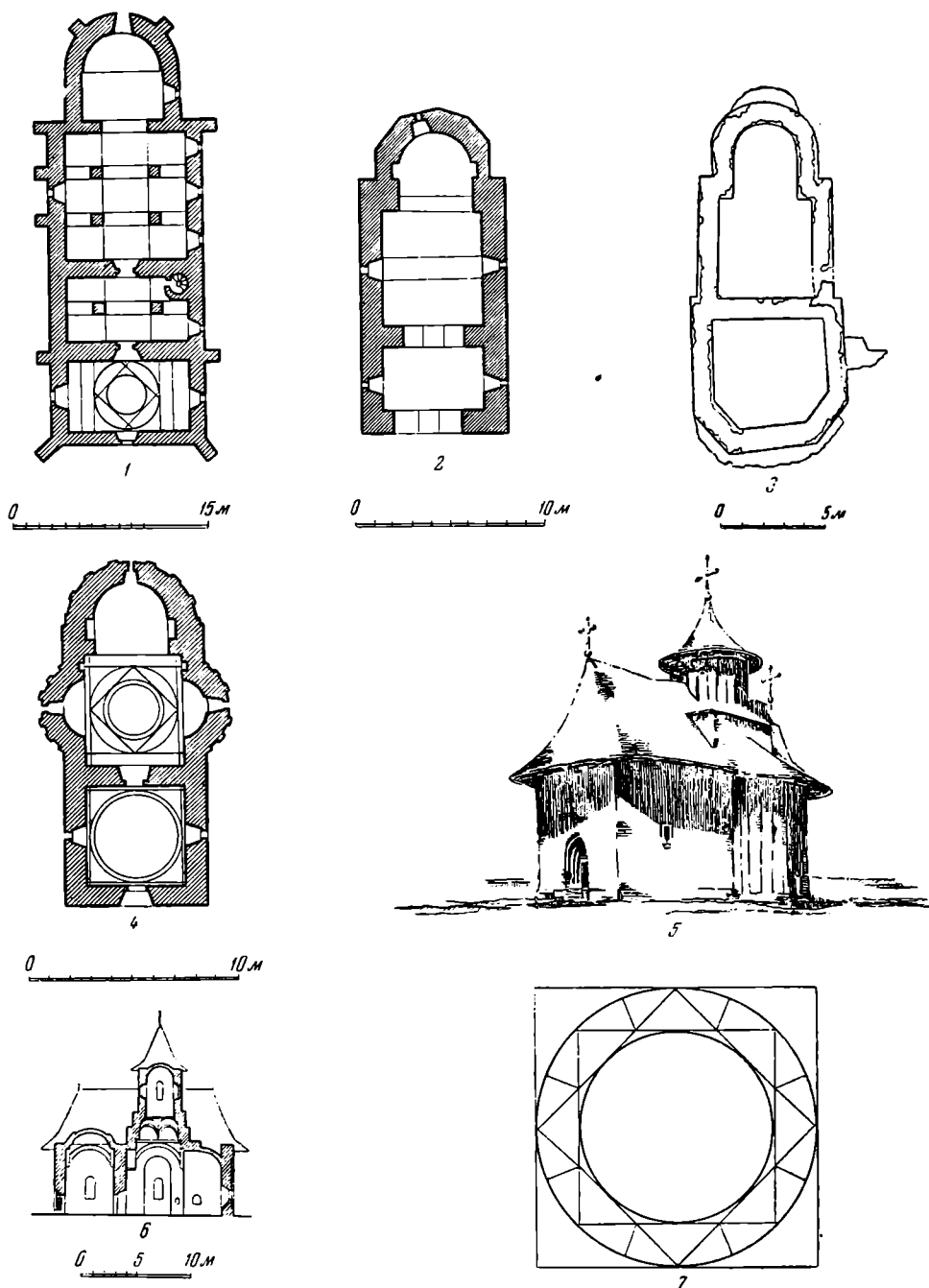

Рис. 19. Архитектурные памятники Молдавии XIV—XVI вв.:

1 — план церкви в Радауцах (XIV в.); 2 — план церкви в Лужнах (XV в.); 3 — фундамент церкви в Старом Орше (XV в.); 4 — план церкви в Патрауцах (1487 г.); 5 — общий вид церкви в Патрауцах; 6 — разрез церкви в Патрауцах; 7 — схема переплетения молдавских сводов.

Со времен сооружения церкви в Радауцах троечастное деление храма стало характерным для церковного строительства Молдавии.

Снаружи стены здания подперты контрфорсами, назначение которых скорее декоративное, чем конструктивное; возможно, что они более позднего происхождения, так же как и притвор, добавленный в XVI в.

Неподалеку от Черновиц в с. Лужены сохранилась небольшая церковь, характер архитектуры которой напоминает радауцкую: она базиликальная, однефная, с алтарной апсидой (рис. 19—2). Характер постройки и план строения весьма незатейливы, но, так же как и церковь в Радауцах, указывают на трехдельный бескупольный тип сооружения. Надпись, высеченная на стене, свидетельствует: „Аз пан Федор зовоми Витольта. . . хтитерь святому храму сему“. Известно, что Витольт владел Луженами в 1425—1452 гг.

В Старом Оргееве (Старый Орхей), одном из древнейших городов Молдавии, разрушенном татарами и турками в XV—XVI вв., при раскопках открыт фундамент церкви, выложенный из околотога камня на известковом растворе (рис. 19—3). К центральной части примыкает с востока многогранная апсида, а с запада также многогранный нартекс в форме полукружия. Нартекс отделен от центра храма стеной. Вход в храм находился с южной стороны нартекса. В плане ясно читается троечастное деление внутреннего объема храма.

Строительство эпохи Стефана Великого (вторая половина XV в.) ознаменовалось оформлением стиля и строительных приемов, свойственных молдавскому национальному зодчеству. Созданный тип церквей повторяется в различных вариациях на протяжении трех столетий. Вплоть до XIX в. чувствуется влияние этого своеобразного стиля. Небольшие, но живописные по своим формам церкви отличаются стройностью силуэта, изяществом и богатой цветовой гаммой деталей. В плане — строения трехконховые, однефные. Внутреннее пространство делится на три основных помещения: нартекс, центральная и алтарная части; к ним впоследствии прибавляются притвор и помещение для захоронения. Вход в храм с южной стороны.

По такому плану в 1487 г. в с. Патрауцы сооружается церковь, которая как бы стала прообразом всех последующих (рис. 19—4-6).

Квадратный нартекс перекрыт купольным сводом; переход от квадрата к куполу осуществляется посредством парусов сферического очертания, поддерживаемых четырьмя пристенными — ступенчатыми арками. Над центральной частью храма возвышается барабан, опирающийся на четыре косые арки, расположенные под углом 45° к осям сооружения. Алтарная и боковые апсиды завершаются полукупольными сводами. Устройство косых парусов не только под центральным барабаном, но и в тех случаях, когда нужно перейти от квадрата к купольному своду, стало излюбленным приемом молдавских зодчих, так что мы вправе назвать такой способ перекрытия „молдавским сводом“ (рис. 19—7).

В дальнейшем, как видно на примере Георгиевской церкви в Сучаве, перекрытие усложняется путем введения четырех арок, располагаемых по продольной и поперечной осям сооружения и переплетающихся с косыми арками. Так создается свод о восьми распалубках. Кроме того, пересечение сводов породило своеобразную конструкцию поста-мента барабана в виде звезды, что также составляет одну из особенностей молдавского зодчества.

Стены, апсиды и барабан украшались плоскими продолговатыми нишами, по-молдавски „фириде“, а также „окницами“ — небольшими впадинами, расположенными в один или два яруса над фиридами. Фириды и окницы становятся основной темой пластической обработки наружной поверхности стен и барабанов.

Обыкновенно между стрехой и окницами создавался фриз из одного или нескольких рядов цветных терракотовых поливных дисков. Дверные и оконные проемы обрамлялись наличниками с готическими профилями.

Кровля в большинстве случаев гонтовая — шатровая. Первоначальные формы покрытий до нас не дошли, но, судя по росписям, где изображались жертвователи (ктиторы), держащие в руках храм, нартекс, центральный барабан, боковые и алтарные апсиды покрывались каждая самостоятельно шатром, что придавало храму живописный вид.

К стенам и барабанам нередко примыкали контрфорсы, назначение которых было скорее декоративное, чем конструктивное.

В Георгиевской церкви в Хырлэу (1492 г.) стремление к созданию монументального и нарядного сооружения достигает художественного завершения. Барабан купола храма вытянут кверху и увенчан пирамидальной кровлей, причем сильно выраженные вертикальные пропорции еще больше подчеркивают динамичность композиции. Фасад выполнен в камне, кирпиче и керамике; в плоских нишах развивается тема фирид; два яруса окон и фриз из цветных терракотовых дисков завершают убранство фасада. Все это оставляет впечатление продуманности и художественной завершенности. Исключителен по своей пластике постамент и барабан купола. Звездообразная форма постамента обусловлена конструкцией сводов, поддерживающих световой барабан.

В эпоху Стефана Великого было построено много церквей, из них наиболее ценные Патрауцы, Милишауцы, Воронеж, Сучава (Ильинская), Хырлэу, Яссы (Николаевская), Нямц, Арбора. Летописец отмечает, что Стефан „40 войн вел и 40 церквей построил“. В память о битвах сооружены церкви в Разбоенах, Борзештах, о чем свидетельствует мемориальная надпись: „... Были побеждены здесь православные воины, за упокой погибших возведен сей храм“.

Первая половина XVI в. открывает новую страницу в развитии молдавского зодчества, связанную с княжением Петра Рареша. В архитектуре храмов сохраняются традиции, установившиеся во времена Стефана, но вводится в план сооружений притвор, а между нартексом и центральной частью устраивается усыпальница — „гробница“, над которой помещается „тайница“ — кладовая для хранения ценностей.

Благодаря введению этих помещений, здание церкви приобретает более продолговатую форму. В декор фасада и интерьера проникают элементы, свойственные архитектуре эпохи Возрождения. Церкви монастырей Хумор, Сучевица, Молдовица наиболее характерны для первой половины XVI в. Наружная роспись — отличительная черта этих памятников. Вся поверхность стен, от цоколя до кровли, покрыта нарядной и яркой росписью, гармонично распределенной по отдельным частям здания. Роспись поражает своеобразием сюжета и необычной расцветкой. В ее тематику вводится осада турками Константинополя, жизнь Иоанна Нового, умерщвленного татарами в Белгороде (Днестровском), изображаются корабли в виде генуэзских каравелл. Одежда действующих лиц носит местный характер, часто фигурируют „неверные“ в одеяниях турок и татар. Другими словами, трактовка сюжетов отходит от церковных канонов, приобретает светский характер и местный колорит.

Откуда пришла эта роспись? Установлено по „подлинникам“ и по содержанию ее русское и украинское происхождение.

Г. Лукомский в своей книге „Галиция в ее старине“ свидетельствует, что фрески Буковины выполнены *picturea ruthenii*.

С. В. Безсонов¹ считает, что „эти фрески, признаваемые работой местных львовских мастеров, являются, по мнению авторитетов, счастливо

¹ „Архитектура Западной Украины“, М., 1946.

найденным звеном, связывающим киевско-черниговскую живопись с владими́ро-галицкой и подтверждающим украинское происхождение многих фресок такого же стиля и форм на территории Литвы и Польши“, мы же добавляем: и Молдавии.

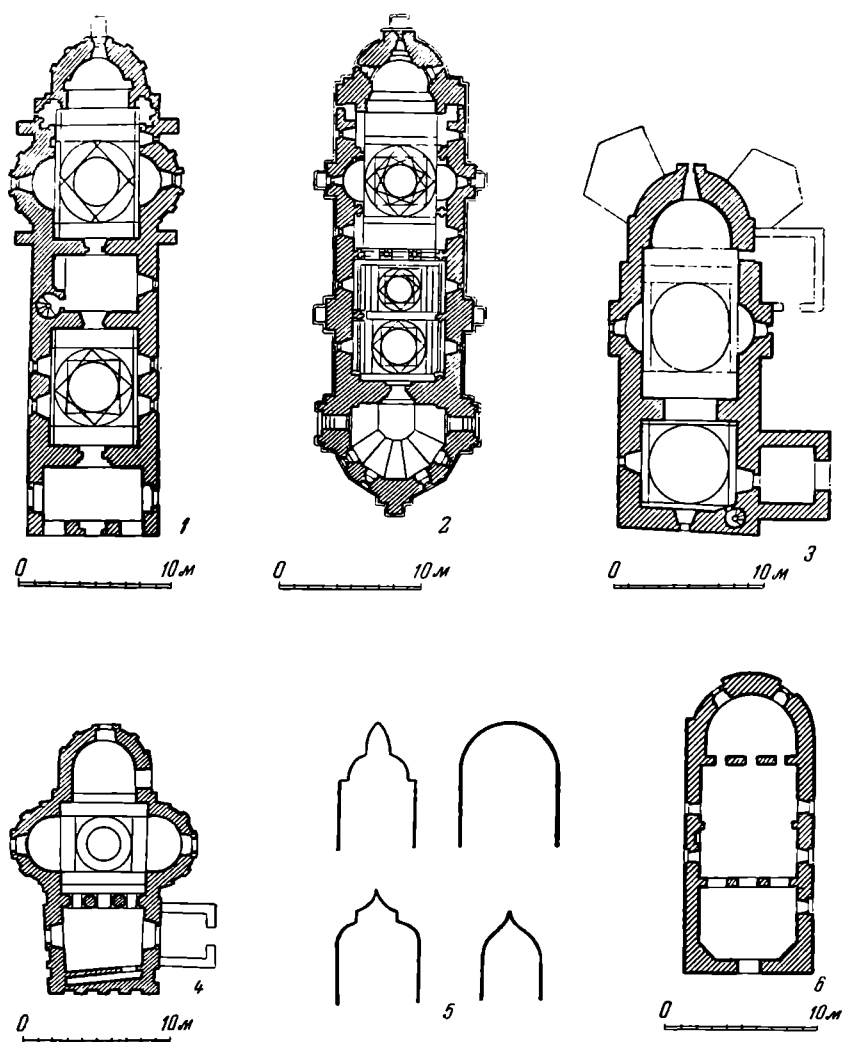

Рис. 20. Архитектурные памятники Молдавии XVI—XVIII вв.:

1 — план церкви в Молдовице (1532 г.); 2 — план церкви в Драгомирне (XVII в.); 3 — план церкви в Орșеве (XVII в.); 4 — план церкви в монастыре Рудь (XVIII в.); 5 — различные формы окон; 6 — план церкви в Каушанах (XVIII в.).

Позже известны имена „жалованных иконописцев“ Сидора Поспеева и Якова Гаврилова, посланных из Москвы в Молдавию в 1681 г.

Церковь монастыря Драгомирна (Южная Буковина), сооруженная в 1609 г., сохраняет троечастное деление внутреннего объема (рис. 20—2). Кроме основных помещений, план дополнен притвором и усыпальницей (гробницей). Боковые апсиды отсутствуют, но изнутри сохраняются в виде двух неглубоких ниш.

Перекрытие состоит из системы молдавских сводов, опирающихся на подпружные арки необычного вида — в форме плетенки. Плетенка с некоторого времени становится излюбленным мотивом в молдавской архитектуре.

Декор основного объема очень скуп и сводится к лопаткам, подпертым контрфорсами. Горизонтально фасад членится пополам поясом, также в виде плетенки. Верхний ярус завершается фризом из двух аркатурных полос. Оконные и дверные проемы, оконницы и аркатура — килевидного очертания (рис. 20—5). Мы считаем, что такая форма перенесена из русской архитектуры; также заимствована аркатура и убранство барабана купола; стены барабана покрыты исключительно

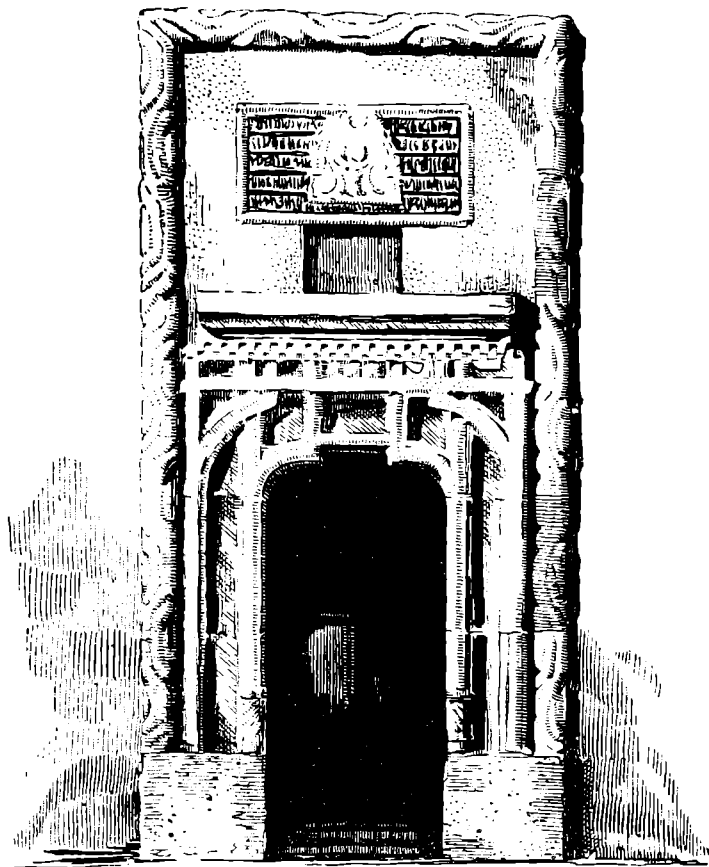

Рис. 21. Портал церкви в Оргееве.

богатыми рельефами, высеченными в камне, которые делают его легким и нарядным.

Церковь монастыря Трех святителей в Яссах сооружена господарем Молдавии Василием Лупулом, современником и сподвижником Богдана Хмельницкого. Стены храма, от цоколя до карниза, покрыты нарядными рельефами, выполненными в камне. Орнаментальная резьба богато и необычно заполняет все плоскости фасада, создавая красивую игру светотени. Сооружение является замечательным памятником молдавского зодчества.

Павел Аллепский, посетивший Яссы в XVII в., пишет, что „ни в Молдавии, ни в Валахии, ни у казаков совершенно нет церкви, которая могла бы сравниться с этой, с ее живописью и благолепием, ибо она поражает изумлением ум входящего в нее“. Известно, что роспись производилась русскими иконописцами, закончившими свою работу в 1642 г.

Сопоставляя орнаментацию храма с декором фасадов сооружений XVII в., мы приходим к выводу, что некоторые рельефы заимствованы от московского и украинского зодчества, другие же, более геометрические, в виде плетенок — кавказского происхождения.

В г. Оргееве (новом) Василий Лупул соорудил церковь (рис. 20—3). Форма здания продолговатая. Внутри сохраняется деление на три части. С южной стороны к зданию примыкает притвор, над которым находится колокольня. В центральной части с северной и южной сторон в толще стены устроены апсиды. Снаружи апсиды отмечены массивными выступами кладки, напоминающими контрфорсы; такой же выступ примыкает и к восточной апсиде. Все выступы прорезаны оконными проемами. Особый интерес представляют готические обрамления окон и портал (рис. 21). Портал, высеченный в камне, поражает деталями. Проем готической формы, обрамленный готическими профилями, завершается сандриком времен Возрождения. Вверху помещена доска с гербом Молдавии и славянской мемориальной надписью. Вся композиция замкнута в раму из плетенки, о которой мы упоминали при рассмотрении Драгомирнской церкви. Характерно, что такой набор разнообразных элементов приобрел самостоятельную выразительность.

Церковь монастыря Рудь. В исторических источниках есть сведения, что церковь сооружена во второй половине XVIII в. Однако по своему архитектурному облику, по конструкции и деталям она восходит к типу церквей, созданных при Стефане Великом, и относится к последним памятникам того ряда, в котором не только архитектурно-планировочная схема, но и декор фасада сохранили формы, установившиеся в молдавском зодчестве еще в XV в.

Простая и ясная композиция присуща этой скромной церкви. При трехконховом плане нартекс отделен от центральной части тремя арками (рис. 20—4). Основная часть здания увенчана куполом. С южной стороны примыкает входной притвор. Фасад украшают оконцы и фириды.

Значительный интерес представляет церковь в Каушанах, прямоугольная в плане, разделенная тремя арками и алтарной стеной на три части (рис. 20—6). Перекрытие — коробовой свод. Вся внутренняя поверхность стен и сводов покрыта фресками. Интересны фигуры жертвователей, среди них господари Молдавии и ряд лиц в украинских одеждах.

Судя по перечисленным памятникам, можно убедиться, что молдавский народ создал архитектуру, которой он гордится; воспринимая у других народов наиболее прогрессивные конструкции и художественные приемы, он не утрачивал при этом своих национальных особенностей. Зодчество Молдавии на протяжении истории было связано с развитием зодчества русского, украинского и других народов СССР. Русские мастера и художники всегда оказывали Молдавии большую помощь в деле строительства.

Э. А. РИКМАН

(Кишинев)

К ВОПРОСУ О СЛАВЯНСКИХ ЧЕРТАХ В НАРОДНОЙ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ МОЛДАВИИ

Наделенная яркими национальными особенностями, молдавская культура при своем сложении впитала элементы культур соседних народов. Наличие многих славянских элементов в молдавском и румынском языках уже давно заставило представителей русской науки привести доказательства в пользу взгляда, по которому славянская культура явилась существенным слагаемым молдавской и румынской. Роль ее и значительный вклад в культуру романского населения Юго-Восточной Европы особенно подчеркнуты в работах советских языковедов¹. Как выяснено, гнезда слов славянского происхождения обозначают многие отрасли материальной культуры молдаван и румын. Языковеды справедливо считают, что освоению предками молдавского и румынского народов славянских слов предшествовало освоение обозначаемых ими орудий и различных производственных процессов.

Советские ученые, разоблачая буржуазных немецких и румынских авторов, извращавших историю романского населения Юго-Восточной Европы (признававших культурный вклад готов, саксов, венгров, римлян, но не славян), работают над решением вопроса о славянском вкладе в молдавскую культуру, привлекая археологический и этнографический материал. Однако задача выявления в молдавской культуре славянских элементов еще не решена.

В предлагаемой заметке ставится задача на основе археологического и этнографического материала наметить один из путей исследования славянского вклада в молдавскую культуру.

Привлекая славянские наименования в молдавском языке некоторых орудий труда и предметов, необходимо прежде всего установить, сходны ли самые молдавские орудия и предметы с соответствующими славянскими; сходство устанавливается путем сравнения молдавских современных и древних народных орудий труда с современными и древними предметами славянскими. Особенно интересно привлечение археологического материала.

Ограничимся рассмотрением только нескольких славяно-молдавских названий и соответствующих им орудий и предметов:

¹ Р. Г. Пиотровский. Молдавский язык и вопросы славяно-молдавских отношений в эпоху раннего средневековья. „Октябрь“, Кишинев, 1951.

- 1) плуг — молд. „плуг“; болг. „плугъ“, укр. так же;
- 2) гопор, секира — молд. „секуре“; укр. „сокира“;
- 3) ручная мельница — молд. „рышница“;
- 4) тесло — молд. „теслэ“; укр. „тесло“;
- 5) лопата — молд. „лопатэ“; укр. „лопата“;
- 6) сулица — молд. „сулицэ“;
- 7) поршень — молд. „опинч“; болг. „опинче“, „опинец“; укр. „постіл“.

Большая часть этих обозначений — древние, упоминаемые в древнерусских литературных памятниках XI—XIII вв.¹

Плуг — важнейшее орудие земледелия — носит в молдавском языке славянское название, упомянутое русской летописью в X в. Для плуго-

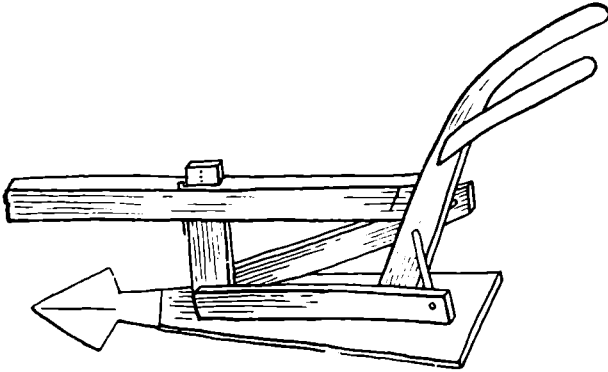

Рис. 22. Плуг из Запутской Молдавии.

В Запутской Молдавии в начале XX в. отмечены культиваторы (рарица), происхождение которых от древних плугов не подлежит никакому сомнению. Это орудие из Зерлень Тутова² употреблялось главным образом при огородных работах (рис. 22). Деревянное, оно смонтировано на широком полозе (плазул), на который спереди надевался двусторонний лемех (брездар) треугольной формы, идентичной древнерусским, в частности найденному при раскопках Г. Б. Федоровым на славянском городище у с. Екимаяуцы в Молдавии³. В полоз вделаны у лемеха вертикальный стояк, а у заднего края — две ручки. На стояке подвижно укреплен горизонтальный брус корпуса плуга (молд. „гриндей“, русск. „гредиль“), который скреплен деревянными шпильками с рукоятками орудия. Орудие снабжено двумя отвальными досками (молд. „полицы“), что отличает его от собственно плуга с одним отвалом. Молдавский плуг, выставленный в Музее краеведения МССР в Кишиневе, представляет собой несколько более совершенное орудие (рис. 23). Оно изготовлено из цельного куска дерева так, что от полоза кверху торчат две ручки. Общая высота орудия 85 см, длина 67 см. На конец полоза надет при помощи втулки железный лемех с лезвием, имеющим уклон в правую сторону. Длина лемеха 30 см, ширина 26 см. В левой ручке сделан паз, а в полоз, напротив него, у самого лемеха вделан вертикальный стояк высотой в 37 см.

Судя по аналогии с плугами из Зерлень Тутова, в пазе и на стояке укреплялся гредиль, присоединявшийся к передку (котига). С правой

¹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, тт. I—III.

² Т. Раифил. Agricultura la români. București, 1913, рис. 49.

³ См. рис. 6—7 в настоящем сборнике.

стороны у полоза есть паз; в этом месте, повидимому, с полозом соприкасалась отвальная доска, которая скреплялась с ним, рукоятью и стояком.

Выше отмечено, что не только молдавский плуг в целом, но и отдельные его части (полица, плазул, гриндей, брэздар) носят славянские названия. Это показывает, что некоторые виды молдавских плугов были безусловно восприняты у славян. В этой мысли убеждает и сравнение описанных плугов со славянским. Можно, например, сравнить два молдавских плуга с деревянным плугом из этнографической коллекции Полтавского музея¹. Сравнение это дает возможность констатировать близкое сходство в устройстве всех трех орудий. Сходны лемехи, полозы полтавского и запрутско-молдавского плуга, отвалы, рукояти кишиневского и полтавского. Отличен, в сущности, лишь гредиль, который у полтавского плуга слегка изогнут сзади.

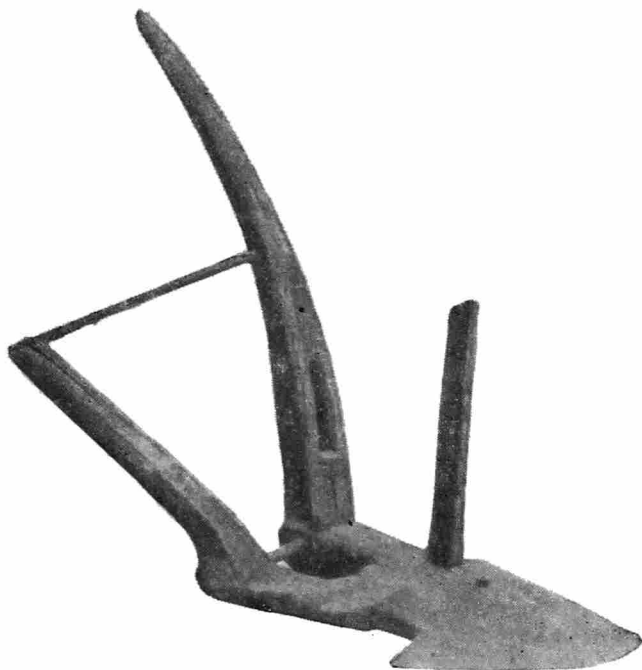

Рис. 23. Молдавский плуг.

Представляет также несомненный интерес изучение молдавских ручных мельниц (молд. „рышница“). Ими теперь чрезвычайно редко пользуются в деревне для грубого помола зерен кукурузы, пшеницы и т. д. Колхозные водяные и ветряные мельницы повсеместно вытеснили ручные рышницы. Ниже дается описание двух рышниц.

Первая обнаружена в селе Дурлешты близ г. Кишинева². Она смонтирована в доме у стены на лавке и жестко скреплена со стеной и лавкой при помощи глиняно-соломенной обмазки. В землю врыт кол диаметром 7 см, упирающийся снизу в лавку; в него наглухо вбита железная ось диаметром 1,5 см, выходящая на поверхность лавки через специальное отверстие. На ось насажены два жернова, верхний — подвижной. Неправильно округлые жернова, толщиной около 10 см, смонтированы в кольцевую оправу из жести, наглухо зажатую между нижним жерновом и глиняно-соломенной обмазкой. Между нижним жерновом и жестяным кольцом над краем лавки имеется щель для удаления муки. Нижний плоский жернов, зажатый на месте жестяным кольцом и глиняно-соломенной обмазкой, снабжен неглубокими радиальными

¹ В. И. Довженок. К истории земледелия у восточных славян I тысячелетия н. э. и в эпоху Киевской Руси. Материалы по истории земледелия СССР. Сборник I. М., 1952, стр. 152; см. также Историко-бытовые экспедиции 1949—1950. Под ред. А. М. Панкратовой. М., 1953, стр. 64. Плуг второй половины XIX в. из с. Бобровяки Полтавской губ. почти идентичен изображенному на рис. 23.

² В доме крестьянина П. Д. Марицой.

врезами, способствующими размолу крупных зерен. Верхний камень, снизу плоский, сверху неправильно сферический, также с радиальными бороздками. Отверстие для надевания камня на ось и засыпки зерна, расположенное в центре, имеет ширину около 4 см. Снизу в жернове, в средней его части, имеется впадина глубиной около 1 см, прямоугольных очертаний, длиной около 15 см, шириной около 8 см, для „пырпырицы“ (русск. „порхлиця“) — деревянной дощечки с отверстием, в которое вставляется конец оси, центрирующей верхний жернов. На краю дощечки вырез, сквозь который засыпается через широкое осевое отверстие зерно. В верхнем камне имеется щель для железного штыря деревянной, круглой в сечении рукоятки (молд. „фус“). Рукоятка вставляется сверху в отверстие потолка.

В Музее краеведения в Кишиневе хранится несколько отличная „рышница“. В толстое полубревно наглухо вделан плоский прямоугольный камень; сквозь него в центре проходит ось, на которую наглухо надета пырпырица, а на последнюю наглухо же — верхний цилиндрический, снизу плоский камень. Привод такой же, как и в предыдущем случае. Степень помола регулируется подниманием и опусканием верхнего камня вместе с осью и порхлицей, как это наблюдается у некоторых восточнославянских мельниц¹. Рассыпание муки предотвращается тем, что верхний камень вделан в раму с округлым для него вырезом; сбоку проделано отверстие для ссыпания муки.

По своей схеме рышницы полностью идентичны восточнославянским, описанным Д. Зелениным. Большое сходство прослеживается и с древними восточнославянскими мельницами IX—XI, XII—XIII вв., описанными Л. Нидерле, Б. А. Рыбаковым, а также найденными Г. Б. Федоровым при раскопках городища Алчедар, в Молдавии. Охарактеризованные выше экземпляры рышницы, однако, отличаются от известных нам славянских тем, что для последних характерна выпуклость нижнего и вогнутость верхнего камня. Отсутствию этих особенностей в молдавских рышницах соответствует и отсутствие специальных названий для верхнего и нижнего камней, свойственных восточнославянским языкам. Скорость и легкость вращения верхних камней молдавских рышниц затрудняет то, что они, в отличие от славянских, не так точно геометричны и центрированы.

Молдавские рышницы носят название славянского происхождения и, несмотря на указанные отличия, по основной схеме, близки славянским; некоторые их типы явно восприняты у славян.

Обратимся к нескольким орудиям по обработке дерева.

Топор, секира (молд. „топор“, „секуре“). В настоящее время в молдавских селах распространены железные топоры ручной выделки, сохранившие весьма древнюю форму (рис. 24). Фабричные топоры, в соответствии с народными вкусами, делались такой же формы. В качестве примера приведем два топора крестьян с. Дурлешты, расположенного в 7 км от Кишинева. Один небольшой: длина его между краями обуха и лезвия 13 см, ширина лезвия в наиболее широкой части 10 см, в наиболее узкой 2,5 см, ширина втулки снаружи 3 см, диаметр втулки 3 см. Обух утолщен. Наиболее характерная деталь — сильно оттянутое книзу лезвие. Второй экземпляр характеризуется вытянутыми пропорциями. Размеры его: длина 21,5 см, ширина лезвия 8,2 и 3,4 см, втулки 3,8 см. Втулка треугольная в сечении. Ручки обоих топоров прямые, длиной 40 и 75 см. Ручки молдавских топоров изготавливаются из дерева твердых пород — акации, ясеня, орешника.

¹ D. Zelenin. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin—Leipzig, 1927, стр. 90.

Описанные топоры поразительно похожи на славянские, бытовавшие в X—XIII вв. (рис. 25—1, 3). Так, первый полностью аналогичен по форме орудью, приведенному Л. Нидерле в числе прочих как пример типичного славянского топора¹. Среди топоров с Екимауцкого городища (раскопки Г. Б. Федорова) есть экземпляры, очень похожие, но не тождественные. Екимауцкие топоры характеризуются резким сужением лезвия у втулки, а некоторые — выступами обуха сверху и снизу. Б. А. Рыбаков отметил проникновение топоров древнерусских типов к восточным и северным соседям Руси². Можно констатировать то же явление по отношению к юго-западным соседям — волохам-молдаванам.

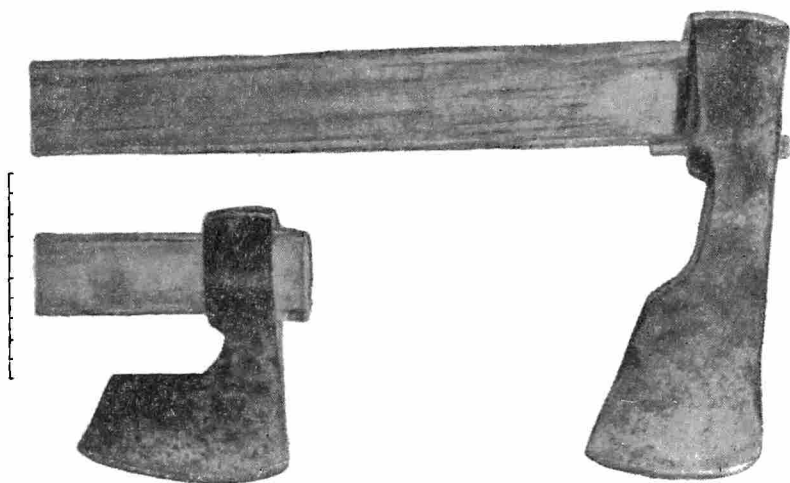

Рис. 24. Молдавские топоры из с. Дурлешты.

Тесло (молд. „теслэ“) еще применяется в Молдавии при обработке дерева, но постепенно выходит из употребления. Как и русскими, оно употреблялось молдаванами, несомненно, с глубокой древности. Железное тесло найдено при археологических работах Г. Д. Смирнова на территории молдавского города Старый Орхей XIV—XVI вв. (рис. 25—4). Инструмент — с треугольным лезвием и втулкой. Общая его длина 14,5 см, ширина 11 см, диаметр втулки 2,5 см. Несмотря на плохую сохранность орудия, его почти полное сходство с аналогичными славянскими не вызывает сомнений. Молдавское тесло очень похоже на обнаруженное на Райковецком городище орудие, пропорции которого, правда, несколько более вытянутые³.

Лопата (молд. „лопатэ“), характерная некогда для молдавской деревни, выставлена в Музее краеведения в Кишиневе. Она деревянная, с длинной прямой, овальной в сечении рукоятью. „Штык“ лопаты сверху прямой, снизу полукруглый; длина его 24 см, ширина 18 см, ширина железной оковки рабочего края 2—6 см. Оковка закреплена на „штыке“ двумя гвоздями, расположенными на верхних краях ее (рис. 25—6). Эта молдавская лопата по облику до мелочей похожа на древнеславянские лопаты X—XIII вв., в частности восточнославянские⁴.

¹ L. Niederle. *Rukovět slovanské archeologie*. V. Praze, 1931, стр. 159, рис. 66.

² Б. А. Рыбаков. *Ремесло древней Руси*. М., 1948, стр. 140.

³ В. К. Гончаров. *Райковецкое городище*. Киев, 1950, табл. VII, 8.

⁴ *История культуры древней Руси*. М.—Л., 1948, т. I, рис. 34—35.

Славянские элементы в молдавской народной одежде — тема обширная. Наличие в народной одежде молдаван славянских образцов (носящих, добавим, славянские названия), например кожухи, отметили румынские исследователи¹. Ниже коснемся лишь обуви, характерной в прошлом для молдавских крестьян.

Опинч (болг. „опинец“, русск. „поршень“) — широко распространенная народная обувь. Это туфли, надеваемые поверх онучей. Изготавливаются

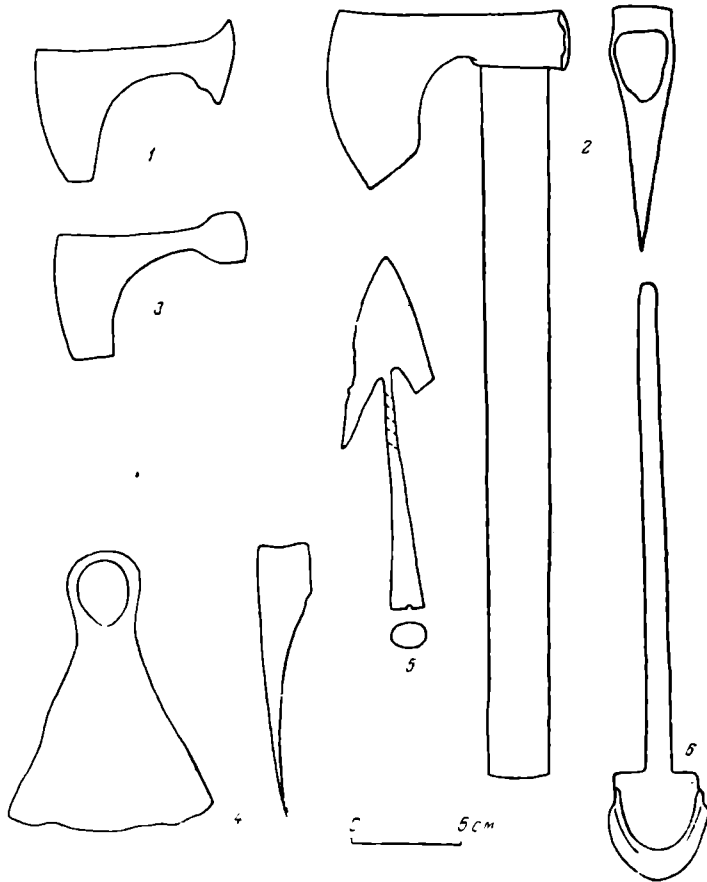

Рис. 25. Молдавские и древнеславянские орудия:

- 1 — топор из раскопок Еквимауцкого городища (IX—XI вв.); 2 — топор из села Дурлешты; 3 — древнеславянский топор, изданный Л. Нидерле; 4 — молдавское тесло из раскопок города Старый Орхей (XIV—XVI вв.); 5 — молдавская сулица, найденная там же; 6 — молдавская лопата.

из цельного куска кожи или шкуры таким образом, что швы расположены посередине спереди и сзади; на верхнем крае — прорези; кожным ремешком, пропущенным в них и затянутым, опинч закрепляется на ноге.

Эта обувь характерна не только для молдаван, но и для русских, для населения древней Руси². Многочисленные ее образцы найдены при раскопках курганов и городов Великого Новгорода, Москвы, Смоленска; характерна она и для болгар³.

¹ N. Jorga. *L'art populaire en Roumanie*. Paris, 1923, стр. 67, 70.

² История культуры древней Руси, т. I, стр. 236—237.

³ С. А. Токарев. *Этнографические наблюдения в балканских странах*. СЭ, № 2, 1946, стр. 202.

Показательно сходство названия обуви не с восточнославянским (поршень), а с болгарским (опинче, опинец). Если исходить из положения языковедов, что заимствование слов — следствие заимствования предметов и орудий, то опинч заимствован не у восточных славян, а у болгар.

Изучение молдавской материальной культуры сможет выявить не только значительный славянский вклад в области хозяйственной, бытовой, но и военной. Последнее обусловлено, повидимому, участием предков молдаван в славянских военных походах. Видимо, в результате этих походов были переняты некоторые славянские предметы вооружения, а в язык проникли их славянские названия.

Остановимся на наконечнике дротика (молд. „сулицэ“), найденном при раскопках Старого Орхея XIV—XVI вв. (рис. 25—5). Длина его 10 см, ширина боевой части 3 см. Наконечник обломан, он втульчатый (длина до 9 мм), прибывавшийся к древку гвоздиком. Особенно характерны остроугольные, резко направленные книзу шипы боевой части сулицы. Они мешали вытащить острие из раны.

Совершенно идентичные сулицы найдены при раскопках Г. Б. Федоровым Екимауцкого городища IX—XI вв.

Приведенные выше материалы даны лишь в качестве примеров, показывающих один из путей для уяснения связей молдавской культуры со славянской. Параллельное изучение языковых и вещественных материалов и установление тождества откроет некоторые дополнительные возможности в этом отношении. Надо оговориться, что проникновение славянских орудий не всегда, очевидно, сопровождалось сменой их романского наименования на славянское. Этот вопрос еще требует изучения.

Как могло не произойти взаимопроникновения славянской и волошской культур, если развитие обоих народов с V в. н. э. происходило в столь тесной территориальной близости, в рамках славяно-романских государственных образований, в пределах славяно-валашских поселений, обнаруженных недавно румынскими археологами?¹

Авторы языковедческих работ настаивают на теснейшей связи молдавской культуры с болгарской, ничего не говоря о раннем территориальном и культурном контакте с восточными славянами.

Теснейшее культурное взаимодействие романского населения Юго-Восточной Европы с южными славянами бесспорно. Оно проявлялось, в частности, в отмеченном выше факте наличия в молдавском и болгарском языках слова „опинче“ и в бытовании на территориях, заселенных названными народами, одинаковых типов обуви. Пример этот может быть дополнен и некоторыми другими аналогиями.

Нельзя отказаться и от мысли о культурном взаимодействии не только южных, но и восточных славян и романского населения Юго-Восточной Европы. В связи с этим уместно напомнить, что болгары, в особенности Подунавья, в значительной мере сформировались из антских, восточнославянских племен².

Данные письменных источников, археологические материалы свидетельствуют о проникновении восточнославянских племен в Подунавье, о наличии в этом районе владений русских князей. По данным „Повести временных лет“, „тиверцы приседяху к Дунаеву“³, „Володимер...

¹ Б. Д. Греков. В новой Румынии. „Вестник АН СССР“, 1953, в. 2, стр. 33.

² П. Н. Третьяков. Восточнославянские черты в быту придунайских болгар. СЭ, 1948, № 2, стр. 179 и др.

³ Повесть временных лет, т. I. М.—Л., 1950, стр. 14.

посажа посадники по Дунаю“ (1116)¹. Особенно показательно известие 969 г.: „Рече Святослав к матери своей... хочю жити в Переславци на Дунай, яко то есть середя земли моей...“². Следовательно, владения Святослава раскинулись и за Дунаем. Судя по ряду фактов, сохранных русскими былинами, летописью, „Словом о полку Игореве“, восточнославянское культурное единство простиралось до Подунавья³. О том же свидетельствуют и данные археологии. При раскопках близ селения Гарвен в Добрудже у Галаца, на правом берегу Дуная, были найдены изделия древнерусских ремесленников: обломки стеклянных браслетов, фрагмент характерного поливного яичка с узором в виде фигурных скобок, целиком повторяющий разделку поливных плиток из Белгорода (Киевщина)⁴.

Приведенные данные не оставляют сомнения в том, что в Нижнем Подунавье были поселения восточных славян, что на этот район распространялась восточнославянская культура. В этом районе, прилежащем к центру формирования романского населения Юго-Восточной Европы⁵, и происходил первоначально стык восточнославянской и романской культур. Он облегчался тем, что романское население Балканского полуострова, повидимому, участвовало в походах русских князей на Византию. Думается, что именно этим вызвано упоминание в договорах с Византией 911 и 944 гг., заключенных Святославом и Игорем с греками, бояр с романскими именами⁶. Участие в указанных военных походах предков молдавского народа делает понятным бытование в молдавском обиходе охарактеризованных выше сулиц, по типу своему и названию аналогичных тиверским.

Параллельное рассмотрение молдавских орудий и предметов, носящих славянские названия, и, с другой стороны, славянских позволяет глубже проникнуть в процесс обогащения молдавской культуры из славянского источника. За сходством терминов в молдавском и славянском языках скрывается сходство самих обозначаемых ими орудий и предметов. Вывод о заимствовании ряда форм перечисленных орудий от славян обосновывается вместе с фактами языковыми еще и археолого-этнографическими.

¹ Повесть временных лет, т. I. М.—Л., 1950, стр. 48.

² Там же, стр. 201.

³ П. Н. Третьяков. Указ. соч.

⁴ Ch. Stefan, J. Barnea и др., Săpăturile dela Garvăn (Dinogetia) ruinul Măcin (Galati). Studii și cercetări de istorie Veche, N-I, anul II. Ianuarie—iunie 1951, стр. 22.

⁵ В. Ф. Шишмарев. Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР. ВЯ, т. I, М., 1952, стр. 84—85.

⁶ История Молдавии, т. I. Кишинев, 1951, стр. 36.

А. И. МЕЛЮКОВА

(Москва)

РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК НА ДВУХ ПОСЕЛЕНИЯХ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В МОЛДАВИИ

На средства Молдавской археологической экспедиции в 1952 г. были начаты раскопки на двух поселениях скифского времени — на селище у с. Солончени Резинского района и на городище у с. Выхватинцы Рыбницкого района.

Селище у с. Солончени расположено на высоком мысу, образованном двумя глубокими оврагами. Поверхность мыса была занята посевами, поэтому раскопки производились на свободных окраинных частях поселения. На трех раскопах, общей площадью около 200 м², обнаружено много ям, округлых или овальных в плане, с диаметром устья 0,8—2,0 м, глубиной 0,90—2,5 м от поверхности. Девять ям вскрыто в раскопе I, восемь ям в раскопе III (рис. 26). Ямы вырыты в коричневато-желтом лессовидном суглинке. У одних из них стенки были вертикальными, у других сужались ко дну, у третьих, наоборот, расширялись. Кое-где имелись неширокие подбои, идущие либо вокруг всей ямы, либо находившиеся с одной или с двух сторон. В нескольких случаях на стенках обнаружены уступы, служившие, повидимому, ступеньками (ямы № 5 и 6 в раскопе I, ямы № 2 и 4 в раскопе III). Кроме одиночных, встречены ямы, состоявшие из двух, трех и четырех ячеек; при этом одна ячейка могла прорезать стенки другой или соединяться с ней при помощи узкого перешейка. Днища ям были или горизонтальными, или слегка вогнутыми в центре. В некоторых на дне было положено по несколько камней. Так, в яме № 5 (раскоп I) лежало три больших камня, четыре камня меньших размеров находились на дне ямы № 6 (раскоп I), шесть небольших камней в яме № 3 (раскоп I). Заполнение ям составлял гумированный слой, иногда без всяких культурных остатков или с небольшим числом фрагментов керамики и отдельных костей животных. Только в ямах № 3 и 5 (раскоп III) найдено очень много обломков посуды, из которых удалось склеить несколько почти целых сосудов. В яме № 3 фрагменты керамики лежали грудой; было ясно, что разбитые горшки выбрасывались у восточной стенки. Кроме разбитой посуды, сюда сбрасывали также камни и кости животных. В этой же яме обнаружена маленькая костяная иголка с ушком. В яме № 5 фрагменты сосудов встречались на всей площади и во всех слоях приблизительно одинаково. Никаких других находок здесь не было.

По форме и характеру заполнения отличалась яма № 3 в раскопе I. В разрезе она имела форму как бы двух поставленных друг на друга

усеченных конусов, причем у верхнего конуса диаметр основания больше, чем у нижнего. Стенки были прокаленными; особенно сильное действие огня обнаружено на стенках нижней части ямы. Камни, лежавшие на дне, покрыты копотью. Заполнение составлял золистый слой с небольшим количеством мелких угольков, кусочков обмазки и отдельных фрагментов сосудов. По всей вероятности, эта яма была очажной, огонь разводился на камнях, лежавших на дне. О назначении других ям, открытых в процессе раскопок, можно судить лишь очень предположительно. Ямы со ступеньками служили скорее всего погребями, круглые ямы, возможно, были зернохранилищами. Ямы

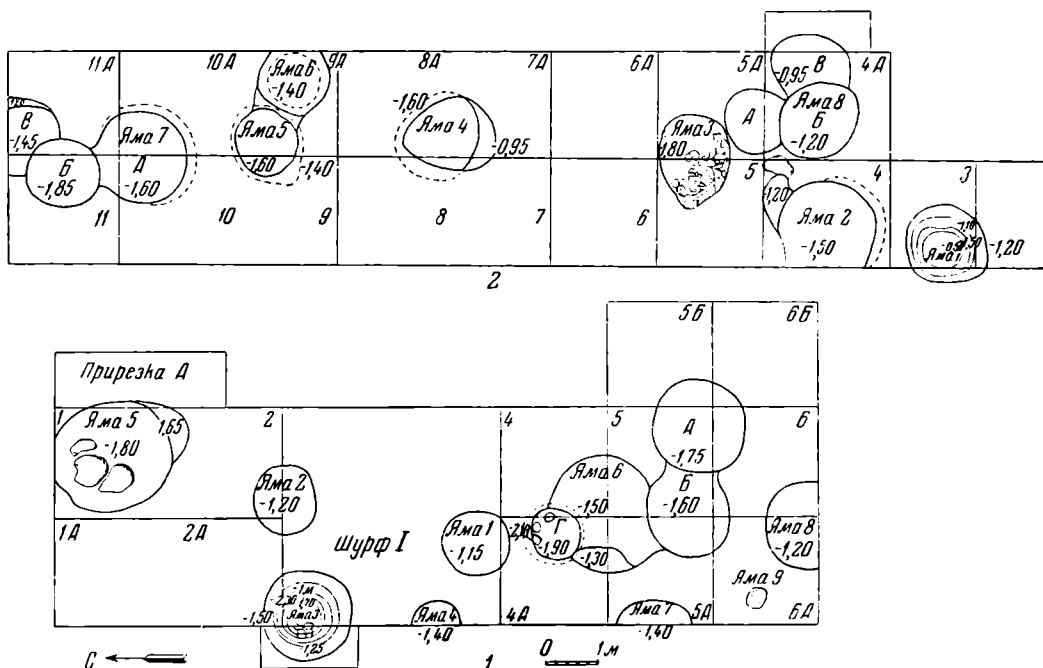

Рис. 26. Планы раскопок поселения у с. Солончичи:

1 — раскоп I; 2 — раскоп III.

№ 3 и 5 раскопа III, давшие много фрагментов керамики, были мусорными.

Обилие ям на небольшой площади раскопов I и III свидетельствует о существовании где-то недалеко жилищ, которые, по всей вероятности, будут вскрыты при дальнейших работах.

Найденный при раскопках материал представлен преимущественно фрагментами местной лепной посуды. Эта керамика делится на две группы: к первой относится тщательно сделанная, хорошо лощеная посуда черного, коричневого или серовато-желтоватого цвета. Вторую группу составляют кухонные горшки, имеющие сглаженную, реже лишь слегка лощеную поверхность.

Лощеная керамика разнообразна по формам и часто богато орнаментирована резным и сделанным зубчатым штампом узором. Изредка встречаются обломки сосудов, на которых резной геометрический орнамент заполнен белой пастой. Наибольшее количество фрагментов принадлежит мискам со слегка загнутым внутрь краем (рис. 27 — 5-6), черпакам с довольно высокой шейкой, округлым туловом и ручкой

с шишечкой на перегибе (рис. 27 — 1-4; рис. 28) и сравнительно небольшим сосудам с невысокой шейкой и круглотелым или грушевидным туловом (рис. 29 — 1-3).

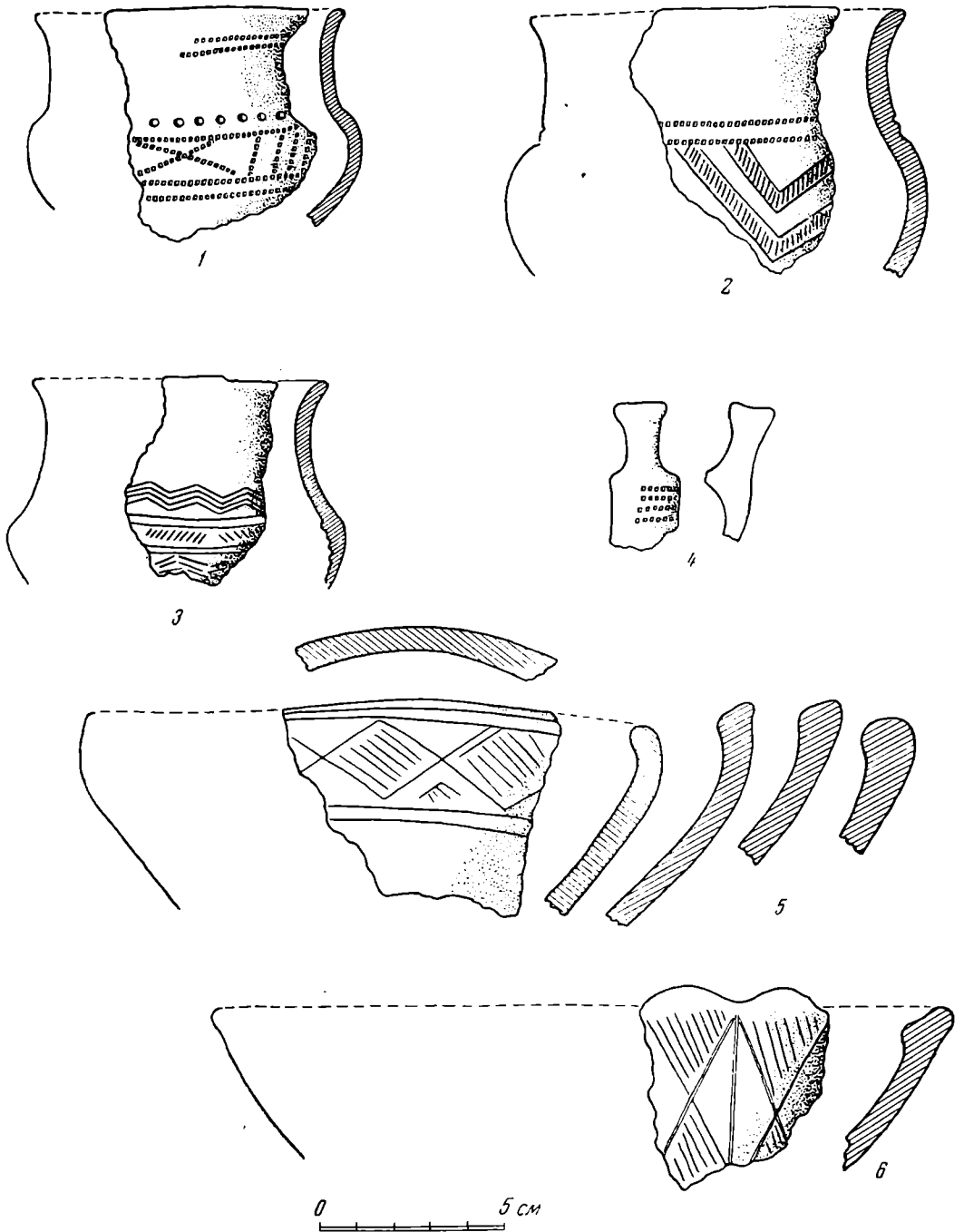

Рис. 27. Керамика с поселения у с. Солончени.

Из фрагментов, найденных в яме № 3 (раскоп III), удалось склеить два почти целых больших круглотелых лощеных сосуда и половину третьего. Один целый сосуд имеет довольно узкое горло, сильно выступающие плечики и раздутое в средней части тулово. Нижняя

часть горшка отделена от верхней невысоким оттянутым валиком. Плечики и тулово до валика украшены богатым резным и штампованным орнаментом (рис. 30—2).

Третий сосуд (во фрагментах) по форме и характеру орнаментации вполне аналогичен этому сосуду.

Другой целый сосуд отличается от первого отсутствием валика, отделяющего верхнюю часть тулова от нижней, и сравнительно бедной орнаментацией. Полоса орнамента в виде косо расположенных линий, сделанных зубчатым штампом в обрамлении из кружочков, нанесенных концом круглой палочки, украшает только плечи горшка (рис. 30—1).

Кухонная, более грубая посуда представлена преимущественно фрагментами сосудов баночного типа, часто украшенных наlepным валиком с защипами, расположенным на тулове. Небольшое количество фрагментов принадлежит сосудам с ручками-упорами на тулове и горшкам со слегка выделенной шейкой, украшенной пальцевыми защипами по краю (рис. 29—4-6).

Рис. 28. Черпак, найденный на поселении у с. Солончени.

до н. э. на территории правобережной Украины². Однако молдавская керамика этой группы богаче и разнообразнее по орнаментации, у нее больше сходства с гальштатской посудой VIII—VI вв. до н. э. Кроме того, среди известной в настоящее время в Молдавии керамики нет некоторых форм, столь типичных для памятников правобережной лесостепной Украины VII—VI вв. до н. э. Так, например, здесь совершенно неизвестны черпаки с низким широким туловом. Все известные в Молдавии сосуды этого типа имеют довольно высокую шейку и резко профилированное тулово. Вместе с тем на Украине пока не найдено больших сосудов с туловом шаровидной формы, подобных тем, которые были описаны выше и найдены в яме № 3 раскопа III. Наиболее близкие аналогии им можно найти в керамике эпохи бронзы и раннего железного века, известной в Карпато-Дунайском районе³.

Еще резче от украинской отличается кухонная посуда, найденная и на поселении у с. Солончени и в ряде других, одновременных ему

¹ Материал не издан. Коллекции хранятся в Институте истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР.

² Е. Ф. Покровська. Поселения VIII—VI ст.ст. до н. э. на Тясмині. Археологія, VII, Київ, 1952, стр. 43 сл.; М. И. Вязьмитина. Памятники раннего железного века в окрестностях с. Жаботия Кировоградской обл. КСИА, Київ, 1952, стр. 59 сл.

³ См., например, Studii si cercetări de istorie Veche, N 1, anul II, 1951, стр. 177 сл., рис. 188.

памятников Молдавии. Здесь, как и на территории Карпато-Дунайского района, не получают широкого распространения тюльпановидные сосуды, украшенные проколами и наlepным валиком с защипами под венчиком, столь характерные для памятников лесостепной Украины VIII—VI вв. до н. э.¹ Кроме того, на территории Молдавии, как в Венгрии и

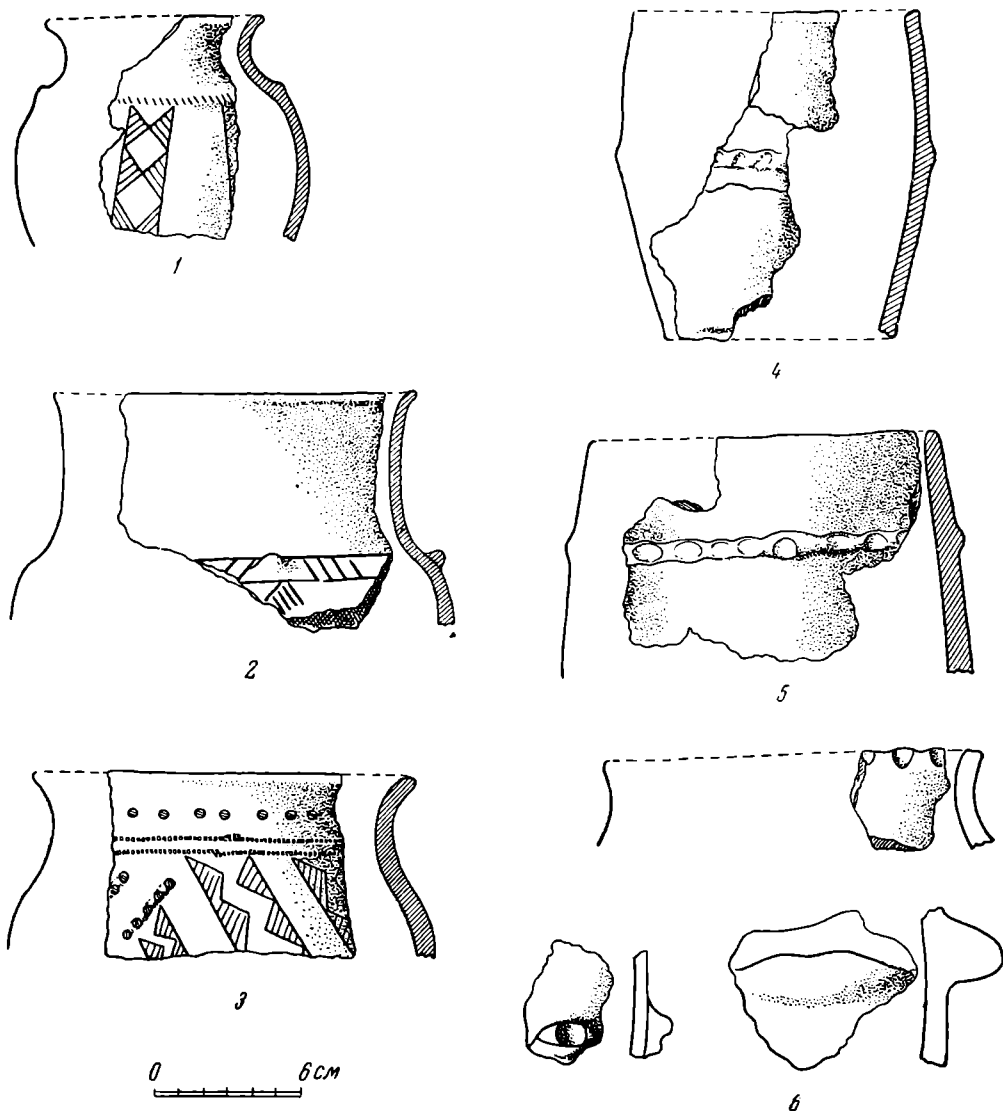

Рис. 29. Керамика с поселения у с. Солончени.

Румынии, рано появились горшки с полукруглыми ручками-упорами, необычные для памятников скифского времени на Украине.

Кроме местной лепной керамики, при раскопках верхних слоев поселения найдено несколько фрагментов греческих амфор IV—III вв. до н. э. Фрагменты амфор совершенно не встречались в основном слое поселения. Не было их ни в одной из ям, вскрытых при раскопках. Вероятнее всего эти находки указывают лишь на существование

¹ Е. Ф. Покровська. Указ. соч.

верхнего слоя на поселении, в большой степени уже уничтоженного распашкой.

Из вещей при раскопках обнаружены глиняные пряслица трех типов — шаровидные, круглые, уплощенные и биконические, небольшая костяная иголка с ушком и бронзовая пластинка с двумя выпуклостями,

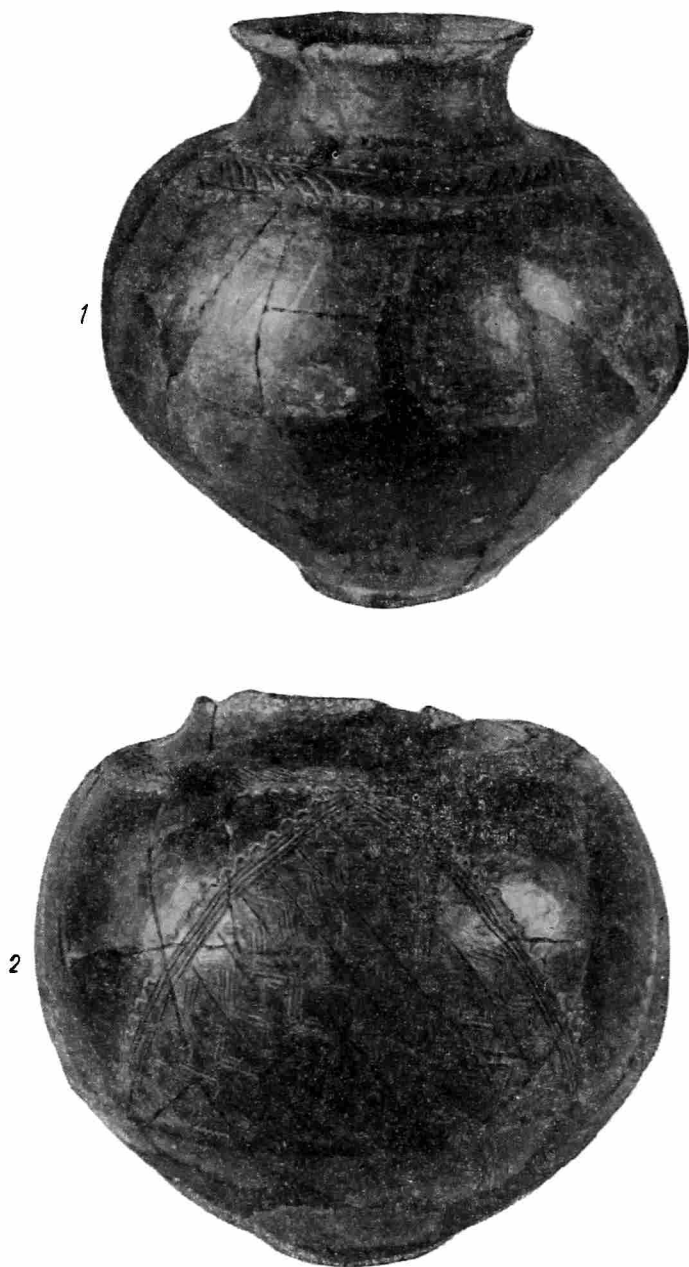

Рис. 30. Керамика с поселения у с. Солончени.

выдавленными изнутри, совершенно аналогичная происходящим из Сахарянского могильника (раскопки Г. Д. Смирнова)¹.

Земледельческое хозяйство населения, жившего на селище у с. Солончени, характеризуется находками каменной зернотерки овальной

¹ Не опубликованы, хранятся в ИИЯЛ Молдавского филиала АН СССР.

формы и отпечатков зерен ячменя¹, обнаруженных на двух фрагментах сосудов.

Костей животных очень немного, по ним пока нельзя судить о составе стада.

Время основного слоя поселения определяется главным образом по местной керамике и бронзовой пластинке VII—VI вв. до н. э. Верхний распаханый слой, представленный пока только несколькими фрагментами эллинистических амфор, относится к IV—III вв. до н. э.

Городище у с. Выхвятинды расположено на высоком берегу Днестра, примерно в 2 км от села на север. С трех сторон оно ограждено валом подковообразной формы и рвом, четвертая сторона — крутой обрыв к Днестру. Площадь городища невелика, едва достигает 4000 м². Первое обследование здесь было произведено Г. Д. Смирновым еще в 1946 г.² Поверхность городища сильно испорчена современными ямами. На свободной от повреждений площади нами было разбито два раскопа размером около 300 м². Третий раскоп заложен в виде траншеи, шириной 2 м, прорезавшей вал и ров. В раскопе II в восточной части городища недалеко от вала обнаружены остатки плохо сохранившегося наземного жилища. От стен остались лишь незначительные скопления камней и куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев. Судя по этим остаткам, жилище было прямоугольной формы, но о площади его судить трудно. К жилому комплексу относятся два глинобитных очага. Один из них, неправильной округлой формы, находившийся в восточной части жилища, был сооружен на камнях, другой, в западной части, прямо на земле. Внутри жилища обнаружено много фрагментов посуды, причем многие принадлежали разбитым на месте горшкам. Кроме керамики, найден большой обломок каменной зернотерки, несколько глиняных пряслиц и немного костей животных.

В раскопе I обнаружены остатки глинобитного на каменной основе очага и две небольшие ямы, заполнение которых составлял гумированный слой с фрагментами посуды и небольшим количеством костей животных.

Раскопки траншеи, прорезавшей вал и ров, показали, что вал был насыпан из чернозема с вкраплениями материкового суглинка. С внутренней стороны на вал жители городища выбрасывали золу и мусор. Никаких дополнительных укреплений вала не обнаружено.

Высота вала от уровня древнего горизонта достигала в раскопанной части 2 м. Ров с внешней стороны городища, глубиной 2,65 м от уровня древней дневной поверхности, вырыт уступами, что, очевидно, должно было предохранять его стенки от оползания.

Культурный слой на городище, толщиной около 40—50 см, беден находками. Все находки сделаны преимущественно на месте, занятом остатками жилища. Они представляют собой лишь фрагменты керамики и глиняные пряслица. Никаких металлических предметов не встречено.

подавляющее большинство фрагментов принадлежит сосудам, сделанным от руки из глины с примесью шамота. Поверхности сосудов хорошо заглажены и часто имеют следы лощения. Качество лощения во много раз уступает лощению на керамике раннескифского времени. Отличается эта керамика от описанной выше и по цвету. Здесь преобладают сосуды с желтыми или серовато-желтыми поверхностями

¹ Определение было сделано в лаборатории ИИМК АН СССР А. В. Кирьяновым.

² Материалы хранятся в ИИЯЛ Молдавского филиала АН СССР.

и лишь изредка встречается черная керамика. Форм посуды отмечено сравнительно немного. Преобладают горшки разных размеров, баночной

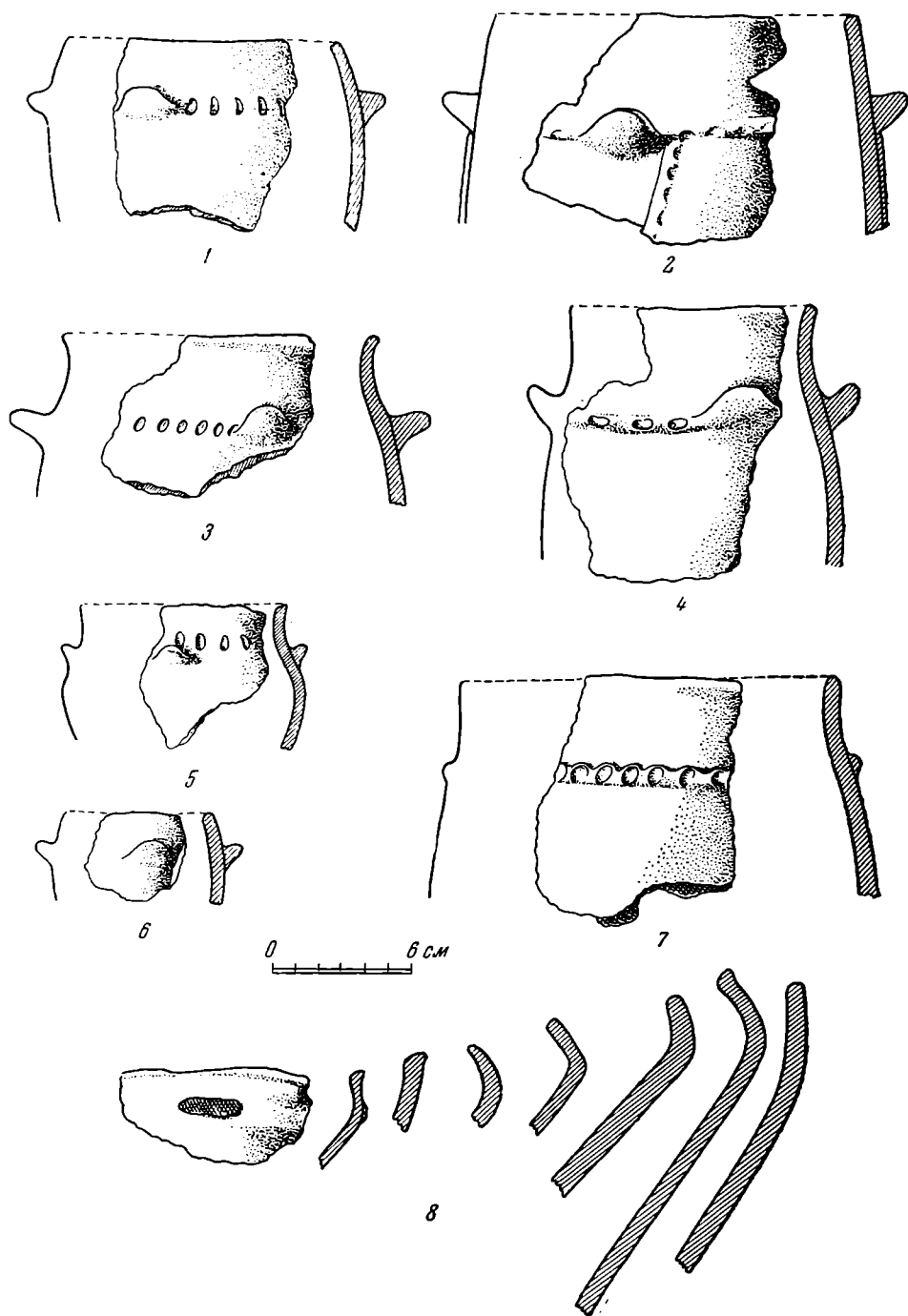

Рис. 31. Керамика с Выхватинского городища.

формы, с почти вертикальными или слегка выпуклыми стенками или с едва выделенной, плавно переходящей в тулово шейкой (рис. 31—1-7). Реже встречаются сосуды с высокой шейкой и слегка утолщенным плоским венчиком. На горшках обычно делались полукруглые

ручки-упоры на плечиках или на нижней части сосудов. Довольно часто на сосудах встречается орнамент или в виде ямок, сделанных пальцем, или в виде налепного валика с защипами. Реже нанесен орнамент в виде плоских круглых налепов.

Много фрагментов мисок разных размеров с диаметром устья от 30 до 8—7 см. Большая часть их имеет резко выраженный перегиб на тулове, как бы ограничивающий верхнюю часть миски, со слегка загнутым внутрь краем, от нижней (рис. 31—8). Реже встречаются миски с плавно сближающимися книзу стенками. Довольно обычны полукруглые ручки-упоры или ручки-ушки на туловах мисок.

Третью форму местной посуды, бытовавшей на городище, представляют небольшие кувшины с более или менее высокой шейкой, округлым туловом и невысокой петельчатой ручкой.

Несколькими фрагментами представлены высокие корчаги с большими ручками-упорами, подобные найденным Г. Д. Смирновым на городище у с. Бутучены¹.

Керамика, собранная при раскопках на городище у с. Выхватинды, типична для памятников конца IV—III вв. до н. э., известных в настоящее время на территории Молдавии. Наиболее близкие аналогии встречаются в керамических комплексах, обнаруженных Г. Д. Смирновым на городище у с. Бутучены и на Малом Сахарнянском. Эти городища датируются фрагментами античных амфор и наконечниками стрел. За пределами изучаемой территории подобная керамика хорошо известна по находкам на поселениях и в могильниках Румынии², которые считаются принадлежавшими гетам. На территории Украины близких керамических комплексов не обнаружено.

Кроме местной лепной посуды, на городище найдено 12 фрагментов античных амфор. Девять из них принадлежат сосудам конца IV—III вв. до н. э. Три фрагмента, найденные на глубине до 40—50 см, относятся к узкогорлым амфорам раннеримского времени. Разновременность амфор при однообразном комплексе керамики, среди которой невозможно выделить более ранние и более поздние типы сосудов, несколько затрудняет датировку городища. Трудно предполагать, что лепная местная посуда не изменялась от конца IV в. до н. э. до первых веков нашей эры и что жизнь на городище не прекращалась. Кажется более вероятным, что основание городища и жизнь на нем относятся к эллинистическому времени. Позднее, в первые века нашей эры, городище, возможно, служило лишь убежищем, почему на нем и не отложилось сколько-нибудь выразительного культурного слоя этого времени. Раскопки, которые мы предполагаем провести на этом памятнике, должны дать новые материалы для уточнения стратиграфии городища, а также помочь выяснению конструкции и планировки жилищ.

Исследования на указанных поселениях в 1952 г. дали новые материалы. Они дополнили сведения о памятниках скифского периода на территории Молдавии, ставших известными здесь лишь с 1946 г. в результате работ экспедиции Молдавского филиала АН СССР под руководством Г. Д. Смирнова. Однако для исчерпывающей характеристики экономики, социальных отношений, быта и культуры населения,

¹ Материал хранится в ИИЯЛ. Один из сосудов издан в „Истории Молдавии“, Кишинев, 1952, стр. 25, рис. 25.

² Radu et E. Vulpe. Les fouilles de Poiana, Dacia III—IV, стр. 291, рис. 44, 47, 52; Dinu Rosetti. Tombes à incinération de l'âge du fer et de l'époque romaine dans le région de Bucurest, Publicatile muzeului municipiului, București, 1935, стр. 53, рис. 9—17.

жившего на территории Молдавии в VII—III вв. до н. э., а также для решения вопроса об этнической принадлежности этих племен материалов пока недостаточно. Потребуются еще очень большие систематические раскопки памятников раннего железного века, которыми так богата Молдавия.

Тем не менее с каждым годом становится все очевиднее, что материальная культура племен, живших на этой территории в VII—III вв. до н. э., отличалась от культуры соседних племен северо-западного Поднестровья, Побужья и среднего Поднепровья. Еще более резкие различия наблюдаются при сравнении памятников Молдавии с памятниками, принадлежавшими собственно скифским степным племенам Северного Причерноморья. В связи с этим следует признать существование здесь особого локального варианта культур скифского времени, распространенных на обширной территории нашего юга. По некоторым признакам памятники Молдавии, особенно VII—VI вв. до н. э., близки к памятникам лесостепной правобережной Украины. Однако в более позднее время яснее выступают черты, сближающие их с памятниками, принадлежавшими исторически засвидетельствованным фракийским племенам, жившим к югу и юго-западу от изучаемой территории. Это особенно четко прослеживается на керамике. С культурой фракийского круга сближают памятники Молдавии обряд погребений, приемы домостроительства, существование каменных кладок, построенных для укрепления поселений IV—III вв. до н. э. (городища Бутученское и М. Сахарна). Возможно, что не только по культуре, но и по своей этнической принадлежности население раннего железного века, жившее на территории современной Молдавии, было близким или родственным древним фракийцам.

В дальнейшем одной из первостепенных задач будет выяснение генезиса культуры скифского периода, а также ее судеб в первом тысячелетии нашей эры. Кроме того, необходимо определить, в каких взаимоотношениях находилось местное население с собственно скифским миром и с теми племенами, в которых в настоящее время видят предков древних славян.

О. Н. МЕЛЬНИКОВСКАЯ

(Москва)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ НА ПОСЕЛЕНИИ У С. ЦАХНАУЦЫ

Среди обнаруженных за последние годы в Молдавии археологических памятников большой интерес представляет поселение у села Цахнауцы Резинского района, открытое разведочным отрядом Славяно-Днестровской экспедиции ИИМК АН СССР в 1951 г.¹

Поселение расположено в 1,5 км на северо-восток от с. Цахнауцы. Оно занимает часть низкого, с отлогими склонами мыса, образованного с юга основным руслом большого оврага Рипа Мафтея, а с севера одним из отрогов этого же оврага² (рис. 32). Площадь поселения подвергается многолетней распашке. Почти по всему мысу встречается в небольшом количестве трипольская керамика. Культурный слой более позднего времени занимает южную половину мыса площадью в 2500—3000 м². На поверхности пашни здесь прослеживаются отдельные золистые пятна округлых очертаний с большим содержанием кусков глиняной обмазки с отпечатками прутьев, мелких обломков пережженной глины, обломков пережженной керамики. Три таких золистых пятна обнаружены у подножья южного склона мыса и одно на его гребне. Посадки табака на площади поселения не позволили уточнить расположение всех золистых пятен.

Разведкой собран обширный подъемный материал. Он представлен обломками сосудов разнообразных форм и орнаментации, многочисленными глиняными изделиями (статуэтками двух типов, фигурками животных, штампами для орнаментации сосудов, льячками и тигельками, пряслицами и т. д.), поделками из железа, бронзы, кости и кремня.

Очень интересны плоские антропоморфные глиняные статуэттки небольших размеров, крайне схематизированные по форме (рис. 33 — 1, 2). Они имеют подпрямоугольную нижнюю часть, сужающуюся кверху. Верхний конец (если он сохранился) слегка наклонен вперед, являясь своеобразной трактовкой головы. При помощи орнамента вырезанными линиями и наколами изображены руки, волосы, детали одежды и украшения. По бокам сделаны выступы, иногда с отверстиями для подвешивания. Среди найденного две целых статуэттки и пять фрагментов, относящихся к различным частям фигурок (рис. 33 — 3-7).

¹ См. Отчет разведочного отряда Славяно-Днестровской экспедиции за 1951 г. (Архив ИИМК АН СССР).

² Примерно в 100 м на юг от мыса, в лесу, находится городище. Разведкой 1951 г. культурный слой на городище не обнаружен.

На поселении произведены небольшие разведочные раскопки для уточнения характера и степени сохранности культурного слоя и выяснения связи плоских антропоморфных фигурок с остальным вещественным материалом с памятника. Раскоп (10 × 4 м), заложенный на южном склоне мыса, на месте скопления золы с кусками обмазки и шлакированной керамикой, дал остатки разрушенной распашкой наземной постройки, может быть жилища. Регулярных следов сооружения проследить не удалось. Вскрыты также три хозяйственные ямы с расширяющимися книзу стенками. Четко выраженного трипольского слоя не встречено.

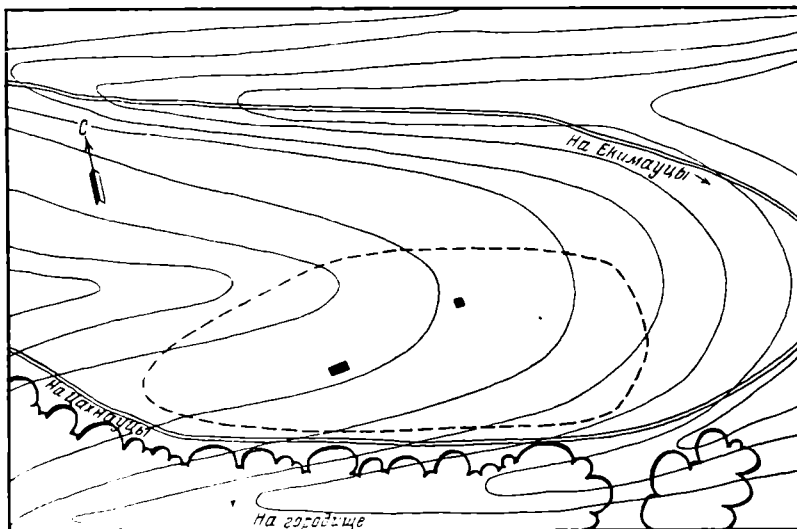

Рис. 32. Схематический план поселения у с. Цахнауцы.

В другом заложенном на гребне мыса шурфе (4 × 4 м) обнаружены следы трипольской площадки, слегка задетой при вспашке. Нижний горизонт культурного слоя на южном склоне мыса распашкой не потревожен.

В итоге разведочных работ выяснено, что время существования поселения можно разделить на три периода. Каждому из них соответствует определенная группа материала.

1. Трипольский период характеризуется остатками глинобитных жилищ и керамикой с углубленным и расписным трехцветным орнаментом.

2. К предскифскому периоду, датируемому началом I тысячелетия до н. э., могут быть отнесены ранние комплексы материала из ям, в том числе часть рогового псаля с отверстиями, сделанными двухсторонним сверлением (рис. 34—3), лощеный черпачок с высокой петельчатой ручкой (рис. 35—1) и ряд фрагментов сосудов, обнаруженных на поверхности и в нижнем горизонте культурного слоя, а именно: фрагменты сосудов с оттянутым валиком у перехода к тулову, с налепным валиком, расчлененным пальцевыми вдавлениями (причем концы валика либо параллельны друг другу, либо расходятся в разные стороны или спускаются вниз), фрагменты с резным орнаментом, лощеные черпачки с высокой петельчатой ручкой, лощеные обломки с орнаментом зубчатым штампом и т. д. (рис. 34—4-7; рис. 35—1-5).

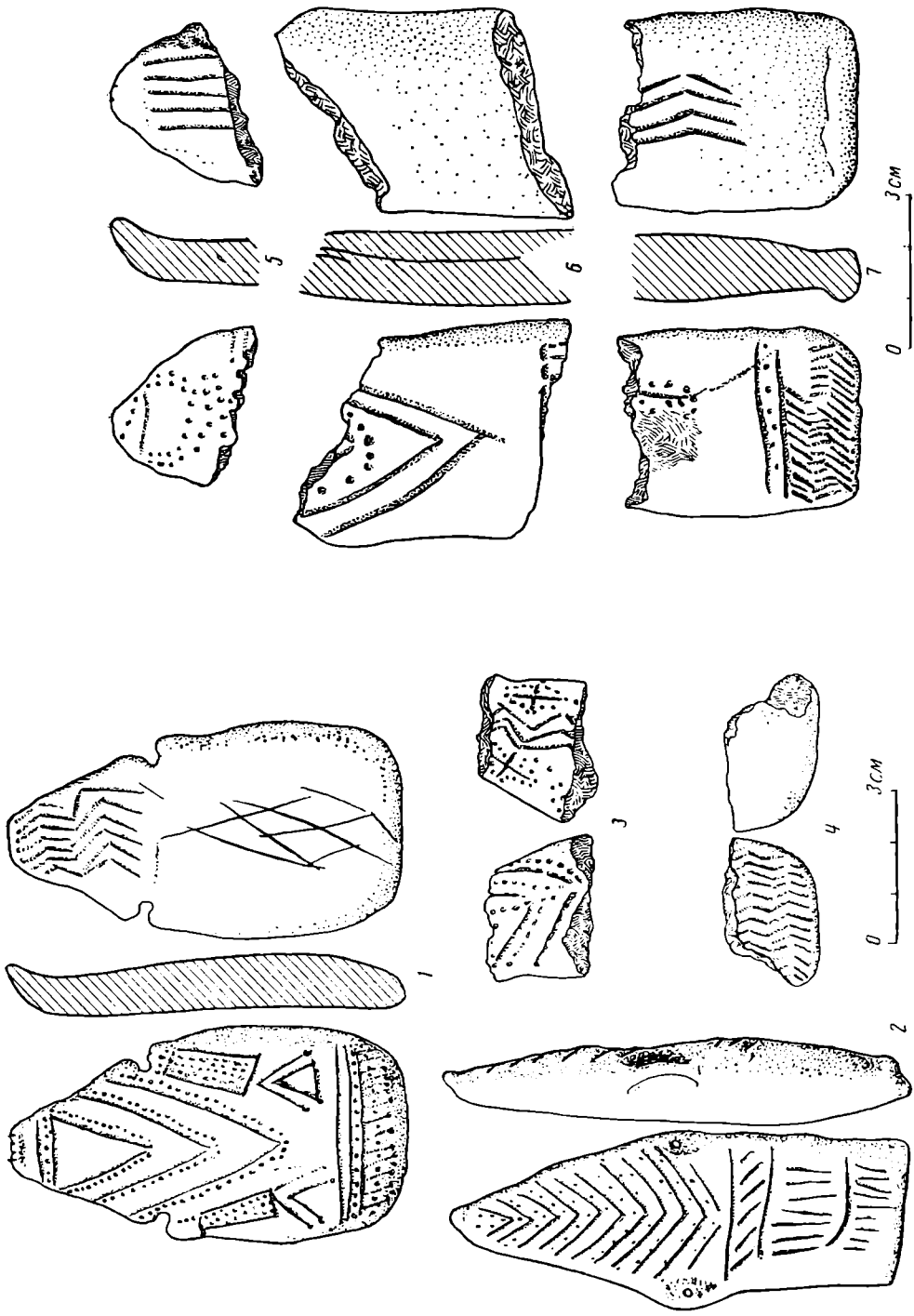

Рис. 33. Глиняные антропоморфные фигурки с Цахнауцкого поселения:
 1, 2 — целые фигурки; 3-7 — фрагменты фигурок.

Предварительно можно к этому же времени отнести и плоские антропоморфные статуэтки, по ряду признаков сближающиеся с материалом слоя (примеси в тесте, орнаментация, техника изготовления). Как будто бы на это указывает и некоторая близость статуэток в трактовке фигуры и деталей со статуями киммерийского времени. Однако уникальность находок, которым нет достаточно близких аналогий ни в памятниках на территории СССР, ни на Западе, не позволяет пока

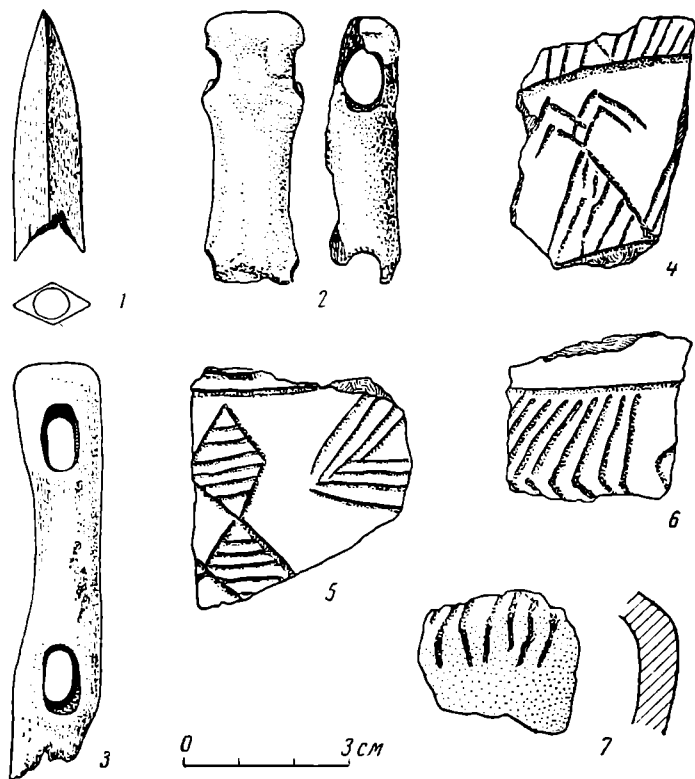

Рис. 34. Цахнауцкое поселение. Находки, относящиеся к предскифскому периоду:

1-3 — предметы из кости; 4-7 — фрагменты сосудов.

сделать более определенные выводы. Хронологическая близость цахнауцких фигурок бутмирским, например, статуэткам представляется менее вероятной¹.

Аналогии материалам из предскифского слоя Цахнауцкого поселения в Молдавии дает поселение у с. Царевка, где с подобными же материалами (керамика, роговой псалий с отверстиями, сделанными двойным сверлением, костяной наконечник стрелы) встречен топор, близкий топорам из Бессарабского клада. На Царевском поселении, площадь которого ко времени обследования оказалась перепаханной, прекрасно были видны невысокие зольные бугры округлых очертаний, с которых преимущественно и был собран подъемный материал. Возможно, к этому времени относятся и цахнауцкие зольные пятна со скоплениями культурных остатков.

¹ Hoernes-Menghin. Urgeschichte der Bildenden Kunst in Europa. Wien, 1925.

Что касается более широких аналогий материалам предскифского времени на Цахнауцком селище, то их можно найти в памятниках бело-грудовского и чернолесского этапов лесостепной полосы Украины¹.

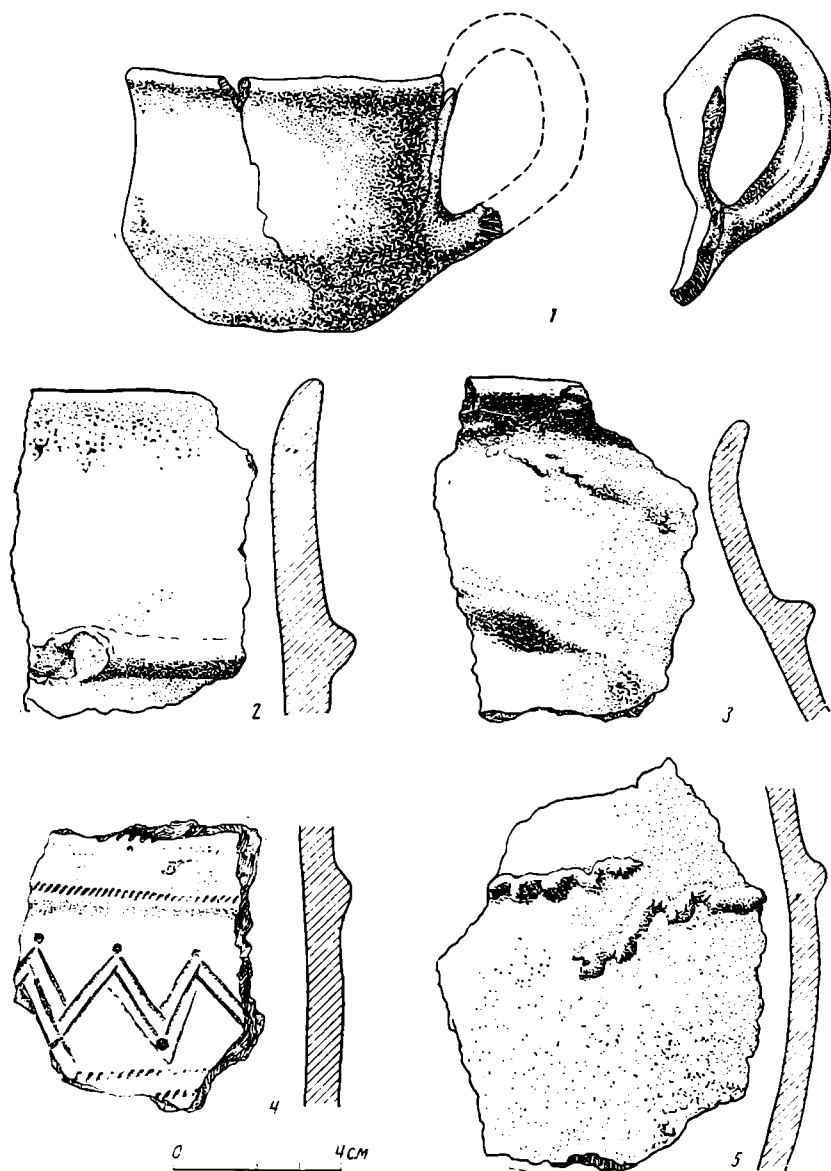

Рис. 35. Цахнауцкое поселение. Черпачок (1) и фрагменты сосудов, относящихся к предскифскому периоду (2—5).

3. Раннескифский период представлен в материале большим количеством обломков стенок баночных горшков с валиками, сосудами

¹ А. И. Тереножкин. Поселения и городища в бассейне р. Тясмин. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 80—98. О. І. Тереножкин. Поселення білогрудівського типу біля Умані. Археологія, т. V, 1951, стр. 173—182. О. І. Тереножкин. Розвідки і розкопки 1949 р в північній частині Кіровоградської області, Археологія, т. VII, 1952, стр. 110—135; Е. Ф. Покровська. Поселення VIII—VI ст. ст. до н. е. на Тясмині. Археологія, т. VII, 1952, стр. 43—65.

с резным и штампованным орнаментом по лощеной и нелощеной поверхности (иногда со следами инкрустации пастой), черпачками с выступами на перегибе ручки, мисками со скошенным внутрь венчиком, фигурками животных, некоторыми бронзовыми и железными поделками и т. д. Сюда же, повидимому, должна быть отнесена найденная на

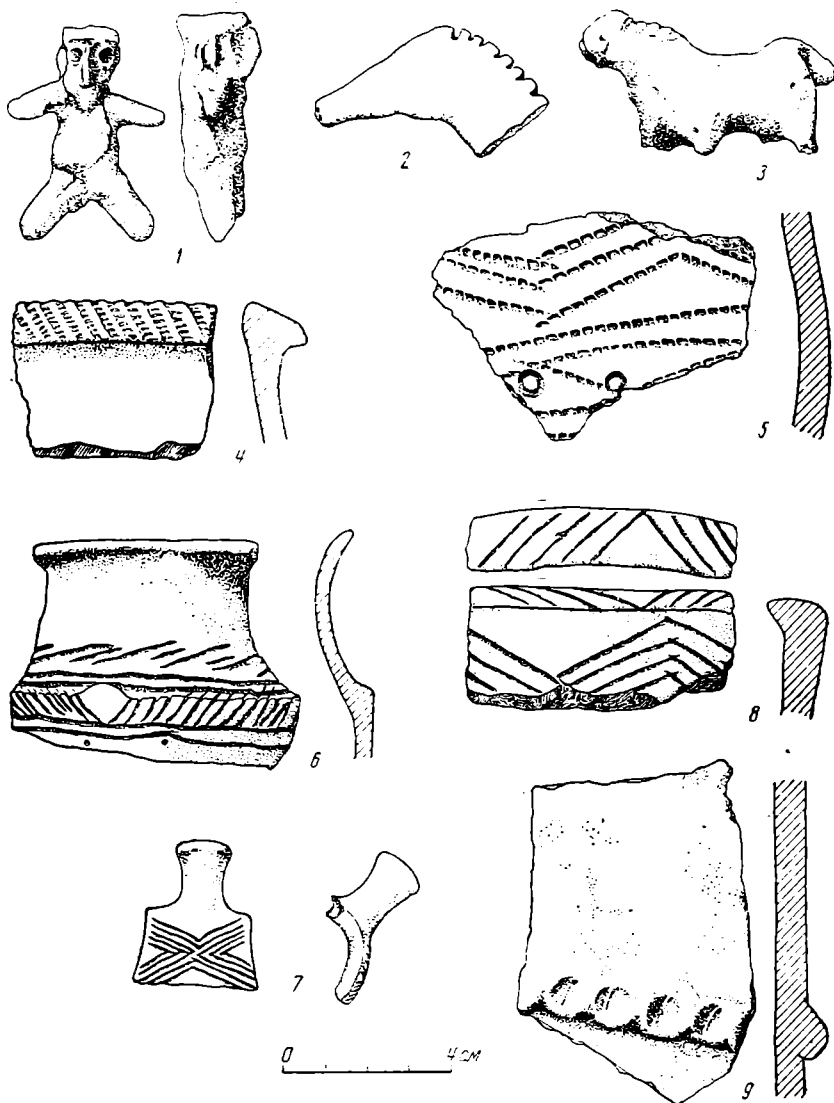

Рис. 36. Цахнауцкое поселение. Находки, относящиеся к скифскому периоду:

1 — глиняная мужская фигурка; 2 — глиняный штампик в виде головы лошади; 3 — глиняная фигурка лошади; 4—9 — фрагменты сосудов.

поверхности глиняная статуэтка, выполненная совсем в иной манере, чем остальные антропоморфные изображения (рис. 36—1). Это грубо вылепленная из глины мужская фигурка с четко выделенной головой и раскинутыми в стороны руками и ногами; голова — уплощенная сверху, нос высокий; углубления глаз, уши и острая бородка сделаны при помощи защипов.

Аналогии материалам раннескифского времени Цахнауцкого поселения встречаются на многих памятниках на территории Молдавии, например сахарнянский комплекс¹ и раннескифские памятники лесостепи.

Следует отметить тесную связь между вторым и третьим слоями на поселении, пока не разграничивающимися стратиграфически и близкими по материалу. Возможно, поселение существовало здесь непрерывно в течение всей первой половины I тысячелетия до н. э.

Ценность Цахнауцкого поселения в значительной степени обусловливается находением на нем плоских глиняных статуэток. Обнаружение этих находок *in situ*, точнее, установление связи их с определенным слоем на поселении, их культурно-историческое определение — главная задача при исследовании памятника.

¹ Г. Д. Смирнов. Скифское городище и селище „Большая Сахарна“. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 93—97.

Т. С. ПАССЕК

(Москва)

ИТОГИ РАБОТ В МОЛДАВИИ В ОБЛАСТИ ПЕРВОБЫТНОЙ
АРХЕОЛОГИИ

Археологические исследования на территории Молдавии до последних лет были случайными и ограничивались сбором подъемного материала. Специальных работ в области первобытной археологии, кроме раскопок памятников трипольской культуры, проведенных в начале XX в. в Петренах, в районе г. Бельцы, известно немного¹.

С 1918 по 1940 г., за период временной оккупации Бессарабии Румынией, археологические исследования на ее территории носили случайный характер².

Что касается археологических памятников эпохи бронзы и скифского времени, то они не только не изучались, но оставались долгое время совершенно неизвестными в Молдавии, и территория между Днестром и Прутом в значительной степени считалась „белым пятном“ на археологической карте СССР.

В послевоенные годы намечается постепенное увеличение археологических работ в Молдавии. В 1945 г. Г. П. Сергеевым велось изучение стоянки в с. Выхватинцы, где были найдены кремневые орудия палеолитического времени³. В 1947 г. разведки палеолитических памятников в Молдавии проводили М. В. Воеводский и А. П. Черныш⁴; в те же годы Трипольская экспедиция, под моим руководством, начала изучение трипольских поселений в Северной и Центральной Молдавии⁵; Т. Г. Оболдуева раскапывала курган бронзовой эпохи на р. Когильник; Г. Д. Смирнов осуществлял большие раскопки городищ и селищ скифского времени у с. Сахарна⁶. С 1950 г. на территории Молдавии работает Молдавская экспедиция, организованная Институтом истории материальной культуры АН СССР и Молдавским филиалом АН СССР,

¹ Э. Р. Штерн. Доисторическая греческая культура на юге России. Тр. XIII АС, т. I, 1907.

² Dr. Česlav Ambrojevici. L'époque néolithique de la Bessarabie du Nord Ouest. Dacia, t. III—IV, 1927—1932, Bucarest, 1933.

³ Г. П. Сергеев. Позднеашельская стоянка в гроте у с. Выхватинцы (Молдавия). СА, т. XII, 1950, стр. 203—212.

⁴ А. П. Черныш. Новые палеолитические местонахождения на территории Молдавской ССР. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 15—21.

⁵ Т. С. Пассек. Археологические разведки в Молдавии. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 57—68.

⁶ Г. Д. Смирнов. Скифское городище и селище „Большая Сахарна“, КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 93—96.

положившая начало планомерным археологическим исследованиям памятников первобытного общества и памятников славянского времени и позднего средневековья¹.

В 1952 г. работа отрядов первобытной археологии в основном протекала в лесостепной части Молдавии в Резинском и Рыбницком районах, по обоим берегам Днестра, начиная от г. Каменки вниз по течению до г. Дубоссары.

Наряду с обследованиями палеолитических стоянок, городищ и селищ скифского времени, основным заданием Молдавской экспедиции явилось продолжение изучения поселений и могильников энеолитического периода, принадлежащих древним племенам — носителям так называемой трипольской культуры².

Большие раскопки, проведенные за последние годы в Среднем Поднестровье, севернее Молдавии, в Черновицкой и Хмельницкой областях УССР на таких поселениях, как Лука-Врублевцевская³, Берново-Лука⁴, Ленковцы⁵, Поливанов-Яр⁶, Мерешовка и др., показали чрезвычайное богатство и разнообразие памятников материальной культуры в эпоху III—II тысячелетия до н. э. в бассейне Днестра. Вместе с тем эти материалы являются новыми ценными источниками для решения основных проблем по истории племен эпохи энеолита и раннего металла на Днестре.

В 1952 г. на территории Молдавии экспедицией обнаружено свыше 50 родовых трипольских поселений всех трех периодов развития трипольской культуры, располагавшихся на первой и второй надпойменных террасах Днестра и на возвышенном берегу (на плато). Помимо обследований вновь открытых поселений, на некоторых из них экспедиция произвела сравнительно небольшие раскопки, как, например, на поселении у с. Солончени Резинского района МССР. Оно было обнаружено Трипольской экспедицией еще в 1947 г.⁷ Собранный в процессе разведок 1952 г. материал показал, что около с. Солончени находились еще два разновременных трипольских поселения, одно на возвышенности у самого села (Солончени II), датируемое средним периодом Триполья, и другое в 2 км выше по Днестру (Солончени I) на самом берегу, относящееся к раннему Триполью. Среди находок в Солончени I заслуживает внимания небольшой медный рыболовный крючок (рис. 37—2).

Ко времени среднего периода Триполья относится и изучавшееся трипольское поселение у с. Екимауцы, расположенное в том месте,

¹ См. Тезисы докладов на сессии, посвященной истории материальной культуры на территории Молдавии. М.—Кишинев, 1953.

² См. статьи в настоящем выпуске: А. П. Черныш. Исследование палеолита на Днестре; С. Н. Бибииков. Археологические раскопки у с. Попенки и с. Журы на Днестре; А. И. Мелюкова. Результаты раскопок 1952 г. на двух поселениях скифского времени в Молдавии.

³ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевцевская на Днестре. МИА, № 38, 1953.

⁴ Т. С. Пассек. Археологическое изучение трипольских поселений на Днестре. Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР, Киев, 1953, стр. 229—245.

⁵ Е. К. Черныш. Раннетрипольское поселение у с. Ленковцы. КСИИМК, вып. XLVII, 1952, стр. 41—51.

⁶ Т. С. Пассек. Трипольские поселения на Днестре. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 40—56; е е же. Трипольское поселение Поливанов-Яр. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 41—63; е е же. Итоги работы Трипольской (Днестровской) экспедиции в 1950 г. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 3—18.

⁷ Т. С. Пассек. Археологические разведки в Молдавии. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 64, рис. 24.

где позднее возникло славянское городище XI—XII вв.¹ Здесь было раскопано глинобитное жилище со значительным количеством находок — зернотерок, фрагментов статуэток и сосудов с углубленным орнаментом и с росписью в три краски. В процессе раскопок городища ниже культурного слоя славянского времени среди находок, относящихся к трипольской культуре, обнаружен кованый нож из меди (рис. 37—1). Подобной бритвообразной формы медные ножи с небольшим отверстием для прикрепления к рукоятке были найдены в верхнем слое Кукутени В, на поселениях в Кашиорелли в Румынии² и в Бильче-Злоте.

Находки медных изделий в периоды раннего и среднего Триполья, сделанные на территории Молдавии в 1952 г., например медный рыболовный крючок в пос. Солончени I, медный нож на поселении у с. Екимауды, а также прежние находки медных изделий на Среднем Днестре (поселения Берново-Лука, Поливанов-Яр, Лука-Врублевецкая), изготовлявшихся в этот период из самородной меди холодной ковкой, свидетельствуют о широком межплеменном обмене в III тысячелетии до н. э. у трипольских племен Поднепровья с племенами, жившими в районах Прикарпатья, где были месторождения такой меди.

Наряду с изучением раннего и среднего периодов развития трипольской культуры в Молдавии, экспедиция произвела разведки и небольшие раскопки на позднетрипольских поселениях в сс. Гедерим, Выхватинцы, Сокол, Пояна и др. Здесь, как и на ранее изучавшихся поселениях у сс. Мерешовка, Волчинец в Молдавии и у с. Ломачинцы — ур. Плита, Поливанов-Яр I и др. на Среднем Днестре (Черновицкая обл.), обнаружены жилища с керамикой позднетрипольского периода — сосуды усатовского типа с черной и красной росписью и сосуды с веревочным орнаментом.

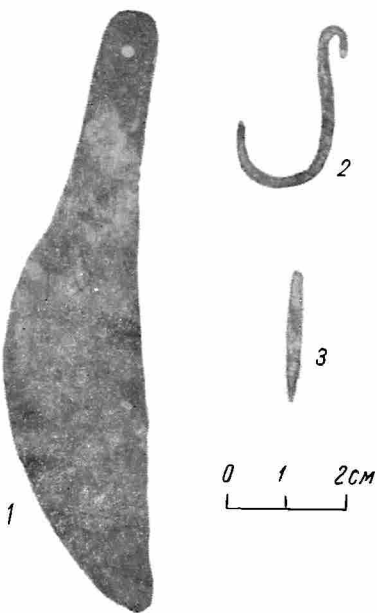

Рис. 37. Предметы из меди: 1 — нож из поселения у с. Екимауды; 2 — рыболовный крючок из поселения Солончени I; 3 — шило из погребения № 7 у с. Выхватинцы.

Все эти материалы указывают, что в конце III и начале II тысячелетия до н. э. трипольские племена, продвигаясь на север и северо-восток, продолжали вместе с тем жить по всему течению Днестра, а не только в степной полосе Причерноморья. Изучение трипольских поселений позднего периода на Днестре, Южном Буге и Днестре позволяет четко наметить несколько локальных и, вероятно, племенных групп позднего Триполья; каждая из них имеет ряд общих черт и вместе с тем отличается друг от друга большим своеобразием. Очередная задача заключается теперь в том, чтобы определить эти складывающиеся к началу II тысячелетия своеобразие материальной культуры позднетрипольских племен.

Очень важно, что это своеобразие известно не только по богатым материалам из родовых поселений, но и по материалам погребальных памятников. В связи с этим особого внимания заслуживают начатые

¹ Т. С. Пассек., Археологические разведки в Молдавии. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 61, рис. 22.

² Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, рис. 100—15, 16.

в 1952 г. раскопки на месте поздне трипольского могильника на Днестре, у с. Выхватинцы Рыбницкого района. Вопрос о погребальном обряде у трипольских племен — один из наименее освещенных. Наряду с достаточно полно изученными родовыми поселениями, почти совершенно неизвестными оставались памятники погребальные — курганы или бескурганные могильники эпохи III—начала II тысячелетия до н. э. За последние годы на Среднем Днестре стали известны три могильника поздне трипольских племен у сел. Софиевки, Красный Хутор и Чернин, причем характерная особенность этих могильников — обряд трупосожжения¹. Еще раньше на юге, в Причерноморье, Е. Ф. Лаговойской были раскопаны поздне трипольские (курганные и бескурганный) могильники у с. Усатово, близ Одессы. Погребения в курганах того же времени известны по старым раскопкам на Нижнем Днестре, на Ингуле и на Южном Буге².

Данные, на основе которых можно было характеризовать обряд погребения в эпоху Триполья, крайне немногочисленны и неполны. Все попытки отыскания трипольских погребений оставались до последнего времени, несмотря на большие разведочные и раскопочные работы, безрезультатными. Вот почему случайно открытый во время Великой Отечественной войны поздне трипольский могильник у с. Выхватинцы не мог не привлечь внимания М. В. Воеводского, проводившего в 1947 г. разведки палеолитических памятников в Молдавии. Тогда же М. В. Воеводскими и А. Е. Алиховой на месте первых находок было заложено несколько шурфов и вскрыты три скорченных погребения с поздне трипольским инвентарем³. В 1951 г. на месте Выхватинского могильника сотрудниками Славяно-Днестровской экспедиции ИИМК АН СССР и Молдавского филиала АН СССР И. Г. Розенфельдт было заложено также несколько шурфов; в одном из них обнаружено два скорченных погребения с аналогичным поздне трипольским инвентарем⁴.

Эти предварительные разведки на месте Выхватинского могильника со всей четкостью показали, что здесь открыт ценнейший погребальный памятник периода позднего Триполья. Вместе с тем стало очевидным, что заложенные на месте могильника шурфы, попавшие на остатки древних погребений, не дают возможности в сколько-нибудь полном виде представить обряд погребения изучаемой эпохи. На месте открытого могильника следовало перейти к систематическим раскопкам, чтобы получить полное представление о погребальном обряде трипольских племен на Днестре на позднем этапе их развития и добыть антропологический материал для решения вопроса о древнем типе населения. Начало работ и было положено раскопками Молдавской экспедиции в 1952 г.⁵ Могильник расположен в селе Выхватинцы, по северо-западной окраине его, на высоком левом берегу, над самым Днестром, на правой стороне большого оврага Вермитка. Высота берега здесь

¹ Ю. М. Захарук. Софіївський тілопальний могильник. Археологічні пам'ятки. Т. IV, Київ, 1952, стр. 112—120; Ю. М. Захарук. Софіївський могильник (новый источник к изучению эпохи меди—бронзы в Поднепровье). Автореферат кандидатской диссертации. Львов, 1952.

² См. литературу: Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 199—215.

³ А. Е. Алихова. Выхватинский могильник. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 69—75.

⁴ И. Г. Розенфельдт. Выхватинский могильник по раскопкам 1951 года. См. статью в настоящем выпуске.

⁵ Раскопки Выхватинского могильника в 1952 г. проводились под моим руководством при участии Е. К. Черныш и студентов Московского и Львовского университетов.

35 м над уровнем реки; на расстоянии 0,5 км проходит овраг Рипа Мафтея, где находится известная в археологии Выхватинская палеолитическая стоянка¹. Сосредоточив работы на могильнике в одном месте, экспедиция вскрыла площадь в 400 м², причем места погребений, раскопанных М. В. Воеводским и А. Е. Алиховой в 1947 г. и И. Г. Розенфельдт в 1951 г., попали примерно в середину раскопа 1952 г. (рис. 38). Вскрытие могильника большой площадью с оставлением поперечных и продольных перемычек (через 2 и 4 м) позволили экспедиции уточнить многие характерные черты обряда погребения. Выяснено, что Выхватинский могильник являлся бескурганым, занимавшим значительную площадь на запад и восток вдоль берега и на юг и юго-восток, заходя за границы садов и строений современного села Выхватинцы; через могильник в настоящее время проходит дорога из села с востока на запад к берегу Днестра.

На поверхности, на месте могильника, не сохранилось никаких обозначений — ни остатков камней, ни земляных насыпей. Частично могильник оказался разрушенным современными ямами, в которых были сделаны первые находки костей человека и обнаружены глиняные сосуды.

В процессе раскопок, по мере снятия чернозема, на глубине 0,55 м — 0,95 м, на части исследуемой площади появились искусственно выложенные плитчатые камни из местного известняка. Эти плиты большого размера (0,4 × 0,5 × 0,1 м; 0,2 × 0,6 × 0,1 м и др.) или стояли несколько наклонно одна подле другой на ребре, образуя полуовал над могилой, или же горизонтально лежали плотно одна подле другой, образуя сплошную выкладку (или накидку).

Видимо, в древности искусственно уложенными плитами отмечались места совершенных погребений. Как известно, курганы позднетрипольского могильника в Усатове были окружены кромlexами из каменных известняковых плит.

В Выхватинском бескурганном могильнике из 14 вскрытых в 1952 г. погребений лишь над шестью обнаружены каменные плиты (№ 6, 6а, 7, 8, 9, 12). В отчетах о раскопках у М. В. Воеводского (1947 г.) и у И. Г. Розенфельдт (1951 г.) отмечались лишь отдельные известняковые плиты. Расположение каменных обкладок в раскопе 1952 г. указывает на то, что они окружали некоторые могилы так, как это особенно четко видно над погребением № 8, где отдельные плиты (выше погребения) вплотную окружали могилу. Погребение № 7 полностью было включено в каменную обкладку. Под камнями находилось погребение № 12, место могилы № 9 было окружено камнями. Оба детских погребения № 6 и 14 (6-а) оказались полностью под каменной накидкой из камней в несколько рядов. Вместе с тем над другими погребениями (№ 1—5, 10, 11, 13) камней не обнаружено. Единичные камни встречены в могилах около черепа. Подстилающим материковым слоем на месте Выхватинского могильника повсюду является кремневый галечник, залегающий примерно на глубине 2,0—2,2 м. Выше лежат желтоватые, а затем коричневатые суглинки. Толща их примерно 1,4 м. Над ними выше — чернозем толщиной до 0,8 м. Каменные обкладки, таким образом, в основном залегали на глубине 0,55—0,95 м, на границе чернозема и суглинков. После снятия верхнего черноземного слоя и разборки камней проследить могильные пятна в однородных по структуре коричневатых и желтоватых суглинках оказалось не во всех случаях возможным. Послойное снятие, однако, в некоторых случаях

¹ Г. П. Сергеев. Позднеашельская стоянка в гроте у с. Выхватинцы (Молдавия). СА, т. XII, 1950, стр. 203—212.

давало возможность наблюдать более мягкую структуру суглинков на месте могильной ямы. Раскопки показали, что все могилы были вырыты в мягких суглинках (не доходя до кремневого галечника) на значительной глубине (1,5—2,0 м от поверхности) и лишь погребения № 1, 2 и 4 обнаружены на меньшей глубине (1,15—1,40 м).

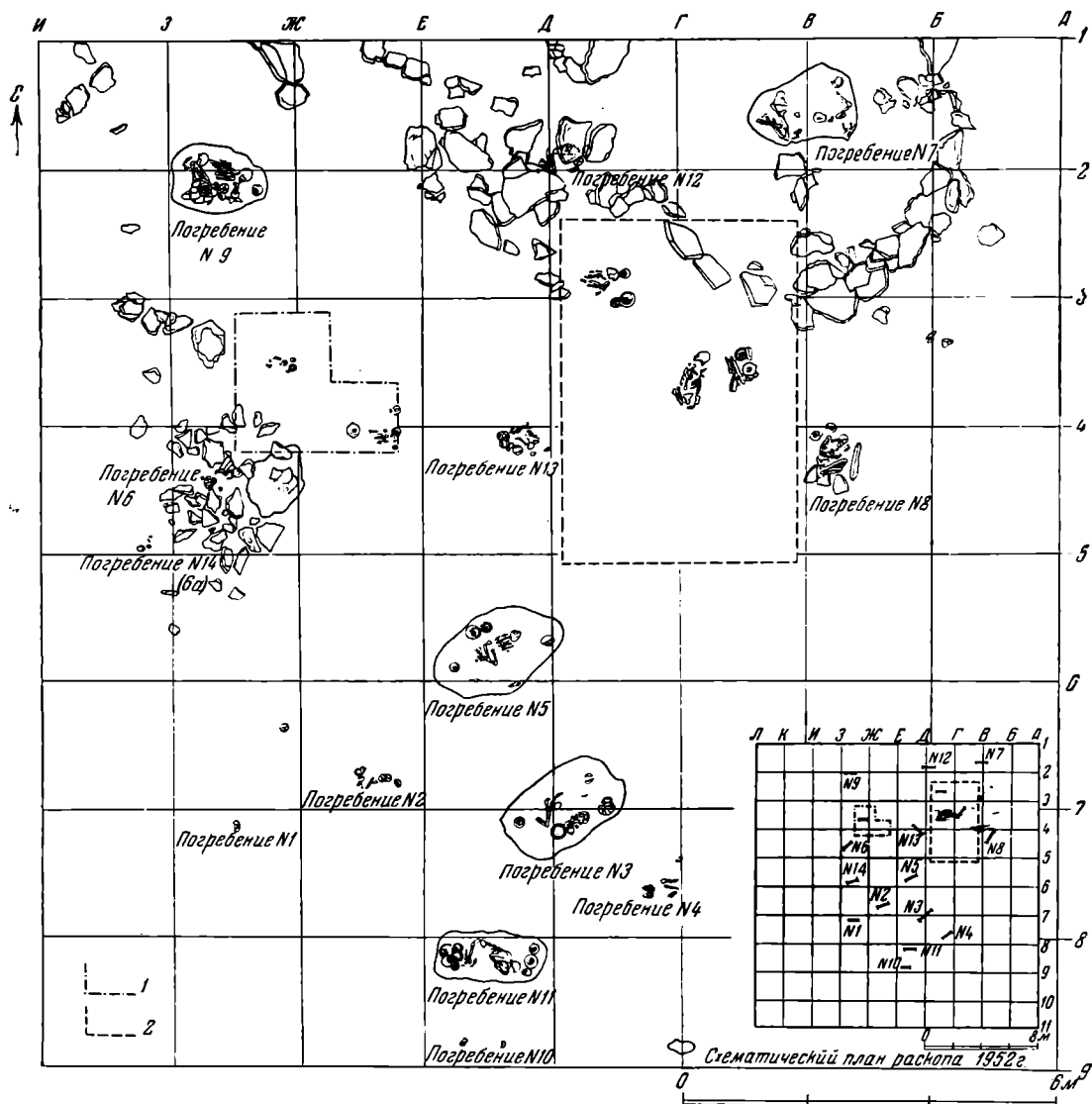

Рис. 38. Сводный план могильника у с. Выкватинцы:

1 — границы раскопа 1947 г.; 2 — границы раскопа 1951 г.

Контуры могильных ям уловлены лишь в пяти погребениях и то, к сожалению, уже почти совсем на уровне дна (№ 3, 5, 7, 9, 11). Могильные ямы оказались большими, неровных очертаний (приближающихся к прямоугольным), с округлыми углами, размером 1,1—1,3 × 1,6—1,9 м.

Из 14 раскопанных в 1952 г. погребений девять принадлежали взрослым (мужчины и женщины) и пять погребений детских.

Все костяки оказались лежащими на левом боку в скорченном положении, ноги согнуты в коленях, обе руки подняты к лицу. Ориентированы погребения головой на северо-восток (8) и на восток (3). Изредка

на костях сохранились следы охры (№ 9, 11, 12). В могилы вокруг погребенных ставили значительное, но различное число сосудов; в одних было два сосуда [№ 14 (ба)], в других от 3 до 11 (№ 11). Всего в 14 погребениях обнаружено 62 сосуда, из них 47 с росписью и 15 с оттисками веревочек; однако последние (с оттисками веревочек) были не во всех могилах, а лишь в восьми, иногда по одному, реже по два и лишь в одном случае их было пять. Обычно оба типа сосудов находились или у изголовья, или в ногах, или перед лицом погребенного, реже за его спиной. Во всех 14 погребениях, как правило, среди других сосудов обязательно были одна или две расписные чаши.

Керамику Выхватинского могильника можно разделить на две группы: первая представлена тонкостенными с черной росписью сосудами из розовой глиняной массы. Роспись нанесена обычно неширокими лентами; каждая из них состоит из двух полос, пространство между которыми иногда заполнено красной краской, или же внутри лента пересечена двумя узкими полосками. Часто такая лента окаймлена волнистой узкой полоской. У краев сосудов сплошь закрашенные зубчики. Обычно пояс росписи на сосудах (и на чашах с наружной стороны) делится на метопы, которые пересечены косою сеткой; роспись между метопами состоит обычно из полуovalов, сходящихся под углом лент и образующих вместе одну из систем распадающейся спирали, столь характерной для спиральной орнаментации позднетрипольской керамики. Внутри на чашах роспись состоит из полуovalов и крестообразно пересеченных лент — сюжет, чрезвычайно распространенный среди орнаментов позднего Триполья.

Характерна для позднего Триполья и форма шаровидных с бугорками-ручками сосудов с коническим высоким горлом, конических крышек с парой бугорков-ручек, глубоких чаш с округлыми, слегка загибающимися краями. Все эти сосуды типичны для позднего Триполья и известны и в Усатове, и в Городске, и из погребений в курганах около Слободки, Белозерки на Нижнем Днестре, в Парканах, у Суклеи, Терновки, Красногорки на Нижнем Днестре¹.

Вторая группа керамики представлена тонкостенными нерасписными сосудами, вылепленными из массы с примесью мелкотолченой раковины; обжиг довольно слабый; орнамент состоит из оттисков тонкой, наискось перевитой веревочки, в один, два или три ряда опоясывающих сосуд у основания горла. На плечиках обычно небольшие конические бугорки. На днище одного из сосудов наблюдаются отпечатки тканей, подкладывавшихся в процессе лепки под дно, чтобы легче было снять сформованный сосуд с плоского основания, на котором он лепился.

В период позднего Триполья в поселениях и в погребениях значительно увеличивается число сосудов, украшенных оттисками веревочки, и глиняных пряслиц, свидетельствующих о развитии ткачества. Так, в двух погребениях Выхватинского могильника (№ 5 и 8) были положены глиняные конусовидные пряслица. Следует, однако, заметить, что из 14 погребений другой инвентарь, кроме сосудов, встречен лишь в 9 погребениях, на описании которых и останавлиюсь ниже.

Погребение № 11. Мужской костяк, лежал на левом боку, в скорченном положении с согнутыми в коленях ногами, головой на восток; руки подняты перед лицом (рис. 39 — III). На костях ног сохранились следы красной охры. У головы лежал небольшой известняковый

¹ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, рис. 97—100.

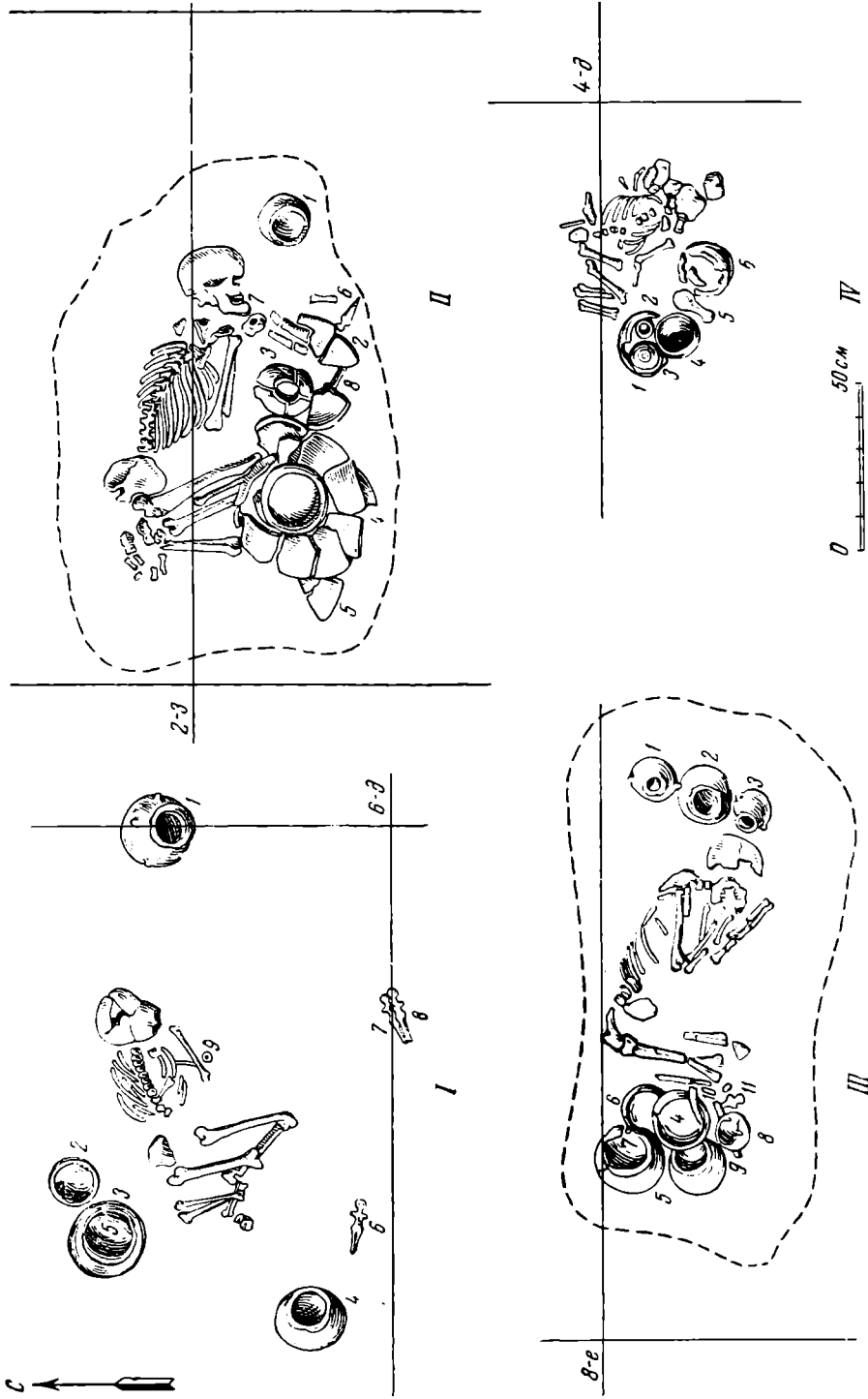

Рис. 39. Планы погребений могильника у с. Выхватинцы:

I — погребение № 5 (1-5 — сосуды; 6-8 — глиняные статуэтки; 9 — пряслице); II — погребение № 9 (1-5 — сосуды; 6 — костяная статуэтка; 7 — каменный топор; 8 — кремневая пластинка); III — погребение № 11 (1-8 — сосуды; 9 — костяное лощило; 10 — кабаньи клыки; 11 — глиняная статуэтка); IV — погребение № 13 (1-4, 6 — сосуды; 5 — погребушка).

плоский камень (30×20 см) и стояло три расписных сосуда средних размеров; два из них с нешироким горлом, округлым туловом и двумя сильно развитыми ручками. Роспись на одном из сосудов плохо сохранилась, на другом целиком покрывает все тулово и состоит из двух горизонтальных поясков. В верхнем поясе: узор из лент и волнообразных полосок, вертикально пересекающих пояс росписи и обра-

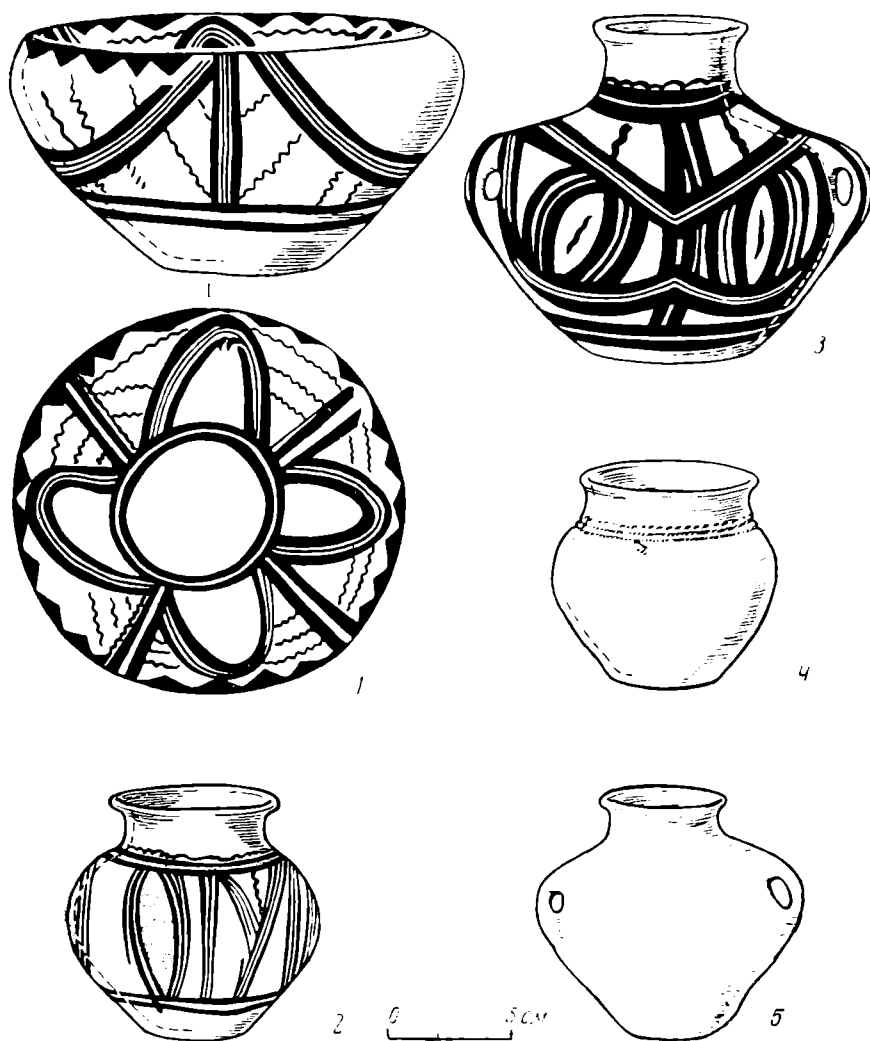

Рис. 40. Керамика из погребения № 11 у с. Выхватинцы.

зующих метопы; в нижнем подобные ленты чередуются с овалами, внутри которых волнообразные полоски (рис. 40—3). Третий сосуд (без ручек) с округлым туловом и сильно отогнутыми краями. В широком поясе росписи заключены вертикально делящие его метопы и сходящиеся под углом ленты. Центры овалов окрашены красной краской (рис. 40—2). Ленты росписи состоят из трех или из двух полос. Пространство между ними также закрашено красным. Ленты часто окаймлены волнообразной полоской.

В ногах, или, правильнее сказать, на костях ног, один над другим было установлено семь сосудов, из них пять с росписью и два орна-

ментированные оттисками веревочки. Среди первых пяти — три глубокие чаши, довольно больших размеров (рис. 40—7). Роспись на чашах нанесена и снаруж и внутри. Снаружи пояс росписи разделен отрезками лент на метопы, в свободных пространствах свисают фестоны в виде полуovalов. Роспись внутри сохранилась слабо. По краю сплошь заштрихованные зубчики, через центр проходят крестообразно пересекающиеся ленты, в промежутках между ними — полуovalы со свисающими полосками. Здесь же находился округлый сосуд со следами росписи и два сосуда из массы с примесью мелко толченых раковин. У одного орнамента у основания края состоит из ряда мелких, нанесенных штампом треугольников и двух рядов оттисков веревочки (рис. 40—4). Другой нерасписной сосуд — чаша с прямыми стенками без орнамента.

Ниже костей колен погребенного обнаружено костяное плоское лощило с небольшим углублением вдоль одной из сторон (на лощиле — следы охры), клык кабана и верхняя часть (фрагмент) женской статуэтки (рис. 41—1-3).

Статуэтка стоячая, с плоским торсом, со слегка приподнятыми плечами. Двумя бугорками обозначена грудь. Голова плоская, с вылепленным щипком сильно выступающим носом. Глаза обозначены в виде отверстий. Вокруг головы мелкие сквозные отверстия, такие же на плечевых и надбедренных выступках.

В мужском погребении № 7 (сильно разрушенном норой крупного зверя) костяк лежал на левом боку, в скорченном положении и был ориентирован головой на северо-восток. Кости сохранились не полностью. Около костей рук обнаружен фрагмент сосуда с оттисками веревочки. На кости (берцовой) правой ноги найдено медное кованое, малых размеров шило, четырехугольное в сечении (рис. 37—3). Погребение связано с обкладкой больших известняковых плит, обнаруженных выше на глубине 0,5—0,7 м. Контуры могильной ямы, неправильной овальной формы, прослежены в желтоватом суглинке лишь у самого дна ямы; размеры ее 1,0×1,45 м.

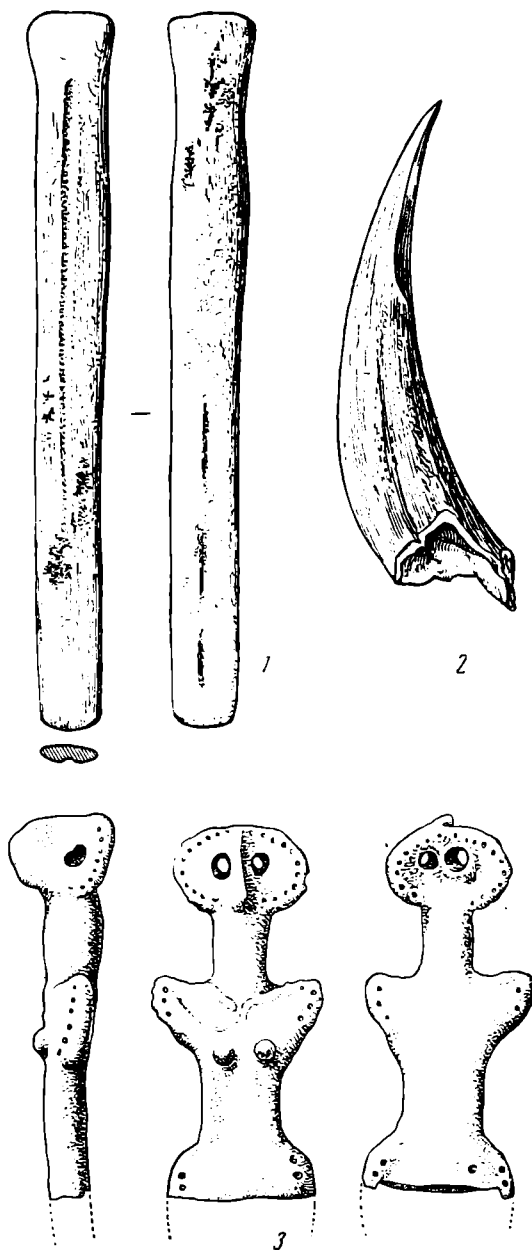

Рис. 41. Инвентарь из погребения № 11 у с. Выхватинцы:

1 — костяное лощило; 2 — кабаньей клык;
3 — глиняная статуэтка.

В погребении № 12 женский костяк (подростка) лежал в сильно скорченном положении, на левом боку, ориентированный головой на северо-восток. Руки подняты к лицу. Перед лицом — фрагмент небольшого сосуда без росписи, орнаментированный отпечатками веревочки. Здесь же найдены костяное шило и большая кремневая пластина — серп со следами заполировки от работы. Под сосудом и на шиле следы охры. Фрагмент другого сосуда без росписи обнаружен в ногах

(рис. 42 — 1-3). Погребение связано с каменной обкладкой, расположенной выше.

Особенно интересно погребение № 9. Костяк взрослого мужчины лежал на левом боку, в сильно скорченном положении; ориентирован он был головой на восток, руки подняты к лицу (рис. 39 — II); могильная яма, глубокая, большого размера (1,1×1,6 м), овальных очертаний, в желтоватых суглинках была прослежена почти у самого дна. Около лица погребенного был положен каменный топор-молот, рядом — кремневая пластина — серп и антропоморфная статуэтка из кости. Вдоль туловища стояло четыре сосуда, пятый в головах, шестой на ногах (рис. 43). Из шести сосудов пять с черной росписью и один кухонный, украшенный углубленной полоской. Сосуд этот стоял в головах; перед лицом — большая чаша, украшенная черной и красной росписью, небольшой сосудик с двумя ручками и с орнаментом в сеточку, шаровидный сосудик с двумя коническими ручками. На но-

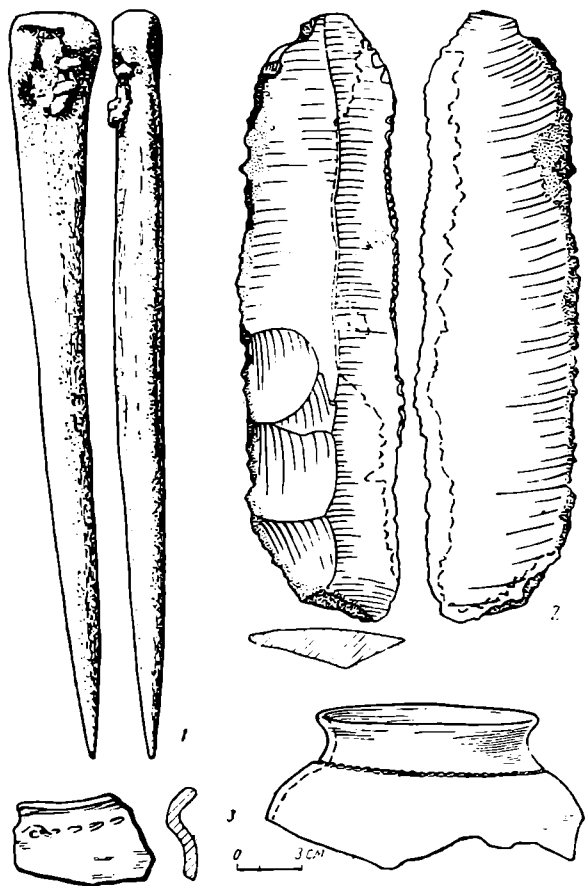

Рис. 42. Инвентарь из погребения № 12 у с. Выхватинцы:

1 — костяное шило; 2 — кремневый серп; 3 — фрагменты сосудов.

гах — больших размеров сосуд со слабо сохранившейся росписью и чаша. Чрезвычайно интересно, что во втулке каменного топора из крупнозернистого гранита хорошо сохранилась часть деревянной рукоятки. Здесь же вокруг просверленного отверстия топора находились мелкие части медной обоймочки, охватывавшей и закреплявшей деревянную рукоять (рис. 44—3). При анализе выяснено, что рукоять была сделана из дерева лиственной породы, из ивы белой (*Salix alba* L.)¹. Сверху в рукоять были забиты два (?) медных клина, которые закреплялись медной обоймочкой.

¹ По определению лаборатории древесиноведения Института леса АН СССР.

Таким образом, каменный топор-молот из погребения № 9 был надет на ивовую рукоятку с забитыми в нее сверху медными клиньями, а медная обоймочка закрепляла ее у отверстия топора. Следует

Рис. 43. Керамика из погребения № 9 у с. Выхватинцы.

сделать предположение, что в руки покойника был вложен боевой топор-молот — символ власти. Эта находка наглядно свидетельствует о наличии патриархально-родовых отношений в позднетрипольском обществе.

Погребение № 9 — одно из наиболее богатых захоронений Выхватинского могильника. Состав инвентаря: шесть сосудов, каменный топор, кремневый серп, костяная статуэтка (рис 44 — 1, 2). Все это вместе

может указывать на захоронение здесь племенного вождя. Погребение, как и предыдущие, находилось под каменной обкладкой.

Большой интерес вызывает костяная статуэтка, схематически передающая изображение человека. Та-

кие фигурки известны из позднетрипольского погребения у Бильче-Злоте в Верхнем Поднестровье; исследователи ошибочно считали их костяными кинжалами¹.

Найденную нами статуэтку (рис. 44—1) следует сравнить с серией костяных антропоморфных изображений из энеолитических поселений в Румынии и Болгарии со статуэтками так называемого болгаро-валахского типа. Выхватинская костяная статуэтка плоская, схематически передает округлую голову с мелкими отверстиями в нижней части (подобные отверстия имеются и на глиняных антропоморфных статуэтках из погребений № 5 и 11; см рис. 45—1-3). Небольшие острые выступы-плечи отделяют голову от плоского, конически сужающегося туловища, ноги не выделены. На шее горизонтальный ряд мелких (несквозных) отверстий. На нижней части торса подобные же мелкие отверстия (5 шт.) спускаются дугообразно. Крупное круглое отверстие в верхней части головы служило, видимо, для ношения этого амулета. В антропоморфных трипольских статуэтках из глины и кости следует видеть изображение (схематически переданное) почитаемого божества, образ женщины, олицетворяющей идею плодородия, связанный у древнеземледельческих племен с представлением о всеобщем плодородии и благополучии.

Близкую аналогию костяной статуэтке из Выхватинцев мы находим среди материалов раннетрипольского поселения Сабатиновка II (раскопки М. Л. Макаревича) на Южном Буге² и среди многочисленных статуэток из кости, об-

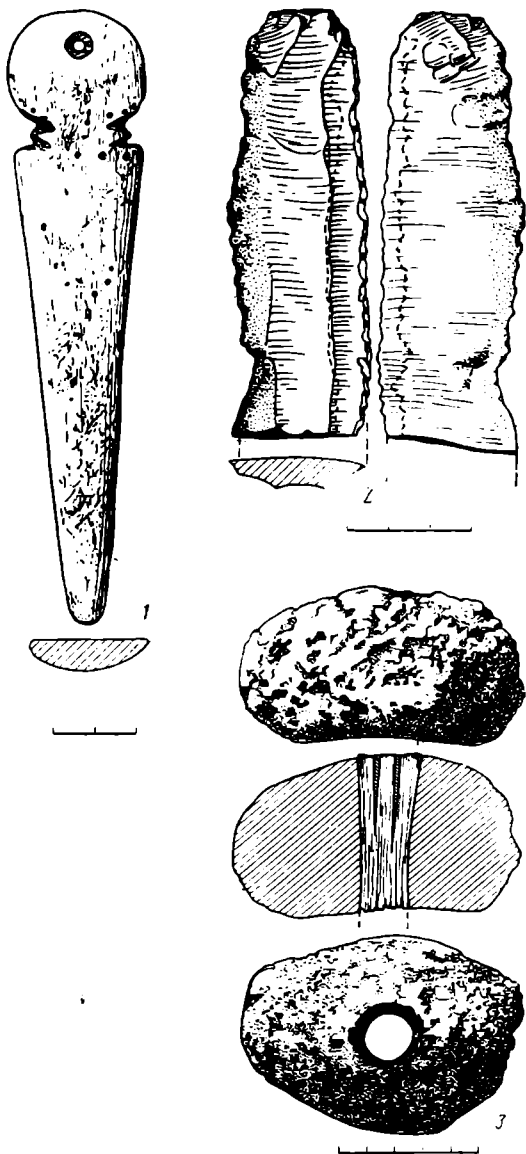

Рис. 44. Инвентарь из погребения № 9 у с. Выхватинцы:

1 — костяная статуэтка 2 — кремневый серп; 3 — каменный топор-молот.

трипольского поселения Сабатиновка II (раскопки М. Л. Макаревича) на Южном Буге² и среди многочисленных статуэток из кости, об-

¹ K. Nadassek. La colonie industrielle de Kossylowce de l'époque Énéolithique Léopol — Krakow. Album des fouilles, 1915.

² М. Л. Макаревич. Середньобузка експедиція по дослідженню пам'яток Трипільської культури. Археологічні пам'ятки УРСР. Т. IV. Київ, 1952, табл. I, рис. 4.

наруженных на дунайских поселениях Султана, Гумельница, Глина в Румынии и в Руссе в Болгарии¹ (рис. 46).

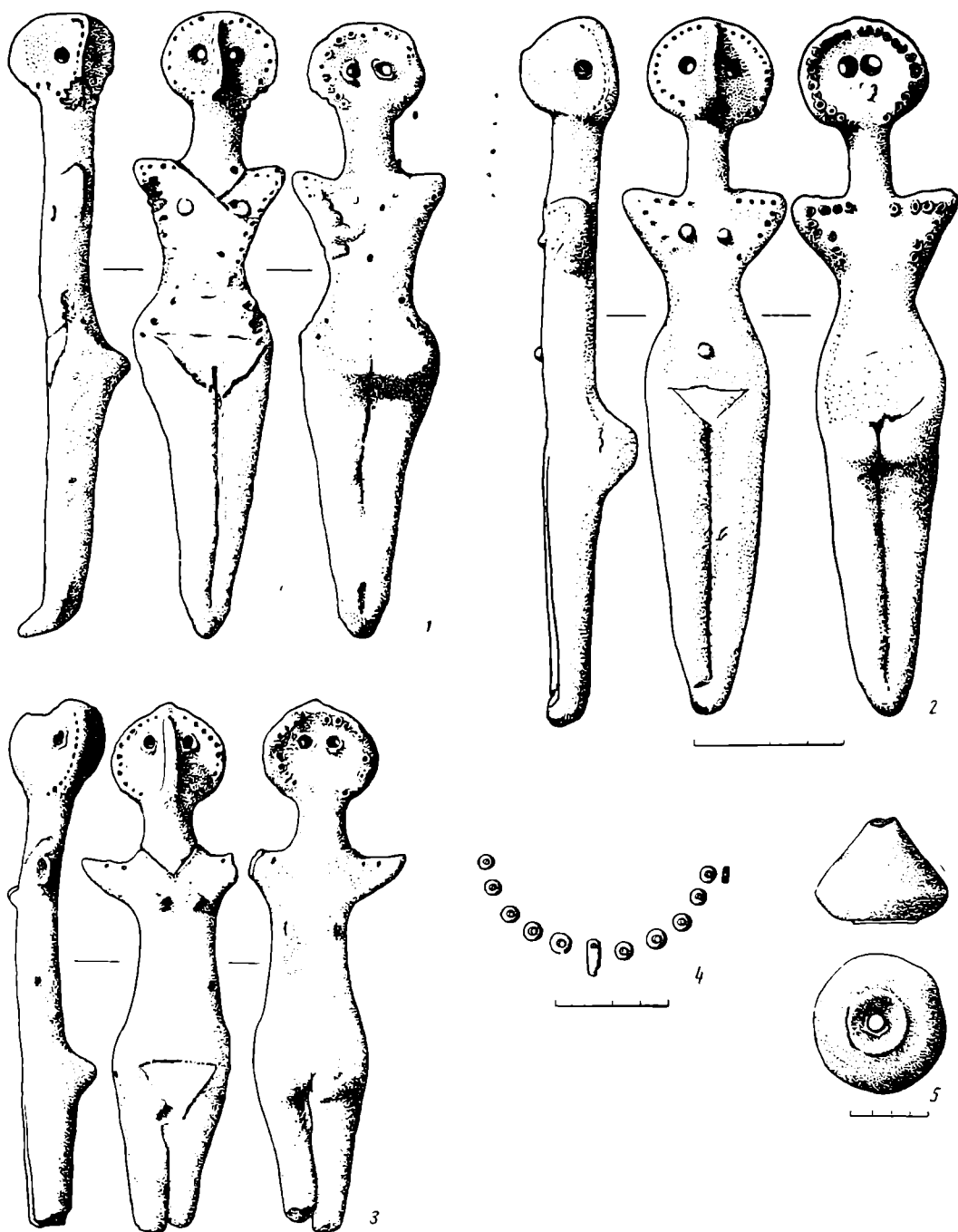

Рис. 45. Инвентарь из погребения № 5 у с. Выхватинцы:

1-3 — глиняные статуэтки; 4 — бусы; 5 — пряслице.

Кроме глиняной статуэтки (погребение № 11) и костяного антропоморфного амулета (погребение № 9), особый интерес вызывает захо-

¹ I. Andriesescu. Les fouilles de Sultana. Dacia, v. 1. Bucuresti, 1924, pl. XXXVI, XXXVII. Dacia, v. II, fig. 10.

ронение глиняных статуэток в погребении № 5. Костяк, по заключению М. М. Герасимова, девочки не старше 8—9 лет, лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-восток, руки подняты к лицу (рис. 39—7). В могиле находилось пять сосудов, из них четыре с росписью и один орнаментированный отпечатками веревочки. Сосуд (№ 1) с шаровидным туловом, коническим горлом и четырьмя бугорками на плечиках находился в головах. Роспись черной краской покрывает тулово сосуда почти сплошь и состоит из двух широких поясов — один опоясывает высокое коническое горло, другой — шаровидное тулово почти до самого дна. Роспись состоит из сходя-

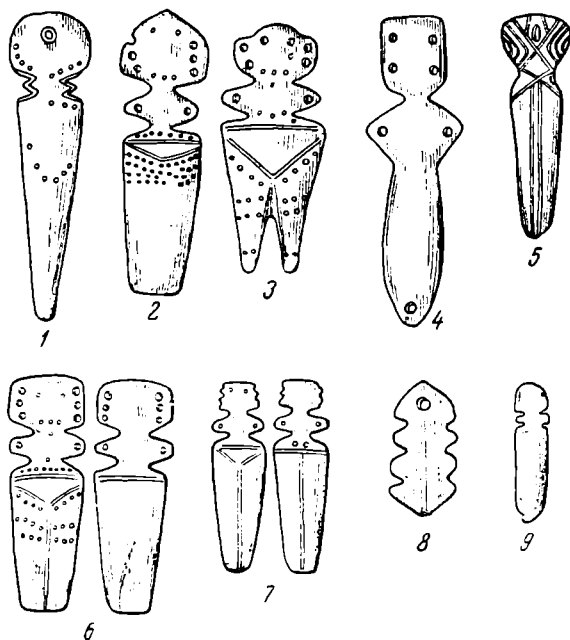

Рис. 46. Статуэтки из кости:

1 — Выхватинцы, погребение № 9; 2, 3 — Болгария (Русса); 4 — Румыния (Султана); 5 — Бяльче-Злоте; 6, 7, 9 — Румыния (Гумельница В-1); 8 — Сабатиновка II, жилище № 3.

щихся под углом лент (каждая лента образована двумя широкими и двумя узкими полосами) и полуovalов, представляя очень характерную для позднего Триполья систему орнамента в виде распавшейся спирали.

Аналогичная роспись на сосудах подобной формы известна среди керамики из курганных погребений на Нижнем Днестре¹. Другой шаровидной формы сосуд (№ 4), украшенный черной росписью, стоял в ногах. Неширокий пояс росписи разделен на метопы; между ними свисают округлые фестоны. За спиной стояли две расписные чаши, одна в другой (№ 2 и 5), и сосуд (сильно фрагментированный), орнаментированный отпечатками веревочки. Черная роспись на одной из чаш (№ 5) прекрасно сохранилась. Край снаружи окаймлен сплошь закрашенными зубчиками, вершины которых украшены волнообразной полоской. Широкий пояс разделен вертикальной лентой на метопы, внутри — свисающие полуovalы. Внутренняя поверхность крестообразно разделена на четыре сектора, в каждый из них вписан овальный фес-

¹ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, рис. 100—7.

тон. В центре чаши—круг, пересеченный волнообразными полосками; в него упираются фестоны. Это обычная система орнамента для поздне-трипольской керамики¹ (рис. 47). Около рук было положено глиняное конусовидное пряслице (рис. 45—5). Нитка пронизок была надета на шею (рис. 45—4). На шее, во втором шейном позвонке, найдено при расчистке черепа 10 округлых мелких плоских бусин и одна овальная вытянутая привеска — выточенные из раковины *Unio*. Диаметр 4—5 мм,

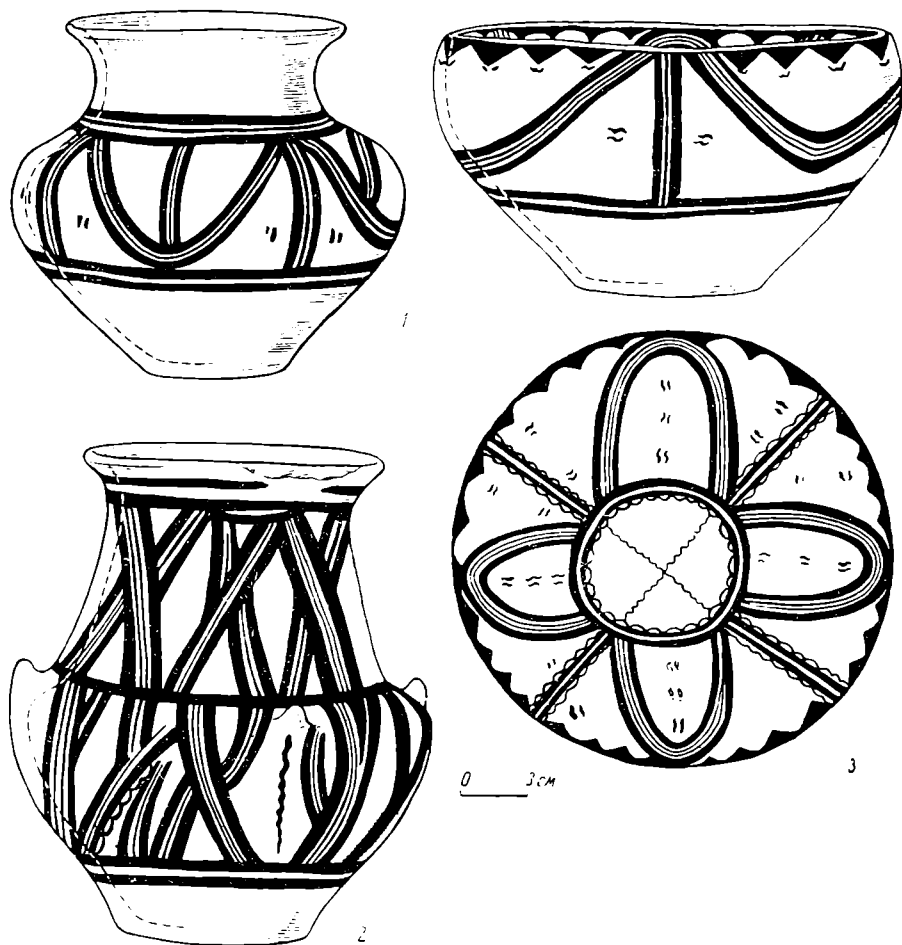

Рис. 47. Керамика из погребения № 5 у с. Выхватинцы.

отверстие 1,5—2 мм, толщина 1—1,5 мм. Перед лицом, на расстоянии 0,5 м, лежали две целые глиняные женские статуэтки, одна подле другой, в ногах — третья подобная статуэтка (рис. 45—1-3). Все три предмета очень близки друг другу. Фигурки представляют собой схематическое изображение стоящей женщины: округлая голова с вылепленным одним щипком носом, длинная шея, глаза обозначены сквозными круглыми отверстиями; плечи в виде выступов; руки не обозначены. Плоские спина и торс заканчиваются конически сужающейся нижней частью, глубокой полосой сзади и спереди разделены ноги. Грудь изображена в виде двух небольших выступов. Ниже живота врезанной линией намечен треугольник. Сильно развиты надбедренные выступы. Вокруг

¹ Т. С. Пассек. Указ. соч., рис. 99—7, а, б.

головы (в виде нимба) нанесены мелкие круглые сквозные отверстия. Подобные же отверстия как бы оконтуривают выступы плеч и спускаются до надбедренных выступов (на двух статуэтках). У двух статуэток на шее врезной линией показано ожерелье. У одной статуэтки бугорком отмечен центр живота. Масса, из которой вылеплены фигурки, оранжево-красная. Поверхности хорошо заглажены.

В отличие от выхватинской статуэтки из кости, аналогии которой несомненно указывают на связи трипольских племен с югом, глиняные статуэтки из погребений № 5 и 11 своими формами и общим стилем (стоячие фигурки, сильно вытянутые, с большой условно вылепленной головой на длинной шее) напоминают не столько южные поздне трипольские статуэтки (например, усатовские), сколько северные антропоморфные изображения поздне трипольского периода. Особенно близкие аналогии выхватинским статуэткам можно найти среди изображений из Колодяжного и из Райков¹, где подобные же по общему характеру фигурки довольно обычны. Особенно характерны мелкие сквозные отверстия, которые точно „нимб“ нанесены вокруг головы. На выхватинских статуэтках такими же отверстиями, как отмечалось выше, украшены также и плечи и туловище.

Таким образом, следует заметить, что формы и стиль росписи выхватинской керамики генетически связаны с усатовской и более широко со всей причерноморской группой поздне трипольской керамики. Антропоморфные же изображения должны быть сопоставлены не с южными (Усатово, Серизлиевка, Красногорка и др.) антропоморфными изображениями, а с поздне трипольскими статуэтками более северных районов — из Колодяжного, Райков, Городска.

Захоронение антропоморфных женских статуэток в погребениях Выхватинского могильника интересно и тем, что оно раскрывает перед нами еще одно значение этих изображений в период позднего Триполья и указывает на ту большую роль, которую подобные женские изображения играли в заупокойном культе трипольских племен.

Заканчивая общий обзор раскопанных в 1952 г. погребений у с. Выхватинцы, следует упомянуть ряд детских захоронений (пять из четырнадцати). В детском погребении № 13 костяк лежал в сильно скорченном положении, на левом боку, головой на восток—юго-восток, руки перед лицом (рис. 39—IV). У головы камень; перед лицом и вдоль туловища стояло шесть сосудов, в их числе две большие чаши с обычной черной и красной росписью. В одну из чаш было положено три небольших сосудика, украшенных росписью, — маленькая чашка (3,2 см), округлый сосудик (3,5 см) и шаровидный с двумя коническими бугорками-ручками. Здесь же находился нерасписной сосуд средних размеров, очень тонкостенный. Масса — с примесью мелкотолченых раковин. Поверхности хорошо сглаженные. У основания горловины четыре ряда горизонтально идущих оттисков наискось перевитой веревочки (рис. 48). Рядом с этим сосудом и между ним и расписной чашей (сосуд № 3) перед лицом захороненного сделана уникальная находка глиняной антропоморфной погремушки (рис. 49—I). Небольшие глиняные погремушки, овально-яйцевидные по форме, были обнаружены в 1939 г. при раскопках трипольского поселения у с. Бодаки на Волини, а также в Луке-Врублевецкой². В 1952 г. глиняная погремушка была найдена

¹ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, рис. 90—3, 4, 5; рис. 86—5, 6, 7; рис. 96.

² С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА, № 38, 1953, рис. 39.

на раннетрипольском поселении Солончени I в Молдавской ССР. Но все они отличаются от выхватинской (из детского погребения № 13), которая представляет собой и антропоморфное изображение и погремушку (высота 12—12,5 см). Схематическое изображение плоской головы с сильно выступающим (вылепленным одним щипком) носом,

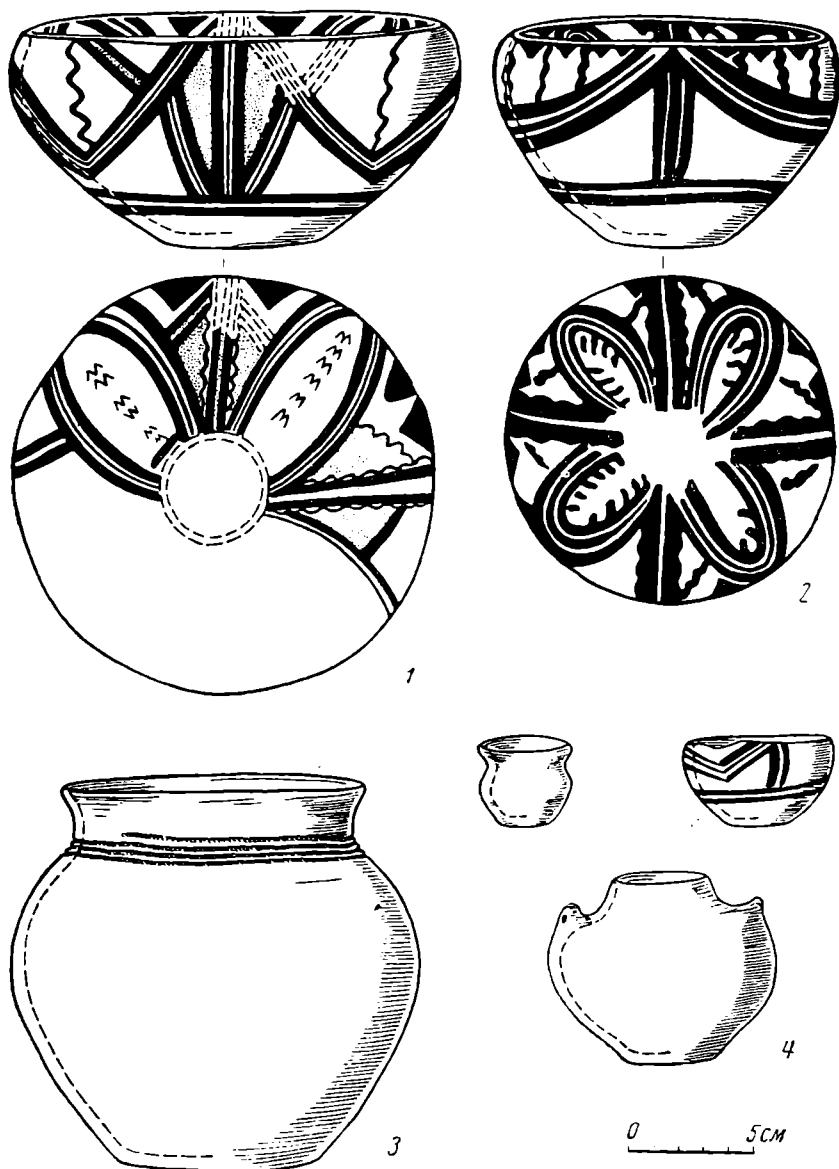

Рис. 48. Керамика из погребения № 13 у с. Выхватинцы.

толстая шея — типичные черты трипольских статуэток. Так же как и у выхватинских статуэток из погребений № 5 и 11, голова у погремушки окружена в виде нимба мелкими сквозными отверстиями. На шее довольно большое горизонтальное отверстие для подвешивания. Нижняя часть погремушки — небольшой шаровидной формы сосуд с плоским дном, непосредственно сливающимся с верхней антропоморфной частью. При покачивании погремушка гремит. Нижняя шаровидная часть покрыта широким поясом росписи в сеточку. Сверху и внизу пояс

ограничен лентами, состоящими из двух широких полос, пространство между которыми заполнено темнокрасной полосой. Спереди и сзади пояс росписи разделен вертикально идущими лентами, состоящими каждая из трех нешироких красных полос. Метопообразные пространства между этими красными лентами сплошь заполнены прямой сеткой, образованной тонкими перекрещивающимися полосками. Подобный сюжет росписи в виде прямой или косой сетки обычен и на сосудах из

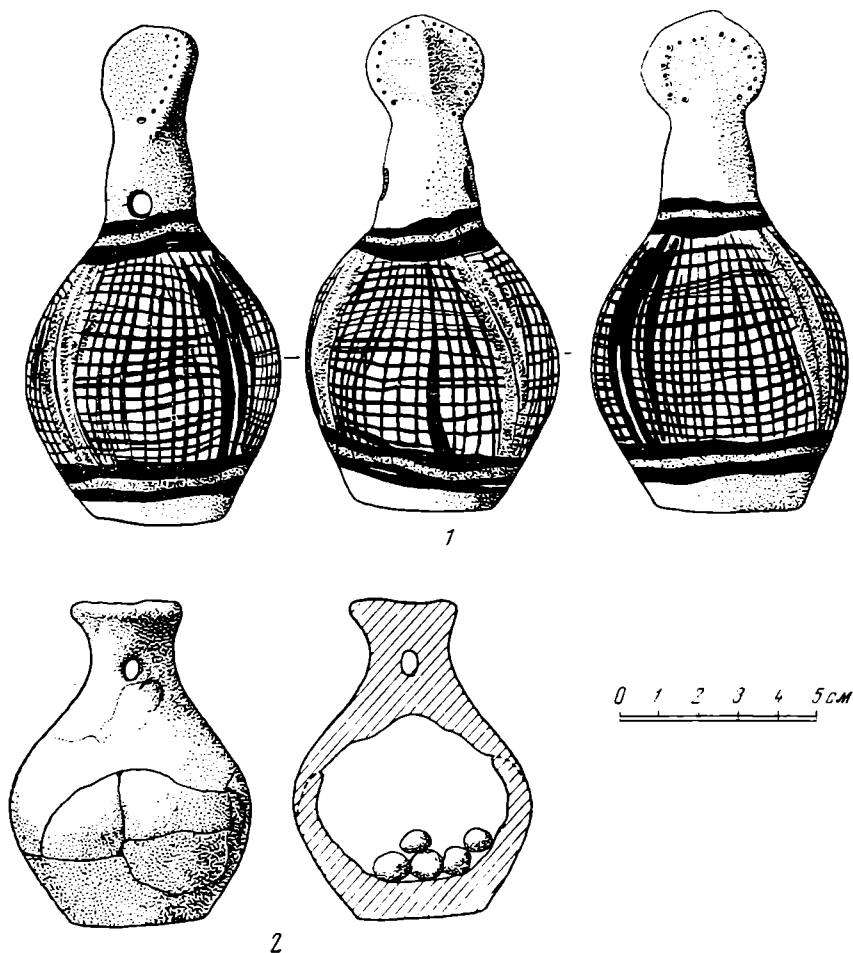

Рис. 49. Глиняные погремушки из погребений у с. Выхватинцы:
1 — погребение № 13; 2 — погребение № 6.

Выхватинец и характерен для позднетрипольской керамики¹ (рис. 50) На выхватинской антропоморфной погремушке этот сюжет росписи очень хотелось бы трактовать как изображение одежды-юбки или плахты со свисающими с двух сторон концами пояса.

В другом детском погребении (№ 6) также была обнаружена простая по форме детская погремушка, не украшенная головой человека (рис. 49 — 2). При зачистке погребения она была случайно разбита и из нее высыпались пять глиняных шариков, которые сразу же помогли определить, что и в первой погремушке гремят глиняные шарики. Мне представляется, что соединение погремушки с антропоморфным, несомненно,

¹ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, рис. 98, 99, 100.

культового значения, изображением (головкой статуэтки) указывает на необходимость рассматривать находку не просто как детскую игрушку, а скорее как особый предмет, положенный в могилу ребенка, оберегающий его в загробном мире от злых духов. Примеры из этнографических материалов о погремушках, свистульках, трещотках, как культовых предметах, подтверждают наши предположения.

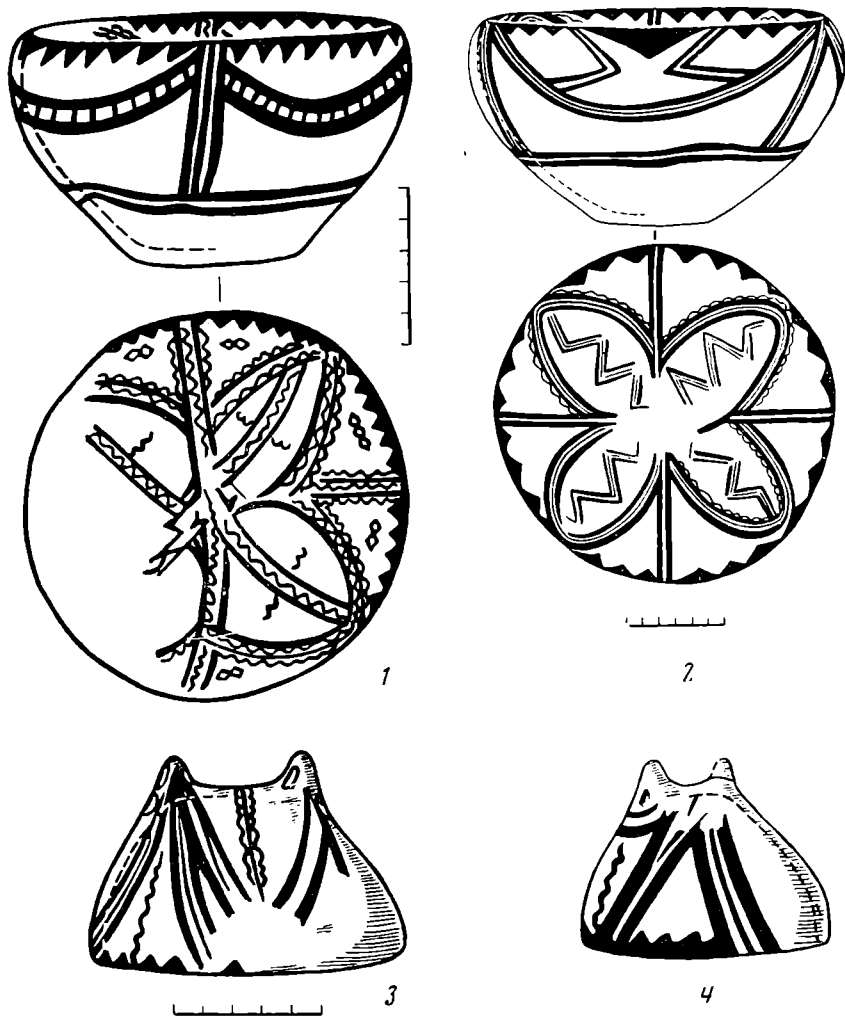

Рис. 50. Керамика из погребений у с. Выхватинцы:

1 — из погребения № 1; 2 — из погребения № 3; 3 — из погребения № 2;
4 — из погребения № 4.

Раскопки Выхватинского могильника, только лишь начатые в 1952 г., помимо интересного вещевого инвентаря и наблюдений общего характера над погребальным обрядом у позднетрипольских племен, дали возможность получить и некоторый антропологический материал. К сожалению, сохранность костей была исключительно плохая. В связи с этим черепа были взяты монолитами¹. М. М. Герасимов, которому были переданы костные материалы из Выхватинского могильника, при расчистке монолитов установил, что черепа не только фрагментированы,

¹ При взятии монолитами черепов они закреплялись жидким раствором клея БФ.

но отдельные части их распались без следа. Все это чрезвычайно усложняет реставрацию черепов, после чего только и будет возможность произвести соответствующие измерения и сделать научные заключения об антропологическом типе трипольцев. В настоящее время М. М. Герасимов работает над этим материалом, и небольшие предварительные заключения им сделаны. Так, о черепе из погребения № 5 он пишет, что это „череп ребенка, вероятно девочки, не старше 8—9 лет. Кости свода и лица тонкие, изящного рисунка, череп, очевидно, долихокраний, лицо невысокое, неширокое, хорошо профилированное, вероятно, прогнатно. Глазницы округлые, нос выступающий. Нижняя челюсть тонкая, маленькая“¹.

О черепе из погребения № 8, к сожалению сильно раздробленном, М. М. Герасимов дает заключение, что он принадлежал женщине лет 40—42. По обломкам верхнечелюстных и скуловых костей можно сделать вывод, что лицо женщины невысокое и скорее узкое, сильно профилированное. Собачьи ямки глубокие, верхняя челюсть слегка прогнатна. Нижняя челюсть очень тонкая, грациальная. Обломки лобной кости и затылочной части дают представление о долихокрании свода черепа.

О черепе из погребения № 9, принадлежавшем мужчине лет 45—47, М. М. Герасимов пишет, что по „форме лобной кости можно сделать заключение о долихокрании черепа. Лоб низкий, глабелла развита не сильно, надбровья слабые. Корень носа вынесен вперед, что может служить свидетельством сильно выступающего носа. Нижняя челюсть тяжелая, массивная, с сильным рельефом. Лицо было сильно профилировано“².

По фрагментам черепа из погребения № 11 исследователь делает заключение, что череп принадлежал мужчине. Судя по уплотнению швов и истертости зубов, погребенному было не менее 50 лет. Фрагменты верхней части верхней челюсти, части скуловой кости дают представление о сильно грациальном, резко профилированном лице. Фрагменты нижней челюсти поражают своей уплощенностью форм и большими размерами высоты тела нижней челюсти. Череп из погребения № 12 принадлежал, судя по рельефу нижней челюсти, мальчику не старше десяти лет.

М. М. Герасимов обратил также внимание, что „верхняя сторона черепов, т. е. обращенная к поверхности, сохранилась лучше. Те части, которые примыкали непосредственно ко дну могилы, как правило, распались совершенно. Создается впечатление, что эти грунтовые могилы не засыпались землей, а прикрывались сверху подобно могилам фатьяновцев и абашевцев. Земля в могилы попала позднее, и ее тяжестью черепа были раздавлены. Некоторые перемещения отдельных костей, наблюдаемые совершенно отчетливо, возможны были только в пустой камере. После того как провалилось перекрытие и земля засыпала раздавленные ею черепа, они (т. е. кости черепа) так и сохраняли свои взаимоотношения до момента их вскрытия. Особенно отчетливо это видно на мелких, раздробленных костях черепов“³.

В целом раскопки Выхватинского могильника значительно расширили наши сведения по наименее изученному вопросу в области трипольской культуры — по вопросу о погребальном обряде. По состоянию наших знаний трипольская культура в настоящее время рассматри-

¹ Выписка из заключения М. М. Герасимова.

² То же.

³ То же.

вается нами не как нечто единое на всей территории ее распространения, а в пределах нескольких локальных и хронологических вариантов, соответствующих нескольким трипольским группам племен на различных ступенях их развития. В связи с этим уже сейчас можно отметить два различных типа погребального обряда у позднетрипольских племен. Один — это могильники с трупосожжением, известные в Среднем Поднепровье в период позднего Триполья по раскопкам в Софиевке¹, у Красного Хутора, у Чернина, другой — могильники с труположением под курганами или бескурганные в Усатове, Серизлиевке, Парканах², Выхватинцах и др. Видимо, для севера характерен обряд с трупосожжением, для юга — обряд с труположением. В период позднего Триполья на примере Усатовского и Выхватинского могильников, так же как и Софиевки, возможно говорить о том, что это были могильники одной или нескольких родовых групп. Для среднего и раннего этапа развития трипольских племен такие могильники пока неизвестны. Вместе с тем в Среднем Поднепровье известны случаи (раскопки В. В. Хвойко), когда захоронения с сожжением совершались в глинобитных жилищах или около них на самих родовых поселениях. Эти факты, приведенные в отчетах Хвойко, были недавно систематизированы и критически осмыслены в кандидатской диссертации Ю. Н. Захарука, посвященной Софиевскому могильнику, где автор подробно разобрал трипольские обряды погребения на среднем Днепре³. С. Н. Бибиковым отмечен факт захоронения костей ребенка в одном жилище на раннетрипольском поселении в Луке-Врублевцевой⁴ на Среднем Днестре.

Таким образом, было бы неправильно считать характерным для всех периодов и для всех районов распространения трипольской культуры один и тот же обряд погребения. Уже сейчас для позднего Триполья намечаются два обряда, стоящих в зависимости, видимо, от различных племенных групп, существовавших на севере — в Среднем Поднепровье, и на юге — в Поднепровье и в Причерноморье.

¹ Ю. Н. Захарук. Софиевский могильник. Автореферат кандидатской диссертации. Львов, 1952.

² Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 205 сл.

³ Ю. Н. Захарук Указ. соч.

⁴ С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевцевая на Днестре. МИА, № 38, 1953, стр. 194.

И. Г. РОЗЕНФЕЛЬДТ

(Москва)

ВЫХВАТИНСКИЙ МОГИЛЬНИК ПО РАСКОПКАМ
1951 ГОДА

Летом 1951 г. разведочным отрядом Славяно-Днестровской экспедиции ИИМК АН СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР были предприняты работы по археологическому обследованию берегов среднего течения Днестра. При этом были проведены небольшие разведочного характера раскопки на позднетрипольском могильнике, расположенном в пределах с. Выхватинцы Рыбницкого района МССР, на левом берегу Днестра.

Во время Великой Отечественной войны жители села обнаружили при земляных работах на месте могильника человеческие скелеты и обломки древней посуды. Об этом было сообщено сотрудникам Молдавской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, работавшей в 1947 г. под руководством М. В. Воеводского, и по его инициативе на месте находок были проведены небольшие раскопки, в результате которых обнаружены три погребения, относящиеся ко времени позднего Триполья¹.

Разведочный шурф, 4 × 6 м, заложен в 1951 г., к востоку от раскопа № 2 1947 г.; длинной стороной он был ориентирован с севера на юг. В северо-восточном его углу, на глубине 0,3 м, обнаружены четыре известняковые плиты неправильных очертаний, образовавшие в плане как бы дугу вокруг этого угла раскопа. Плиты стояли почти вертикально на ребрах; наибольшая плита имела размеры 0,6 × 0,8 м. Нижние концы плит располагались на одном уровне от поверхности на глубине в 0,8 м. Эта вторичная находка известняковых плит в Выхватинском могильнике, но расположенных в плане в виде дуги, заставляла предположить наличие, как и в Усатове, кромлеха вокруг погребений².

В шурфе, на глубине 1,2 м, обнаружены два погребения (№ 1 и 2), находившиеся в зоне контакта желтого суглинка и залегающего ниже мелкого гравия. Очертания могильных ям проследить не удалось (рис. 51).

Погребение № 1 вскрыто в северо-западном углу раскопа. Костяк лежал на левом боку, в сильно скорченном положении и был

¹ А. Е. Алихова. Выхватинский могильник. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 69—75.

² В. И. Селиванов и Е. Ф. Лагодовская. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. СА, т. V, 1940, стр. 239—263.

ориентирован головой на северо-восток. При погребении обнаружены два горшка и две миски.

Горшок № 1 (рис. 52—1), поставленный в изголовье, был изготовлен из хорошо отмученной без примесей глины и обожжен до оранжевого цвета. Сосуд имеет небольшое плоское дно, округлое тулово, высокую шейку и слегка отогнутый наружу венчик. На границе тулова и шейки — три выступа типа ручек-налепов. Внешняя поверхность

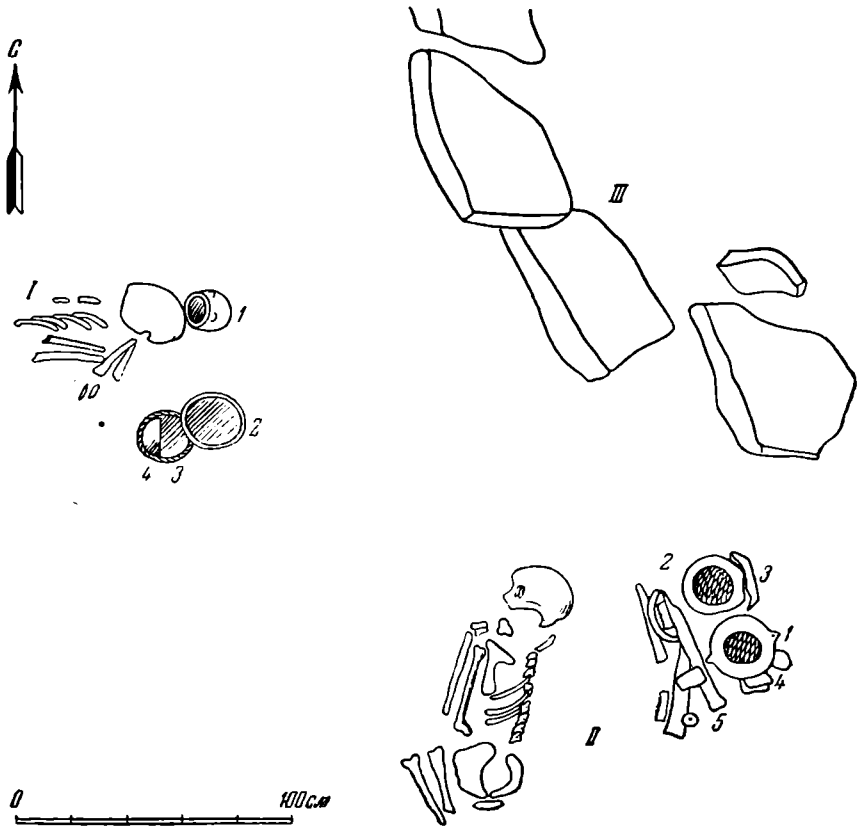

Рис. 51. Схематический план погребений (могильник у с. Выхватинцы. Разведочный раскоп 1951 г.):

I — погребение № 1 (1-4 — сосуды); II — погребение № 2 (1-4 — сосуды; 5 — пряслице); III — известняковые плиты.

покрыта черной росписью из двойных горизонтальных полос, одна под венчиком, другая по середине тулова и третья у дна. Первая и вторая полосы соединены черными двойными зигзагообразными полосами, вторая и третья — тоже двойными, но прямыми, черной росписи. Пространство между полосами закрашено красной краской.

Горшок № 2 (рис. 52—2), перед лицом погребенного, изготовлен из глины с большой примесью мелкотолченой известняковой гальки. Сосуд коричневатого цвета, тонкостенный, с небольшим дном, шаровидным туловом и небольшим, сильно отогнутым наружу венчиком. На границе венчика и тулова расположен поясok веревочного орнамента, а ниже его горизонтальная, в один ряд полоса из отпечатков концом косо поставленной палочки.

Рядом со вторым горшком найдены две миски (№ 3 и 4) из глины того же качества и с теми же примесями, что и горшок № 2

(рис. 52—3, 9). Миски с округлыми плечиками, а по краю большей миски частая прямая насечка. Малая миска, поставленная на ребро, лежала в большей. Поверхность сосудов не орнаментирована.

Погребение № 2 вскрыто в юго-восточном углу раскопа. Костяк лежал на правом боку, в сильно скорченном положении; головой ориентирован на северо-северо-восток. Сохранность костяка

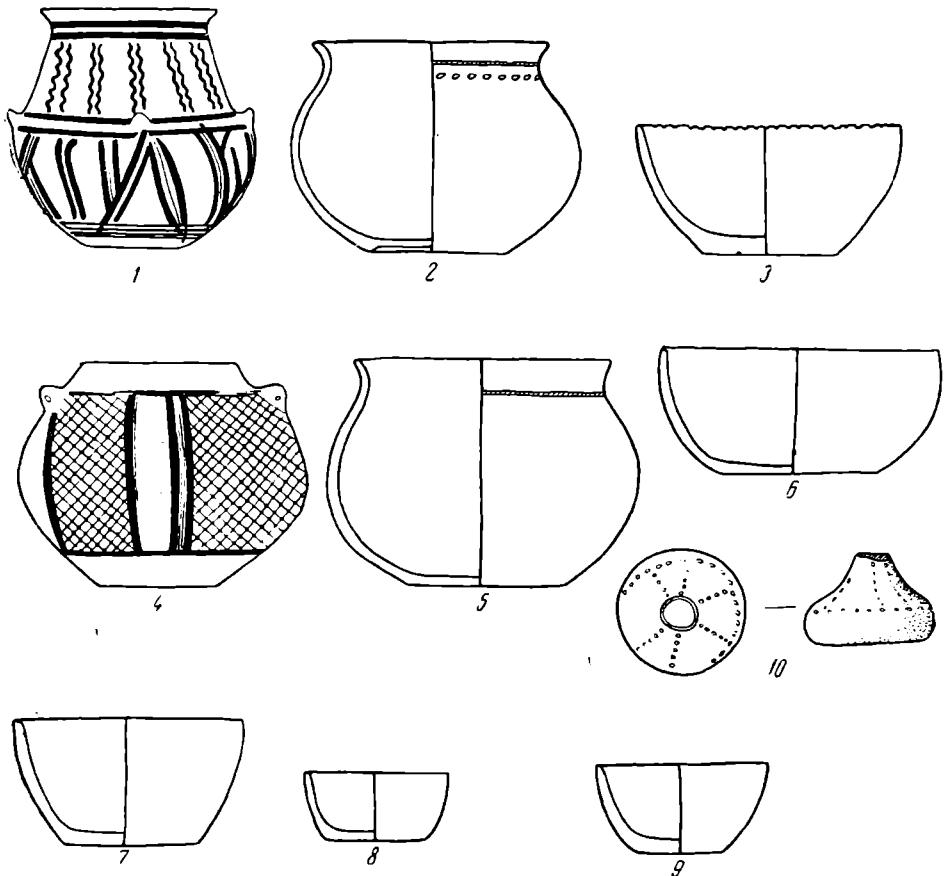

Рис. 52. Керамика из Выхватинского могильника:

1-3, 9 — сосуды из погребения № 1; 4-8, 10 — сосуды и глиняное пряслице из погребения № 2.

хорошая. Кисти рук — перед лицом погребенного. К востоку, на расстоянии 0,4—0,5 м от затылочной части черепа на уровне погребения, т. е. на глубине 1,2 м, обнаружены два горшка, мисочка, глиняное пряслице, костяные и кремневые предметы.

Горшок № 1 (рис. 52—4) с округлым туловом, плоским дном и невысокой шейкой с округлым краем имел две налепные ручки-шишечки, каждая со сквозным отверстием для подвешивания. Горшок изготовлен из красноватой, хорошо отмученной глины без заметных примесей. По тулову сосуда — широкий пояс расписного орнамента (роспись черной краской), ограниченный по шейке и в нижней части сосуда широкими лентами, заполненными сплошь краской. Внутри орнаментального пояса чередуются зоны, заштрихованные тонкой сеткой и свободные от орнамента, ограниченные широкими лентами. Внутри сосуда обнаружены два кремневых отщепы (рис. 53—8, 9).

Горшок № 2 (рис. 52—5) по форме и технике изготовления аналогичен горшку № 1 из погребения № 1. У основания шейки проходит поясок веревочного орнамента.

Рядом с горшком № 2 найдена лежащая на боку мисочка (№ 3; рис. 52—6) коричневатого цвета, из глины с примесью толченой

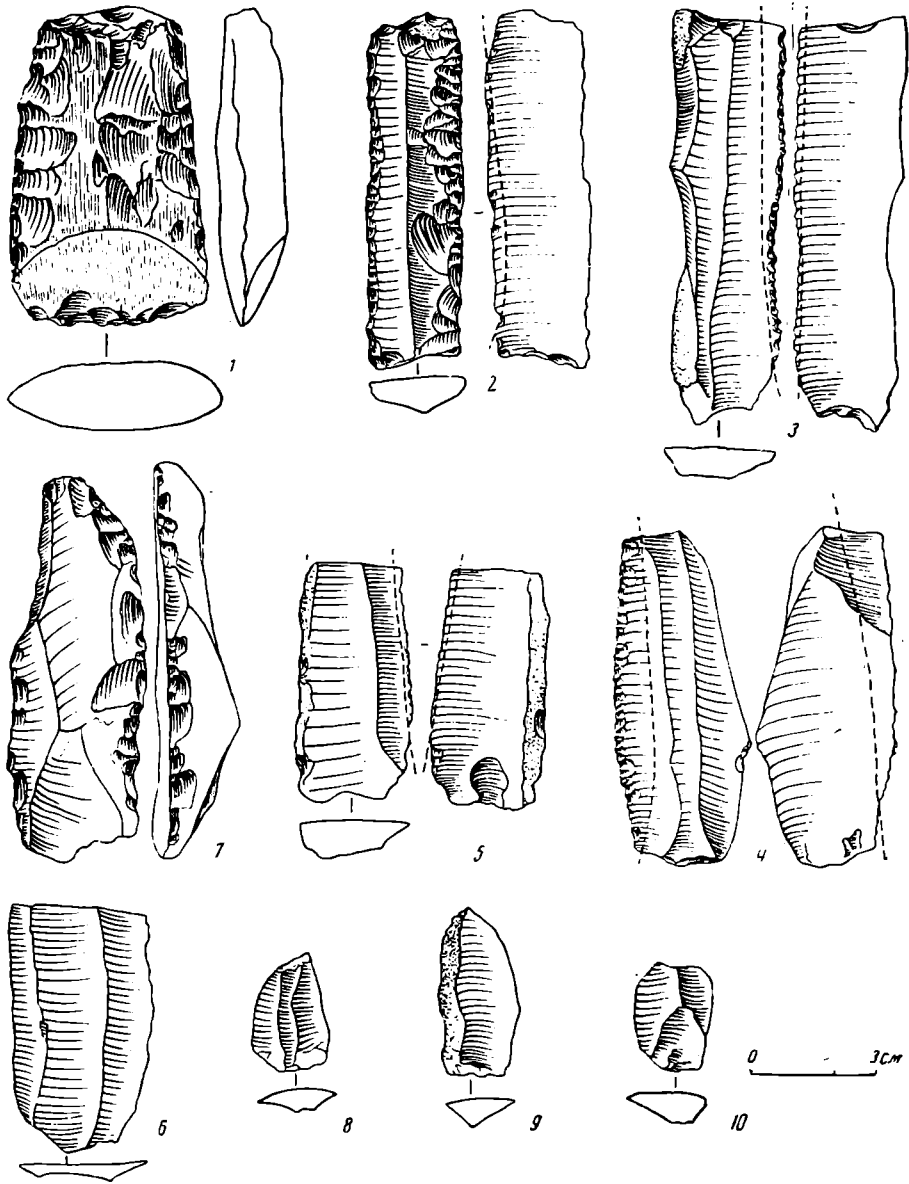

Рис. 53. Кремневые орудия из Выхватинского могильника.

известняковой гальки, того же типа, что и миски из погребения № 1. При расчистке в ней была обнаружена створка раковины беззубки со сверлиной.

Под горшком № 1 были найдены фрагменты двух мисок (№ 4 и 5; рис. 52—7, 8), примерно таких же, как и остальные, но меньших размеров. Между обломками мисок найдены кремневый нож из темного мелового кремня с заполировкой от употребления со стороны брюшка,

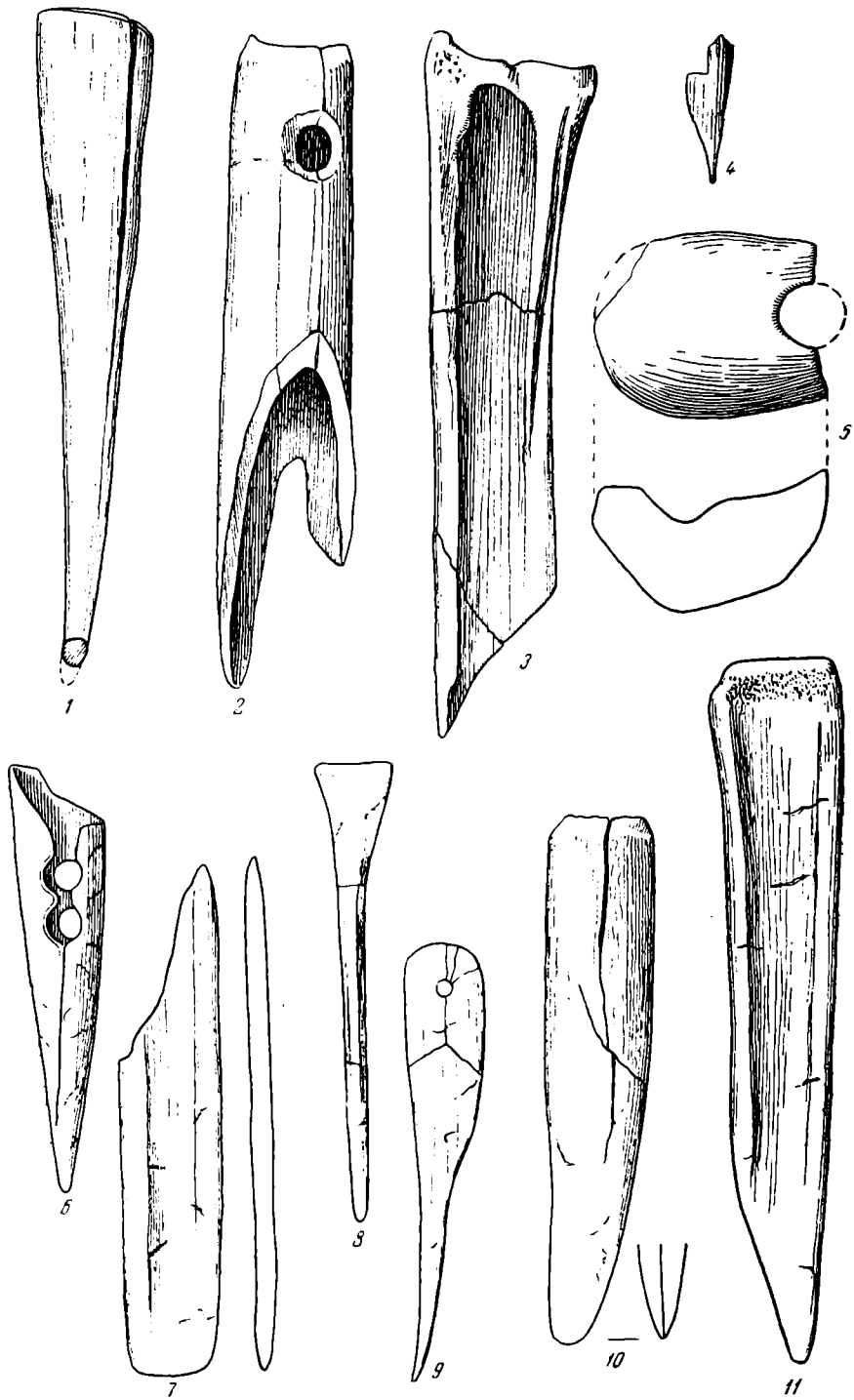

Рис. 54. Изделия из кости и рога. Выхватинский могильник.

(рис. 53—2), кремневый отщеп (рис. 53—10) и два больших кабаньих клыка, из которых один расщеплен на продольные пластинки. Рядом с горшками и к западу от них аккуратно сложенная кучка орудий и заготовок. Там лежали четыре кремневые пластины; три из них имели ретушь по одному краю со стороны спинки и характерную рабочую заполировку лезвия как со спинки, так и со стороны брюшка орудия, свидетельствующую об использовании его в качестве серпа-вкладыша (рис. 53—3-5). Четвертая пластина не имела ни следов заполировки, ни ретуши (рис. 53—6). Здесь же обнаружено массивное грубое орудие из коричневого кремня (рис. 53—7) и тесло из темносерого кремня, полированное, обитое по боковым граням (рис. 53—1); рядом лежало глиняное пряслице грушевидной формы, поверхность которого покрыта точечным узором (рис. 52—10).

Под всеми этими предметами лежали шесть костяных и пять роговых орудий¹: проколка, изготовленная из края пластинчатой кости, тыльная часть которой имела вид лопаточки; в центре ее небольшая сквозная сверлина (рис. 54—9); костяная проколка с уплощенным острием, изготовленная из половины трубчатой кости, причем эпифиз ее является рукояткой (рис. 54—8); костяная проколка больших размеров из скола трубчатой кости крупного животного, повидимому, оленя (рис. 54—11); костяное ложило с рабочей частью шириной в 2,5 см, тыльный конец обломан и утрачен (рис. 54—7); голенная кость лося, расколота вдоль и разбитая на четыре куска; повидимому, это материал для изготовления орудий (рис. 54—3); рабочий конец костяного шила (рис. 54—4); отвилок рога оленя, отвилок срезан, вершина его подтесана и уплощена (рис. 54—10); сильно разрушенная роговая поделка со следами круглой сверлины, диаметром около 3 см, в одном из концов ее; предмет этот, очевидно, можно считать частью мотыги (рис. 54—5); обрезок оленьего рога — вершина его слегка подправлена и подтесана, повидимому, проколка (рис. 54—1); орудие из рога оленя, тыльная сторона срезана наискось; у тыльного конца орудия два рядом расположенных сквозных отверстия, диаметром около 1 см каждое; вероятно, составная часть сложного гарпуна (рис. 54—6); обломок рогового орудия со сквозной сверлиной, диаметром около 2 см, в одном из концов его; предмет плохо сохранился (рис. 54—2).

Наличие двух керамических групп в могильнике — сосудов с росписью и с веревочным орнаментом, типы кремневых орудий, найденных при погребениях, скорченное труположение, — все это имеет аналогии в памятниках усатовского типа, что дает возможность датировать Выхватинский могильник началом II тысячелетия до н. э. Богатый инвентарь второго погребения расширяет наши представления о материальной культуре племен, оставивших этот памятник, и позволяет полнее характеризовать их хозяйственную деятельность.

¹ Видовые определения костей животных из могильника сделаны В. И. Цалкиным.

С. Н. БИБИКОВ

(Ленинград)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ У СЕЛЕНИЙ ПОПЕНКИ
И ЖУРЫ НА ДНЕСТРЕ В 1952 ГОДУ

Район работ четвертого отряда Молдавской археологической экспедиции¹ охватывал территорию между г. Дубоссары и с. Зозуляны, в 12 км южнее Рыбницы и в 2 км южнее с. Выхватинцы, известного в археологии по древнепалеолитическому пещерному местонахождению и позднетрипольскому могильнику.

На участке между Зозулянами и Дубоссарами, протяженностью примерно в 65 км, выявлено более 25 разновременных памятников, среди которых могут быть отмечены три палеолитических местонахождения, четыре трипольских поселения, остатки поселений ранних славян, средневековые славянские поселения и несколько курганных могильников. Район обследования археологически почти не освещен в литературе, если не считать упоминания о наличии здесь курганов.

Не останавливаясь на деталях географической характеристики района обследования, укажу только, что в целом ландшафт его типичен для Поднестровья. Это всхолмленные прибрежные возвышенности, круто обрывающиеся к Днестру. Обширные плато коренного берега прорезываются глубокими балками и оврагами, создающими развитую систему. Долина Днестра почти на всем протяжении от Рыбницы до Дубоссар довольно узкая, кое-где она переходит в каньон и имеет меандры. В местах расширения долины располагаются площадки с ровным рельефом, широко используемые под посевы и сады. Именно на этих прибрежных площадках, составляющих пойменную и первую надпойменную террасы, и было сосредоточено главное внимание. В двух пунктах обнаружены в обресе берега остатки трипольских поселений. На узких участках берега и в самом Днестре собрано много подъемного материала, преимущественно керамики. Находки эти не столько вымыты, сколько „выпаханы“ из берегового обнажения ледоходами.

Первый пункт, где обнаружено трипольское поселение, расположен у южной околицы с. Попенки, второй у с. Журы. Оба пункта находятся в Рыбницком районе Молдавской ССР, между Рыбницей и Дубоссарами.

¹ В составе отряда работала группа студентов ЛГУ им. А. А. Жданова. Ответственными участками работ руководили М. А. Тиханова и Т. Д. Белановская.

Поселение у Попенок располагалось на ровной, обширной прибрежной площадке и занимало бровку берегового уступа. Жилища размещались у самого берега, причем всего лишь на высоте 2—2,5 м над летним уровнем Днестра. Как можно заключить по присутствию на срезе обнажения тонких прослоек аллювиальных наносов, в древности паводки Днестра были явлением редким. Это стоит в связи не только с климатическим оптимумом, падающим на трипольскую эпоху, но и со значительным развитием лесных массивов, регулирующих гидрографический режим Днестра и его притоков.

Условия залегания культурных остатков у Попенок не совсем обычны для трипольских поселений. Толщина отложений, перекрывающих культурные остатки, доходит до 3,5 м. Они состоят главным образом из суглинистого грунта, перекрытого в свою очередь черноземом. Стратиграфически здесь могут быть отмечены два культурных слоя. Верхние отделы суглинка заключают остатки культуры времени полей погребений, а нижние содержат археологические находки трипольского времени. Оба культурных горизонта разделены прослойкой, не содержащей археологического материала. Нижний трипольский горизонт хорошо выделяется на срезе берегового уступа ясно очерченными

краями глинобитных площадок. Обнаружены три площадки, каждая простирается вдоль обнажения до 6 м. На береговой полоске (пляже) подобрано много фрагментов керамики — кухонной и столовой посуды. По большей части это черепки орнаментированных сосудов; орнаментация двух типов — углубленная и расписная геометрическими узорами, выполненными в две-три краски (черная, белая, красная). Посуда великолепной выделки, многообразная по форме, с прекрасной закалкой. Тут же на пляже найдены обломки зооморфных фигурок, подобные найденным в Журах (рис. 55), и антропоморфных статуэток, несколько орудий из кремня (острие и скребки).

Рис. 55. Скульптурные головки бычков из поселения у с. Журы.

По некоторым техническим соображениям, организовать стационарные раскопки трипольского памятника у Попенок в 1952 г. было целесообразно. Мы ограничились зачистками срезов и сборами подъемного материала, давшими обильную коллекцию предметов, относящихся к среднему этапу развития трипольской культуры.

Стационарные раскопки были организованы на другом трипольском поселении — у с. Журы, в 12 км южнее Попенок. Условия залегания культурных остатков здесь те же, что и в Попенках. Обширная ровная площадка на левом берегу Днестра примыкает к известняковой возвышенности коренного берега, кое-где нарушенной карстовыми явлениями. С юго-запада площадка подходит крутым 10—15-метровым уступом к Днестру. Этот террасообразный уступ составляет первую надпойменную террасу, так как пойма в прямом смысле этого слова здесь не выражена. Остатки трипольской культуры залегают под мощной толщей делювиального суглинка, местами (в верхнем отделе) прорезанного тонкими горизонтальными прослойками отмученных аллю-

виальных наносов. Толщина отложений, перекрывающих трипольские жилища, достигает 7 м. Столь глубокое залегание культурного слоя представляет большой интерес с точки зрения естественно-исторической и пока еще остается необъясненным. На срезе берегового обнажения у с. Журы выявлено пять пунктов выходов краев трипольских площадок. Не имея возможности раскрыть жилища целиком, мы ограничились раскопкой ближайших к Днестру участков, где напластования образуют уклон, открывающий сравнительно легкий доступ к культурному слою.

Раскопки преследовали цель оградить памятник от дальнейшего разрушения. Не располагая техническими средствами для широких раскопок, все внимание мы уделили изучению деталей, связанных с конструкцией жилищ, их внутреннему убранству, условиям залегания отдельных находок и т. д. Другие же задачи, связанные с характеристикой планировки поселения или даже устройства домов в целом, не ставились.

Раскопками у с. Журы было охвачено три рядом расположенных пункта — выходы глинобитных жилищ на срез обнажения. Пункты эти находятся в наиболее угрожаемых участках, которые будут затоплены при подъеме уровня вод Днестра.

Следует отметить, что если толщина отложений, перекрывающих здесь культурные остатки, и достигает 7 м, то высота залегания трипольских жилищ над уровнем днестровских вод в летнее, сухое время едва достигает 2—2,5 м. Пункты раскопок соответствуют III, IV и V жилищам по принятой нумерации площадок. Площадки I и II обследовались только путем зачистки.

Площадка III прослежена в ширину на 10 м и в глубину берегового уступа на 4 м с прирезкой четырехметрового участка. Структура площадки довольно обычна для глинобитных сооружений Триполья. В нижнем горизонте площадки состоит из хорошо обожженных плит, с ясными отпечатками толстых деревянных плах. Плитки по большей части представляют собой бесформенные по контуру блоки, места стыков их часто имеют подмазку. Верхний горизонт площадок составляет обмазка, скопившаяся на полу жилища вследствие разрушения стен и потолка. Пока нет данных судить о величине площадки, так как она уходит под обрез раскопа, но можно отметить некоторые детали, важные для дальнейшей реконструкции жилищ. Обращает внимание большое скопление сосудов различных размеров, числом не меньше 28. Некоторые из них находились на плитчатом полу жилища, другие ниже уровня пола, в углублениях. Размещены они преимущественно группами, особенно в северной стороне площадки, где находилась печь. В южной половине найдены обломки лежащих грудями ошлакованных кусков глины, возможно — остатки печного сооружения. Почти все сосуды относятся к группе столовой и бытовой посуды, богато орнаментированной росписью или прочерченным орнаментом (рис. 56)¹. По форме большая часть из них относится к шаровидным амфорам, фигурным сосудам на подставке и крупным вместилищам — пифосам (рис. 57). Печь сохранилась только в пределах подковообразного пода, о контуренного округлым валиком и хорошо выглаженного. Повидимому, под был перекрыт куполообразным сводом, обломки которого обнаружены здесь же, а печь имела вытяжное приспособление; но это только предположение, более или менее

¹ Роспись была выявлена в лабораторных условиях после очистки сосудов от известкового налета.

вероятное, так как в разных местах раскопа найдены обломки с закругленными краями, быть может, остатки дымовой трубы. Это предположение становится более правдоподобным, если вспомнить, что даже на раннетрипольской ступени уже были известны горны для обжига

Рис. 56. Образцы керамики с поселения у с. Журы.

сосудов, представляющие сложную и совершенную конструкцию специализированных сооружений.

Среди керамических находок обращает внимание биноклевидный „сосуд“, украшенный врезными линиями и имеющий фигурную перемычку, соединяющую два биконических раструба в центре и две перемычки по краям (одна из них в виде дужки). Биноклевидные изделия постоянно встречаются в трипольских жилищах. Им посвящена довольно большая литература. Одни видят в них ритуальные барабанчики, другие сближают их с керносами Средиземноморья, третьи называют биноклевидные изделия ситечками, светильниками или даже специаль-

ными подставками для статуэток. Все эти предположения при детальном знакомстве с биноклевидными сосудами не выдерживают даже самой элементарной критики. Но не в этом сейчас дело. находка биноклевидного сосуда на поселении у с. Журы позволяет осветить один из ритуальных моментов в жизни трипольцев. Изделие было обнаружено вблизи печи; оно было установлено на полу площадки. Это обстоятельство фиксирует важный факт — местонахождение изделия. Один из раструбов был наполнен кремневыми отщепами и даже мельчайшими чешуйками, среди которых находился велико-лепный треугольный наконечник стрелы двусторонней обработки. Все

Рис. 57. Крупный сосуд с площадки-жилища № 3 поселения у с. Журы.

кремень сильно перегорели. О случайном попадании кремней в раструб изделия говорить не приходится. На площади раскопа найдено еще две такие же стрелы и несколько кремневых осколков. Таким образом, совершенно очевидно обрядовое употребление кремня в специальном месте, не тронутом в момент поспешного ухода обитателей жилища. Возможно, что магический обряд с участием кремня и положение в раструб стрелы были направлены на предотвращение опасности, возникшей для населения поселка. О том, что жилище было покинуто поспешно, свидетельствуют и другие факты: все сосуды, и малые и большие, остались на месте, явно видны следы пожара по рассеянным по площади углям и перегорелым костям,

по сильной ошлакованности и деформированности некоторых сосудов и по перегорелости кремней в биноклевидном изделии.

Те же наблюдения, дополненные некоторыми другими, сделаны и на площадке № 4, расположенной в нескольких метрах от площадки № 3. Размеры раскопанного участка на этой площадке 8×4 м. Здесь так же распределен материал, но сосуды размещены преимущественно не вокруг печи, а вблизи рабочего места, т. е. у ровной плоскости, выложенной плитками и окаймленной с восточной стороны округлым валиком. Формы расположенных группами сосудов также разнообразны и, что существенно, почти все они принадлежат к группе орнаментированной керамики. Число сосудов — минимум 20.

В собранной на обеих площадках керамике можно отметить сходные черты с некоторыми керамическими изделиями из памятников развитого Триполья Поднепровья (Кадиевцы, Кудринцы, Петрены, Незвишка) и в значительно меньшей степени с трипольской керамикой Поднепровья. Близкое сходство керамики поселения у с. Журы с керамикой из развитых трипольских поселений Румынии неоспоримо (Кукутени, Фрумушица и др.). В трипольском поселе-

нии встречены шаровидные сосуды с узким горлом, широкобокие сосуды, чаши с округлым донцем, вазы и сосуды на подставке, крупные пифосы, вместимостью не менее 85 л, кувшинообразные сосуды, шлемовидные крышки и т. п. Очень сложна и нарядна орнаментация сосудов в одну, две и три краски (черная, красная, белая), а также углубленная или прочерченная орнаментика, в основе которой лежит форма спирали и ее разновидностей и различные дополнительные криволинейные геометрические построения, образующие сложные узоры, ритмично повторяющиеся на плоскости сосуда. Нет сомнений, что мастера, прежде чем наносить орнамент, размечали положение рисунка на сосуде, а возможно, предварительно наносили абрис рисунка с последующей его разделкой.

Рис. 58. Часть площадки № 4 у с. Журы после расчистки.

Жилище № 4, так же как и № 3, погибло от пожара; изучая местоположение отдельных археологических находок, можно представить и некоторые детали гибели его. Например, совершенно очевидно, что крупный пифос с широким открытым горлом стоял в углу и был сбит рухнувшей стеной и раздавлен обломками обмазки, перекрывшей сосуд и заполнившей его внутреннее пространство (рис. 58). Изучая расположение кусков обмазки, можно установить, что глиной покрывался деревянный каркас из жердей с внутренней и внешней стороны жилища, причем толщина стены достигала примерно 20—25 см. Больше того, прослеживая расположение кусков обмазки от развала стены, можно будет подсчитать и примерную высоту стен. При этом важно будет уловить переход от собственно завала с наибольшей нагроможденностью кусков обмазки к участкам, где они находятся в рассеянном состоянии. Некоторые наблюдения уже сделаны, но об окончательных выводах можно будет говорить после вскрытия всей площади жилища.

Итак, пока можно сказать, что раскопки жилищ № 3 и 4 охватили только части их: места хранения продуктов, кладовые, что

подтверждается не только группировкой сосудов, но и тем, что основная часть сосудов принадлежит к орнаментированной бытовой посуде, а не к кухонной; многие факты свидетельствуют о том, что оба жилища погибли от пожара.

Совсем иное заключение можно сделать о жилище № 5, расположенном рядом с жилищем № 4. Сохранность его значительно хуже, чем первых двух. При раскопках не получено целой картины; площадка жилища прекращается, не уходя под обрез раскопа. Попытку объяснить разрушенность жилища и отсутствие на нем массовых археологических находок (здесь встречено только несколько десятков черепков) действием паводков сразу же пришлось оставить. Анализ условий залегания обмазки и плиток пола дал возможность выяснить причину разрушения площадки. При первом же взгляде на характер залегания площадки бросается в глаза ее необычный профиль. Повышенная часть края, обращенного к Днестру, постепенно снижается в противоположную сторону, а скопление обмазки постепенно рассеивается. Разбирая площадку, нетрудно было установить присутствие плиток пола только в повышенной части площадки. Плитки залегали полосой на периферии жилища, у стены. На всей площади, где скопилась обмазка, плиток не найдено. Очевидно, плитки, как ценный строительный материал, были выбраны из завала обмазки и использованы, обмазка же, как бросовый материал, не годный для вторичного использования, была оставлена на месте. Этот любопытный штрих дает возможность говорить о неодновременности существования всех жилищ на поселении, подчеркивает интересную деталь из области строительного дела, подтверждает мысль о том, что плитки обжигались на стороне, и, кроме того, дает возможность объяснить присутствие разрушенных площадок на других поселениях.

Таковы краткие итоги первоначальных стационарных работ четвертого отряда Молдавской экспедиции, итоги, имеющие пока предварительный характер.

Е. К. ЧЕРНЫШ
(Львов)

РАННЕТРИПОЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОДНЕСТРОВЬЯ

Несмотря на большие успехи советских археологов в области изучения памятников трипольской культуры, ранний этап развития трипольских племен остается недостаточно изученным и в настоящее время. Систематические раскопки раннетрипольских поселений проводились лишь в с. Лука-Врублевцкая (пять лет) и в с. Ленковцы (три года), на остальных же поселениях один, редко два года. Вследствие этого только район Поднестровья дает в настоящее время наиболее яркий материал к истории раннетрипольских племен на территории Советского Союза.

До Октябрьской революции в районе Поднестровья памятники раннего этапа трипольской культуры не были известны. Первые находки их относятся к середине 20-х годов, когда советскими археологами были зафиксированы раннетрипольские поселения у сс. Вилы Ярузские, Воеводчинцы и Брага; в это же время М. Я. Рудинский проводил первые раскопки раннетрипольского поселения в с. Озаринцы около Могилев-Подольска.

И только после освобождения от фашистских оккупантов западных областей Украины и территории Молдавии на побережье Днестра широко развернулись работы археологов. Здесь были обнаружены новые раннетрипольские поселения у сс. Лука-Врублевцкая, Берново-Лука, Ленковцы, Наславча, Солончени и др. К настоящему времени в Поднестровье уже известно 15 раннетрипольских поселений, причем на семи из них проводились раскопки. Материалы, полученные с этих поселений, позволяют существенно дополнить наши знания о раннетрипольских племенах Поднестровья (рис. 59).

Так, в результате исследований последних лет расширились наши знания о домостроительстве у трипольских племен на раннем этапе их развития. Жилые сооружения известны уже более чем на десяти поселениях, из них в Поднестровье жилые сооружения были прослежены путем раскопок в шести пунктах.

О раскопках поселения в с. Озаринцы в урочище Попов-Городок имеется чрезвычайно краткое описание¹. Говоря об остатках жилищ, М. Я. Рудинский отмечает только наличие двух небольших скоплений глиняной обмазки в пределах раскопа. Этот слой рыхлой глины был

¹ М. Рудинський й. Поповгородський вияв культури мальованої кераміки. Антропология, III, Київ, 1930, стр. 239.

слабо обожжен. На нижней стороне вальковой обмазки прослеживались отпечатки деревянных плах довольно большого диаметра. Краткое описание не дает сколько-нибудь четкого представления о характере постройки. Можно только предполагать, что автор публикации вскрыл частично трипольскую площадку.

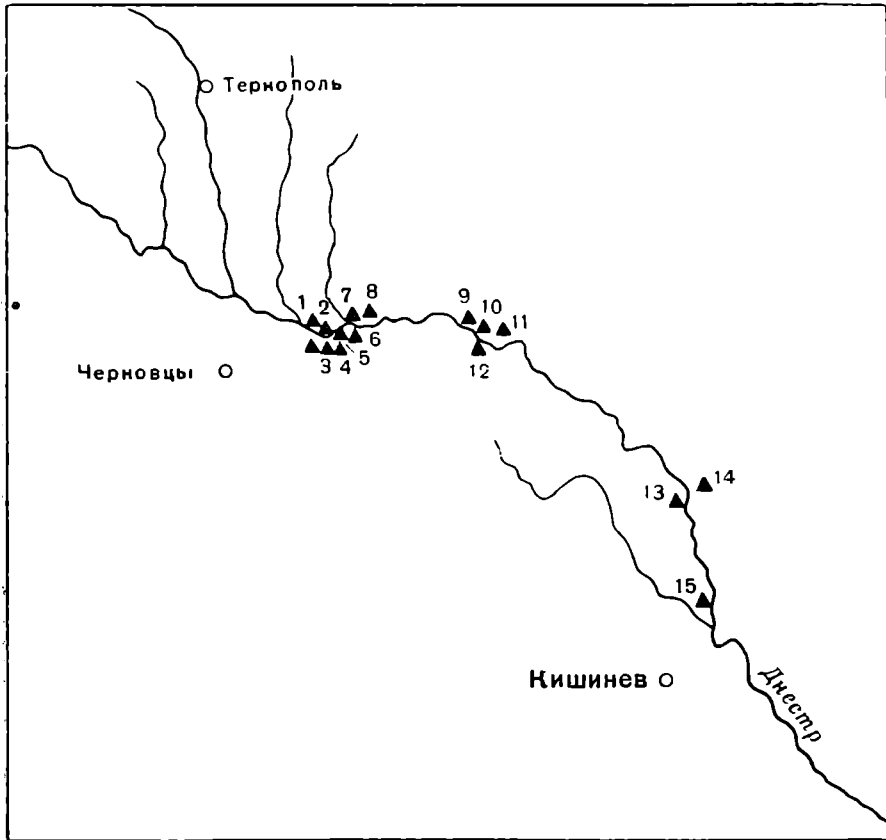

Рис. 59. Схематическая карта размещения раннетрипольских поселений Среднего Поднепровья:

1 — с. Брага; 2 — с. Бабшин; 3 — с. Оселивка, „Над китровой“; 4 — с. Оселивка, „На плантации“; 5 — с. Берново-Лука; 6 — с. Ленковцы; 7 — с. Сокол; 8 — с. Лука-Врублевская; 9 — с. Воеводчанцы; 10 — с. Озарняцы (уроч. Попов-Городок); 11 — с. Вилы-Ярузские; 12 — с. Наславча (уроч. Лука); 13 — Солончени I (уроч. Ландугор); 14 — с. Тимково (уроч. Александровка); 15 — с. Голеркавы.

В 1950 г. остатки наземного глинобитного дома были обнаружены А. Л. Есипенко на раннетрипольском поселении у с. Тимково в урочище Александровка. Результаты раскопок, к сожалению, еще не опубликованы. Материал хранится в Одесском историко-археологическом музее.

В отличие от вышеупомянутых поселений, в сс. Лука-Врублевская, Берново-Лука и Солончени жилища в основном представлены земляночным типом.

В 1951 г. Т. С. Пассек на поселении Берново-Лука были вскрыты четыре большие полуземлянки, расположенные на берегу Днестра на первой надпойменной террасе. Жилища представляют собой группы смежных ям округлой или овальной формы. На дне некоторых ям находился слой обожженной глиняной обмазки. В землянке № 2 расчи-

щено прямоугольное глинобитное возвышение, сложенное из вальков хорошо отмученной глины. В отличие от слабо обожженной вальковой обмазки пола землянок, глиняные плитки этого возвышения были прекрасно обожжены. На дне жилищ находились очаги, которые легко прослеживались по плотному слою угля, залегающему на вальках пола. Вблизи очагов или у края землянки располагались раковинные кучи. Культурный слой, заполнявший землянки, был чрезвычайно насыщен материалом¹.

На территории Молдавской ССР землянки раннетрипольского времени были вскрыты на поселении у с. Солончени Резинского района на первой надпойменной террасе Днестра, в урочище Ланцугор. Раскопки поселения производились в 1952 г. Молдавской экспедицией ИИМК АН СССР и Молдавского филиала АН СССР под руководством Т. С. Пассек. Одна из вскрытых здесь полуземлянок имела форму двух смыкающихся овалов; наибольшая глубина ее 2,4 м от современной поверхности, или около 0,8 м от древнего горизонта. В жилище встречено довольно много угля, фрагментов керамики, кремня, костей животных, найден медный рыболовный крючок и кости рыбы. У стен сохранились куски обмазки, укреплявшей их. Во второй яме также найдено много керамики и был прослежен небольшой очаг в виде скопления золы. Размеры ям около 4 м² каждая.

Вторая полуземлянка, овальной формы, в уцелевшей части занимала около 5 м² при глубине 2,94 м от современной поверхности, или 1,4 м от древнего горизонта. В жилище прекрасно сохранилась обмазка у очага. Печь выложена хорошо обожженными глиняными плитками. Среди развалин печи обнаружено большое скопление фрагментов разнообразной керамики и других предметов.

Ряд интереснейших жилых сооружений был прослежен С. Н. Бибиковым при раскопках поселения в Луке-Врублевецкой². Здесь жилища земляночного типа также состоят из нескольких округлых ям, смыкающихся друг с другом.

Наибольший интерес вызывает к себе длинное жилище № 3, расположенное перпендикулярно к берегу Днестра. Длина жилища 43 м, ширина 2—3 м. Состоит оно из трех примыкающих друг к другу частей. На дне его было прослежено 11 очагов, удаленных один от другого примерно на равное расстояние. В жилище найдено много керамики, кремневого, костяного инвентаря и других вещей. Жилище отличается необычайной величиной и вытянутой формой. Ближайшую аналогию мы находим на трипольском поселении (этапа В/1 по периодизации Т. С. Пассек) в Поливановом Яру в Черновицкой области. Здесь землянка (№ 13), длиной 26 м, шириной около 3 м, имела вытянутую форму и была подразделена на три части, в каждой из которых находилось печное сооружение, а часть пола вымощена вальковой глиняной обмазкой.

В Луке-Врублевецкой, в землянке № 1, также была обнаружена глинобитная печь, которую исследователь трактует как гончарную. К сожалению, землянка в значительной степени смыта водой. Размеры сохранившейся части 8 × 2 м.

В Луке-Врублевецкой удалось реконструировать не только формы жилищ, но и кровлю их. В жилище № 2, состоящем из ряда камер с двумя очагами, были обнаружены два округлых углубления от столбов,

¹ Т. С. Пассек. Раскопки трипольских поселений на Среднем Днестре. КСИИМК, вып. 51, 1953.

² С. Н. Бибиков. Жилища раннеземледельческого поселения в Луке-Врублевецкой на Днестре. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 74—84.

поддерживавших крышу. Следовательно, сооружение представляло собой полуземлянку с наклонной кровлей, поддерживаемой столбами.

Близки выше рассмотренным и жилища раннетрипольского поселения у с. Ленковцы в Черновицкой области¹, где были прослежены жилища земляночного и наземного типа.

Полуземлянка № 1 неправильно овальной формы была выкопана в лессе на глубине 1 м от древнего горизонта. Размеры ее $6,8 \times 5$ м. Внутри прослеживаются три части — очажная, предочажная и около-входная. Очаг находился в южной части, где найдено много угля, в стене у очага был сделан небольшой подбой-ниша. Вблизи очага, у западной стены, обнаружена раковинная куча, состоящая исключительно из створок моллюска *Unio*. Камни зернотерок лежали в предочажной части полуземлянки; керамика и орудия встречались по всей площади. На глубине 0,95 м от современной поверхности в южной стене жилища найден стоявший вертикально кусок угля диаметром 0,04 м — остатки столба, видимо подпиравшего кровлю жилища.

Полуземлянка № 2 была также вырыта в слое гумуса и лесса, дно ее достигало песка, подстилавшего лесс. Форма жилища неправильно овальная, площадь более 8 м^2 . Вход в него, в виде неровных ступеней, находился с южной стороны. Стены довольно крутые, на западной частично сохранилась обмазка. Жилище делится на две части: западную глубокую (1—1,2 м) и восточную мелкую (0,68—0,74 м). Пол восточной части был обмазан глиняной обмазкой, в которой содержалась растительная примесь. Отдельные фрагменты обмазки были хорошо обожжены, видимо, здесь находилось какое-то очажное сооружение, но оно настолько разрушено, что совершенно невозможно говорить о его конструкции. Наиболее крупные куски обмазки имели размер $10 \times 10 \times 1,5\text{—}3$ см. Восточная часть жилища возвышалась над полом западной половины и была укреплена ветвистыми рогами оленя. В глубокой части жилища песчаное дно было укреплено плотно утрамбованным слоем битого известняка. Здесь, слева от входа, находилось компактное скопление створок моллюска *Unio*. В жилище обнаружено довольно много фрагментов керамики, орудий труда и других вещей.

Наряду с жилищами типа полуземлянок, на поселении вскрыты остатки двух наземных глинобитных домов прямоугольной формы, по конструкции сходных между собой.

Жилище (площадка № 1) ориентировано с севера на юг; размеры его 8×5 м. В нем удалось проследить наличие двух глинобитных печей с припечками и хозяйственным инвентарем около них. Пол по всей площадке однослойный. Вальки пола крупные, изготовленные из глины с растительной примесью, сравнительно слабо обожженные. На нижней стороне вальков сохранились слабые отпечатки деревянных плах, подстилавших глинобитный пол. Вальковая обмазка печей отличалась большей степенью обжига. Под южной печи был земляной. В печи же северной части жилища он выстлан плоскими камнями. Припечки выложены из глиняных плиток хорошего обжига. Плитчатая обмазка лежала непосредственно на полу. Площадка была сильно разрушена, но, судя по наличию двух печей с припечками и размещению хозяйственного инвентаря, жилище было разделено на две камеры-комнаты, причем в каждой из них, очевидно, жила отдельная семья.

Жилище (площадка № 2) ориентировано с северо-востока на юго-запад; размеры его $18 \times 8\text{—}9$ м. Пол вымошен хорошо обожженными вальками

¹ К. К. Черныш. Житлові споруди, раннетрипольського поселення біля с. Ленківці; Наукові записки Інституту суспільних наук, т. II, Київ, 1954.

глины с растительной примесью. Средний размер вальков $20 \times 20 \times 4$ см. В наиболее сохранившихся частях площадки вальки пола залегали в два-три слоя, причем верхние обожжены лучше нижних. Развалы печей прослежены в трех частях жилища — центральной, юго-западной и северо-восточной. Лучше всего сохранилась печь в центральной части. Здесь, на вальковой обмазке пола, лежали плоские сильно обожженные вальки пода печи темнокрасного цвета; выше находились сильно ошлакованные вальки свода. Вблизи печей частично сохранились припечки, выложенные из глиняных плиток без примесей. Плитчатая обмазка лежала прямо на земле. Размер наиболее сохранившейся припечки в центральной части площадки $1,2 \times 1,5$ м. Форма ее прямоугольная. Возле каждого печного развала обнаружены зернотерки по три-четыре штуки вместе и много сосудов.

Интересные результаты дали раскопки полуземлянки № 3. Она была прослежена на глубине 0,65—0,7 м от современной поверхности и состояла из трех смыкающихся друг с другом ям неправильной формы и различной глубины. Общая длина полуземлянки с севера на юг 2,5 м.

Наиболее глубокой была западная яма, достигавшая 1,58 м от современной поверхности. По форме яма округлая, диаметром 1,4 м. На дне ее находилась куча створок моллюсков *Unio*. Пол ямы был частично покрыт глиняной обмазкой. В этой части жилища был расположен очаг, на его месте сохранилось довольно много угля. Северная яма имела неправильную форму (2×2 м), наибольшая глубина 0,97 м. Юго-восточная часть полуземлянки оказалась сильно разрушенной перекрывавшей ее трипольской площадкой и канавой позднего времени. Наибольшая глубина полуземлянки в этой части 1,1 м, а глубина залегания вальков пола площадки 0,38—0,42 м от современной поверхности. Таким образом, расстояние между дном полуземлянки и площадки около 0,5—0,6 м. Площадка № 3 заходит на полуземлянку северным концом. В этой части оба жилища (полуземлянка и площадка) в значительной степени разрушены канавой позднего времени. Судя по материалу, и площадка и полуземлянка № 3 относятся к раннему этапу развития трипольской культуры и представляют собой два различных строительных периода на поселении. Раскопками не было обнаружено фактов, которые указывали бы на то, что ямы полуземлянки входили в конструкцию наземного дома, что иногда наблюдается в трипольских жилищах.

Материал полуземлянок и площадок относится к одному и тому же времени, следовательно, оба типа жилищ уже существовали в раннетрипольское время. Такое сочетание на одном поселении жилищ типа землянок и наземных домов прослежено также на поселениях у с. Ветилровка на Пруте (раскопки Б. А. Тимощука) и у с. Борисовка (разведка Трипольской экспедиции АН СССР в 1948 г.).

Исходя из этого можно сделать следующий вывод. Для поселений раннетрипольского времени характерны и наземные глинобитные жилища и жилища типа землянок. Последние являются преобладающим типом, пережиточным еще со времен неолита¹. Для полуземлянок характерно подразделение их на несколько смежных частей, для площадок — деление на несколько камер. Глинобитная обмазка одинаково характерна для обоих видов. В землянках глиняной обмазкой вымощен пол, частично стены, иногда сделана лежанка или печь. На площадке: глинобитный пол, печи, припечки и стены. Большая насыщенность материалом культурного слоя, заполняющего землянки, видимо, объясняется

¹ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 41.

длительностью обитания. Землянку всегда было легче восстановить после разрушения (наводнение, пожар), чем наземное жилище. Следы многократных восстановлений землянок после наводнений наблюдались при раскопках в Луке-Врублевецкой и Берново-Луке.

При раскопках жилищ перечисленных днестровских поселений раннего Триполья получен очень разнообразный хозяйственный инвентарь. В первую очередь обращает на себя внимание керамика. При сопоставлении керамического материала, полученного с различных раннетрипольских поселений Поднестровья, выделяются четыре характерные для этого времени группы: керамика с углубленным орнаментом, каннелированная, кухонная и керамика с гладкой поверхностью, окрашенной красной краской.

1. Керамика с углубленным орнаментом изготовлялась из хорошо отмученной глины с примесью шамота. Обжиг сосудов слабый и неровный. Цвет массы черный или серый, снаружи иногда с коричневатым оттенком. Наружная и внутренняя поверхности сосудов хорошо сглажены. Орнамент состоит из углубленных полос, ямок и оттисков зубчатого штампа. Иногда под венчиком сосуд бывает украшен рядом горизонтальных каннелюр. На некоторых фрагментах сохранилась белая, реже, красная масса, заполнявшая углубления орнамента. Иногда промежутки между лентами орнамента бывают окрашены красной краской.

Формы сосудов: небольшие широкогорлые горшочки с округлыми боками и небольшим дном, некоторые из них снабжены ручкой-ушком. Более крупные горшки отличаются широким горлом и небольшим дном, некоторые даже напоминают по своему виду миски. Днища у горшочков слегка вогнуты внутрь. Орнамент покрывает всю поверхность сосуда, заходя иногда и на дно. Венчик отделяется от стенок рядом оттисков зубчатого штампа, ниже проходят горизонтальные каннелюры, еще ниже располагается углубленный орнамент, спиральный или геометрический. К этим сосудам относятся крышки с шишечкой-ручкой наверху; орнамент покрывает их только снаружи. Некоторые сосуды, в форме чаш, делались на высокой полой подставке; почти все подставки имеют в стенках овальные или круглые отверстия. К этой же группе керамики относятся и небольшие глиняные ковшики с круглой или плоской в сечении ручкой. Встречаются чаши на ножках.

2. Каннелированная керамика вырабатывалась из черной глиняной массы с примесью шамота, иногда масса употреблялась без примесей. Обжиг слабый. Поверхности хорошо отполированы. В большинстве случаев каннелированный орнамент сочетается с углубленным или штамповым. Среди сосудов этой группы выделяются небольшие горшочки.

3. Кухонная керамика изготовлялась из глиняной массы с примесью шамота. У толстостенной керамики масса плохо вымешана. В большинстве случаев сосуды хорошо обожжены, но обжиг неровный. Внутренняя поверхность сосудов прекрасно сглажена, хорошо сглажены края и с наружной стороны, остальная поверхность снаружи шероховатая. Кухонные сосуды орнаментированы бедным ямчатым орнаментом или украшены валиком у края. Тулово сосуда покрыто шишечками-бугорками; на крупных сосудах имеются ручки-ушки.

Формы: крупные открытые сосуды с толщиной стенок до 1,5 см, горшки среднего размера различных форм, открытые миски с ровными стенками, грушевидные сосуды, иногда с валиком вокруг горла, дуршлаки, крышки, ковшики и небольшие сосудики.

4. Группа сосудов без орнамента со сплошной окраской поверхности красной, реже белой краской была встречена лишь на некоторых раннетрипольских поселениях. Сосуды хорошо обожжены. Почти у всех

в глиняной массе содержится примесь шамота. Поверхности хорошо сглажены.

Формы: грушевидные сосуды, сосуды на поддонах, на ножках. Обычно эта группа керамики представлена в комплексе находок очень немногочисленными экземплярами. Надо думать, что здесь мы имеем дело с первым зарождением росписи на трипольской керамике. Видимо, первоначально производилась окраска всей поверхности сосуда, а в группе керамики с углубленным орнаментом — прокраска между лентами; лишь позже на гладкую поверхность сосудов стала наноситься роспись, передающая спиральный или геометрический узор, уже известный по сосудам с углубленным орнаментом.

Во всех днестровских раннетрипольских поселениях приведенный нами выше керамический комплекс хорошо прослеживается и является характерным для рассматриваемого времени.

Пряслица, встречаемые на поселениях, изготовлены исключительно из фрагментов сосудов. Они имеют форму плоского круга с небольшим отверстием, просверленным посередине.

Особую группу среди керамических изделий занимают статуэтки людей и животных. Статуэтки изготовлены из хорошо отмученной глины, часто с примесью очень мелкого шамота или мелкого песка. Большинство фигурок обожжено слабо. Преимущественно это женские изображения, реже мужские и еще реже — животных. Человеческие фигурки сделаны очень схематично: голова имеет вид небольшого выступа, руки изображаются чрезвычайно редко, обычно передаются только выступы плечей, ноги соединены в одну коническую ножку, разделенную вдоль углубленной полосой, очень редко даются две ножки. Статуэтки — орнаментированные и неорнаментированные. Неорнаментированные имеют гладкую поверхность, возможно, ранее раскрашенную. На некоторых фрагментах сохранились следы красной или белой краски. Статуэтки с углубленным орнаментом иногда имеют сплошную орнаментацию поверхности, а иногда орнаментированы лишь несколькими углубленными полосками. В углублениях узора иногда сохраняется белая масса инкрустации.

Довольно большую часть находок на раннетрипольских поселениях составляют орудия труда из кости и камня. Днестровские поселения особенно отличаются богатством кремневых и сланцевых изделий, так как трипольские племена имели здесь под рукой богатейшую сырьевую базу для изготовления орудий из различных пород камня. Уже на раннем этапе своего развития трипольские племена изготовляли многочисленные виды орудий.

Значительное место среди них занимают деревообделочные инструменты — тесла, долота, клинья, топоры. Орудия изготовлялись из мягких пород камня (сланца) и лишь в виде исключения из кремня. Топоры, особенно сверленные, встречаются очень редко.

Среди орудий преобладают кремневые изделия. Одно из первых мест по количеству занимают скребки, которые делались из отщепов и пластин различной величины и формы. Ножевидных орудий встречается гораздо меньше. Ножи делались из пластин со слегка отретушированной одной, реже двумя сторонами. Вкладыши серпов изготовлялись из пластин очень хорошего кремня. Иногда рабочий край вкладышей серпов бывает отретуширован, но чаще пластины употреблялись без всякой дополнительной обработки.

Характерный признак этих орудий — заполированность одной или двух сторон пластины. Из хорошей породы кремня делались также проколки и сверла.

Все эти орудия производились на самом поселении, вблизи жилищ. В трипольских жилищах и около них вместе с законченными орудиями и их заготовками встречаются в большом количестве орудия обработки кремня и отходы. Так, в жилище № 2 в Ленковцах найдено 634 предмета из кремня, из них 35 нуклеусов, 83 пластины, 453 отщеп и осколка и 98 орудий. В полуземлянке № 1 найдено 1695 предметов из кремня: 54 нуклеуса, 8 отбойников, 476 пластин, 56 осколков, 972 отщеп и 212 орудий. Такое обилие отбросов производства указывает на местный характер изготовления орудий.

Из костей животных изготавливались шилья и проколки. Из крупных трубчатых костей и рогов животных делались наконечники мотыг, из более мелких костей — лопаточки и крючки.

Медные изделия в это время имели еще очень ограниченное употребление. Небольшие четырехгранные шилья, булавки, крючки, бусинки и другие медные изделия встречаются на раннетрипольских поселениях чрезвычайно редко.

Изучая комплекс орудий труда и керамики раннетрипольских поселений, можно сделать некоторые заключения в отношении хозяйственной деятельности племен.

В каждом жилище находится по несколько камней-зернотерок со следами от работы, наконечники мотыг, вкладыши серпов, крупные сосуды для хранения припасов. Все это указывает на наличие земледелия в системе хозяйства трипольских племен. Об этом же свидетельствуют и находки зерен злаковых растений в Луке-Врублевецкой, а также примесь полова к глиняной обмозке жилищ.

В жилищах встречаются сотни костей животных и орудия из рога и кости. Определение костей позволяет установить состав стада домашних животных и виды тех диких животных, на которых охотились трипольцы этого времени. В состав стада входили быки, овцы, козы, свиньи. Была приручена собака. Из диких животных известны благородный олень, косуля, кабан, лось, тур и др. Кости домашних животных составляют приблизительно половину всех найденных костей животных (на разных поселениях это соотношение несколько колеблется). Следовательно, несмотря на то, что скотоводство было уже значительно развито, охота еще сохраняла большое значение.

Наряду со скотоводством и охотой, на поселениях, расположенных у реки, было развито и рыболовство. Кости и чешуя рыб (сом, вырезуб) найдены на нескольких поселениях.

Можно сделать вывод, что раннетрипольские племена занимались примитивным земледелием, скотоводством, охотой и рыболовством и, кроме того, изготовлением различных орудий труда, керамики и пр.

Ни одно из раннетрипольских поселений пока не раскопано целиком. Но, видимо, как и на последующих этапах развития трипольской культуры, население жило в это время в родовых поселках.

Сравнивая конструкции глинобитных домов раннетрипольского времени с жилищами таких поселений, как Владимировка и Коломийщина I, мы находим много общего, многослойность полов, многоочажность домов, определенное размещение хозяйственного инвентаря в жилищах и т. п. Многоочажность жилищ указывает на сосуществование в одном доме нескольких семейств, ведущих совместное хозяйство. По аналогии с более поздними, наиболее изученными к настоящему времени поселениями можно полагать, что в раннем Триполье мы имеем дело с матриархальным родом, делящимся на несколько парных семей.

Изучение раннетрипольских поселений в Среднем Поднестровье непосредственно связано с изучением этих памятников на территории Молдавской ССР. Пока мы знаем в пределах Молдавии на Днестре только три поселения: Наславча (урочище Лука), Солончени I (урочище Ланцугор) и у с. Голерканы. Наличие этих поселений, а также поселения вблизи с. Тимково (урочище Александровка) на Украине указывает на то, что в районе Днестра, от Могилева-Подольского и до г. Дубоссары, можно ожидать открытия других поселений раннетрипольского времени.

А. П. ЧЕРНЫШ

(Львов)

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТА НА ДНЕСТРЕ

Юго-западная часть СССР является одной из наиболее насыщенных памятниками палеолита территорий, причем Поднестровье за последние годы по праву стало занимать одно из ведущих мест. Так, например, если до Октябрьской революции на Среднем Поднестровье было известно лишь два памятника палеолита, то сейчас, в результате работ советских ученых, здесь насчитывается около 200 палеолитических стоянок и местонахождений, относящихся к различным периодам.

Среди этих памятников необходимо отметить обследованный в 1946 г. Г. П. Сергеевым на территории Молдавии Выхватинский навес с исключительно интересным набором кремневых орудий и древней фауны. За шесть лет разведок автора настоящей статьи, производившихся в 1946—1952 гг. на Поднестровье, в Черновицкой, Станиславской, Хмельницкой и Винницкой областях УССР, а также в Молдавской республике, открыто более ста палеолитических местонахождений.

Получен массовый материал: на ряде стоянок была обнаружена ископаемая фауна; в нескольких пунктах прослежен культурный слой; изучены топографические и геологические условия залегания многих памятников палеолита; выявлены стоянки, которые можно исследовать путем раскопок; на некоторых из них уже были произведены раскопки, давшие возможность изучить эти стоянки и всесторонне осветить различные этапы древнейшей истории населения данной территории.

Проведенные в 1946—1952 гг. работы по изучению палеолита Поднестровья позволяют по-новому подойти к вопросам хронологии позднего палеолита этой области, к установлению этапов исторического развития культуры древнейшего населения, изучению хозяйственной деятельности древних людей, обитавших в этом районе.

До последних лет вопросы периодизации позднего палеолита Поднестровья решались преимущественно путем перенесения на территорию Поднестровья выработанных в Западной и Центральной Европе буржуазными учеными хронологических схем и путем соответствующего этим схемам распределения подъемного материала с многочисленных памятников, хотя в большинстве случаев конкретный материал не укладывался в эти схемы, не соответствовал им. Именно в силу такого перенесения западных классификаций палеолита на Поднестровье румынский буржуазный ученый Ч. Амброжевич, открывший в свое время на Правобережье Днестра 27 памятников позднего палеолита,

все эти памятники целиком отнес к так называемому ориньякскому времени; аналогичных взглядов в основном придерживались и другие буржуазные ученые, работавшие на Днестре (И. Ботец, Н. Флоров, Н. Морошан).

Близкие точки зрения в отношении датировки позднепалеолитических памятников Поднестровья были высказаны в 20-х годах также и некоторыми советскими исследователями. Например, М. Я. Рудинский все открытые им памятники позднего палеолита Левобережья Днестра датировал ориньякским временем. По-иному к периодизации позднего палеолита Поднестровья подошел советский исследователь П. И. Борисковский, выделивший среди памятников позднего палеолита ряд разновременных хронологических групп, среди которых древнейшей, по его мнению, являлась ориньякская¹. С. Н. Бибииков также выделял среди открытых им стоянок Поднестровья три группы памятников различного времени. Все эти попытки построения периодизации позднего палеолита Поднестровья базировались или исключительно на подъемном материале с некоторых памятников палеолита (Н. Флоров, М. Я. Рудинский, П. И. Борисковский), или же, в некоторых случаях, на материалах небольших зачисток (И. Ботец, Н. Морошан) и шурфов (Ч. Амброжевич).

Буржуазные румынские ученые, работавшие на территории Правобережья Днестра, не только относили большинство памятников палеолита к так называемому ориньяку и ограничивали палеолит временем последнего оледенения, но и полностью разделяли „теории“ различных школ буржуазной археологии, утверждавших, что памятники позднего палеолита Поднестровья появляются здесь исключительно в результате бесконечных миграций. Ч. Амброжевич, Н. Флоров придерживались взгляда, что „ориньякские“ памятники палеолита Поднестровья — проявление миграции палеолитических племен с востока на запад, а Н. Морошан, И. Ботец утверждали, наоборот, что эти памятники — результат миграции с запада на восток. Буржуазные ученые, следовательно, отказывали Поднестровью (включая и территорию Молдавской ССР) в праве быть территорией, где мог осуществляться процесс исторического развития; Поднестровье рассматривалось ими как коридор на пути бесконечных миграций.

Полная лженаучность подобных „теорий“ буржуазных ученых доказывается новыми массовыми сборами на многочисленных памятниках Поднестровья и особенно стационарными раскопками нескольких палеолитических памятников в 1949—1952 гг., во время которых были изучены разновременные памятники, датируемые временем начиная от позднего палеолита и до мезолита и свидетельствующие о процессе длительного исторического развития древнейшего населения края.

Раскопками на Среднем Поднестровье доказано, что палеолитические памятники здесь не являются размытыми и переотложенными, чем „теоретически“ обосновывалась невозможность глубокого изучения древнейшей истории этой территории, а являются такими же полноценными историческими источниками, как и палеолитические памятники Дона, Десны, Сибири и пр.

Переходим к краткому изложению данных о раскопках трех памятников палеолита в 1949—1952 гг.

Первая стоянка, исследование которой было произведено автором, это Бабин I, расположенная на урочище „Яма“, мыс четвертой тер-

¹ П. И. Борисковский. Основные группы палеолитических местонахождений Среднего Поднестровья. КСИИМК, вып. XXVI, 1949.

расы правого берега Днестра у с. Бабин Кельменецкого района Черновицкой области. Во время раскопок 1949—1951 гг. здесь было вскрыто всего 637 м² (20 шурфов, одна траншея и девять раскопов). На исследованной площади обнаружены остатки от трех разновременных позднепалеолитических стойбищ открытого типа. В культурном слое обнаружено около 30 тыс. кремневых находок, обломков костей ископаемых животных и т. д.

Остатки от раннего позднепалеолитического стойбища на стоянке Бабин I прослежены в 1951 г. в раскопе А, заложенном на внутреннем крае четвертой террасы перед подъемом ее к пятой. В раскопе А позднепалеолитический культурный слой залегал на глубине 1,8—2,1 м в верхней части серокоричневых суглинков. В слое были прослежены остатки четырех овальных очажных пятен небольшой мощности (1—5 мм). Кремневый инвентарь состоит из пяти нуклеусов, четырех сколов от оживления нуклеусов, 98 пластин, 33 ножевидных орудий (пластин и отщепов с краевой ретушью), 17 скребков, 17 резцов, комбинированных и других орудий. Орудия труда изготовлялись преимущественно из крупных кремневых галек и, реже, из кремневых конкреций мелового времени. Среди находок много кремневого инвентаря без патины; часть предметов имеет розовую и черную патину и лишь немногие синюю и бело-синюю патину (рис. 60).

Кремневый инвентарь в целом характеризуется наличием крупных нуклеусов и пластин, мелких острий, крупных пластин с боковыми выемками, орудий с ретушью по периметру, овальных скребков с ретушью по периметру, скребков высокой формы, мелкого двойного острия с обоюдоострыми концами, обломка листовидного наконечника с односторонней обработкой поверхности по краям и т. д. Здесь же были встречены фрагменты двух костяных шильев (рис. 60).

Фауна представлена обломками костей северного оленя (от четырех особей) и костей лошади (от двух особей)¹. Кроме того, в слое встречены кусочки краски (окись железа и охра) и фрагмент округлой терки из песчаника. Аналогии кремневному инвентарю остатков от стойбища, часть которого была вскрыта раскопом А в 1951 г., можно указать среди материалов таких стоянок, как Кумба-дель-Буату, Понт-Неф, Рют (слой Д), Ла Кот, Грот Обсерватории (слой Б), Зиргенштейн (слой 5), Трилобит (слой 3) и др. Часть материалов нижних слоев Тельманской стоянки также имеет сходные черты с материалами раскопа А. Все это дает возможность заключить, что остатки от стойбища открытого типа на участке мыса Яма, где был заложен раскоп А, более древние, чем остатки стойбищ, исследовавшиеся на этой стоянке в других раскопах. Об этом также свидетельствует и большая глубина залегания. Очевидно, что раскопом А вскрыто стойбище относительно ранней поры позднего палеолита.

Средний позднепалеолитический комплекс на стоянке Бабин I исследован в 1949—1951 гг. раскопами 1, 3, 4, Б², заложенными в центральной части урочища Яма (раскопы № 1—1949 и 1950 гг.) и на внешнем краю урочища (раскопы № 4 и Б). Культурный слой залегал в нижней части бурой глины делювиального происхождения, на глубине в среднем 0,70—1,10 м³.

¹ Фауна раскопок 1950—1952 гг. была определена И. Г. Пидопличко, фауна раскопок 1949 г. — В. И. Бибиковой.

² А. П. Черныш. Палеолитическая стоянка Бабин I по материалам раскопок 1949—1950 гг. КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 56—64.

³ Уровень залегания слоя указан на основании данных раскопа № 1 1949 г.

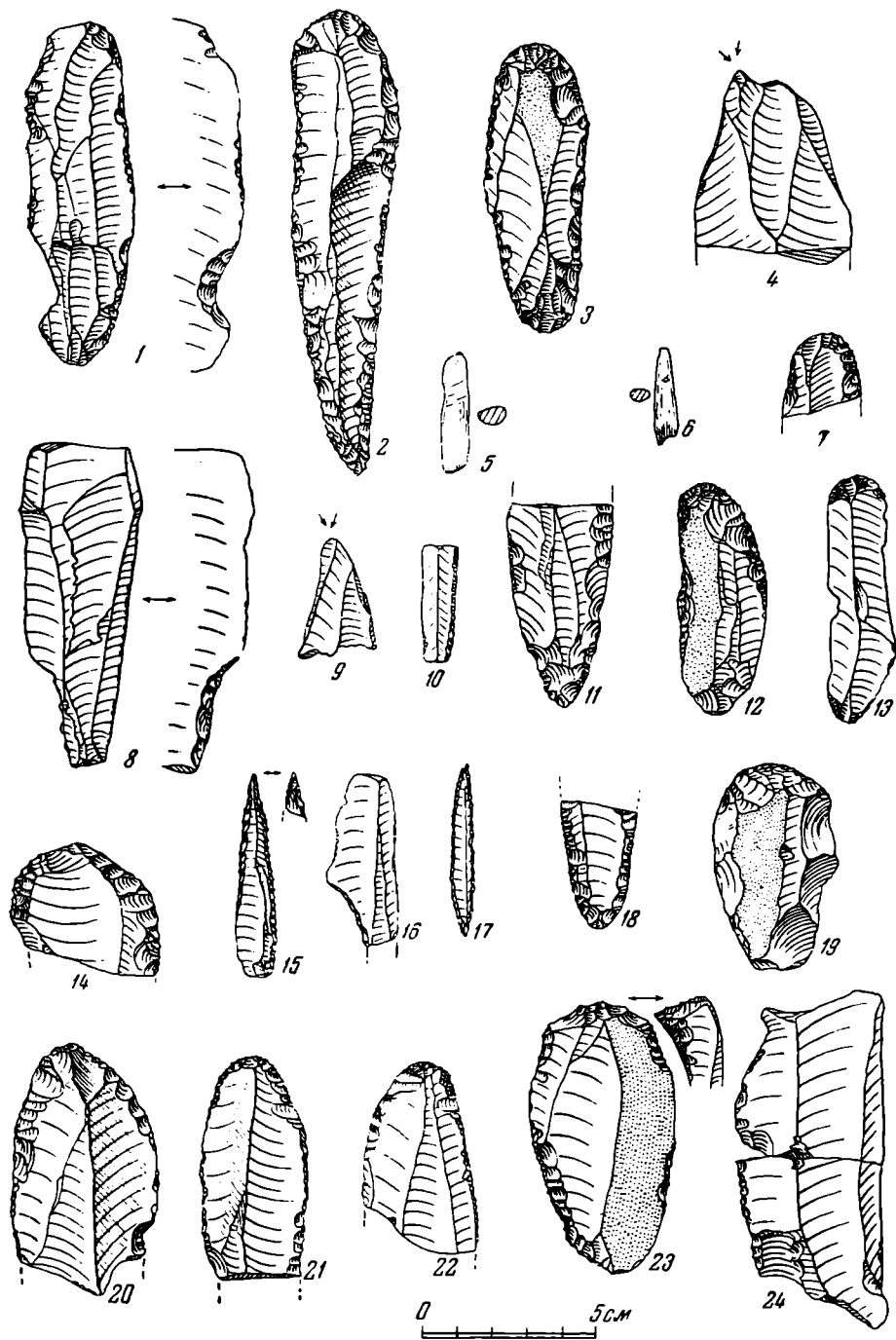

Рис. 60. Инвентарь со стоянки Бабин I, раскоп А, 1951 г.
(первый позднепалеолитический комплекс);

1, 8 — крупные пластины с боковыми выемками; 2 — острие-скребок с ретущью по периметру; 4, 9 — резцы; 5, 6 — обломки шпалев из кости; 3, 7, 12, 13, 14, 19—23 — скребки; 10 — пластина с притупленным краем; 11, 18 — обломки наконечников; 16 — пластина с боковой выемкой; 15, 17 — мелкие острия; 24 — ножевидное орудие на широкой пластине.

На площади раскопов № 1 (1949 и 1950 гг.) открыты остатки четырех очажных пятен небольшого размера, кремневые отбросы орудия труда, кости животных.

Палеонтологические находки, обнаруженные на площади раскопов № 1, 3, 4, Б, состоят из костей северного оленя (от девяти особей), лошади (от девяти особей), зубра (от пяти особей), мамонта (от двух особей), носорога и гигантского оленя (по одной особи).

На участке раскопов № 4 и Б встречено много кремневых конкреций, отбросов, нуклеусов. Все это позволяет рассматривать участок как часть площади стойбища, где находилась мастерская для изготовления кремневых орудий. Оба раскопа были расположены на краю мыса, ближе всего к обрывам оврага, где залегает меловой кремнь сеноманского времени, использовавшийся в качестве сырья для изготовления кремневых орудий.

Кремневые орудия среднего позднепалеолитического стойбища изготовлялись из меловых конкреций, цвет патины на предметах — белый и серо-синий. Для материалов стойбища характерно наличие крупного кремневого инвентаря, симметричных острий, небольших наконечников с боковой выемкой, резцов из лавролистных и листовидных наконечников, скребков с прямым рабочим лезвием, резцов и скребков на пластинах с краевой ретушью, пластин с краевой ретушью (часто плоской), орудий мустьерских форм (скребла и остроконечники), нескольких рубилообразных орудий, орудий с подтеской по брюшку и др. (рис. 61).

Сравнение полученных материалов с инвентарем таких стоянок, как Пушкари I, Гагарино, Костенки I (верхний слой), Бердыж, Боршево I, позволяет отнести стойбище ко времени наиболее древних среди этой группы памятников, которые, по последней классификации П. П. Ефименко, принадлежат к костенковскому этапу позднего палеолита. Среди памятников бассейна Прута ближайшие аналоги материала стойбища можно указать среди находок с 5-го стойбища грота Рипичены.

Остатки от более позднего палеолитического стойбища на стоянке Бабин I исследовались в 1949—1951 гг. раскопами № 2 и В в северо-восточной части урочища Яма на внешнем краю четвертой террасы. Тонкий культурный слой, толщиной в 5 или 10 см, был прослежен в нижней части бурой глины делювиального происхождения, покрывавшей известняковый массив. На площади этих раскопов обнаружены остатки трех очажных пятен и концентрировавшиеся преимущественно вокруг кострищ обломки костей животных (среди них преобладали раздробленные кости), кремневые находки, остатки краски и т. д.

Фаунистические находки раскопов № 2 и В состоят из остатков костей северного оленя (от 27 особей), зубра (от шести особей), лошади (от пяти особей), мамонта (от пяти особей), гигантского оленя (от одной особи) и носорога. Преобладает северный олень, составляющий 60% всей фауны.

Особенностью кремневого инвентаря являются относительно небольшие нуклеусы, тонкие удлиненные пластинки, короткие скребки, боковые резцы и другие орудия небольших размеров на тонких пластинах (рис. 63). Характерна синяя патина (80% всех кремневых находок). Обнаружены молоткообразные орудия из рогов северного оленя, аналогичные „молоткам“ из таких стоянок, как Мезин, Чулатово I, Чулатово II, Молодова, Рипичены и Костенки IV.

Материалы стойбища, исследовавшегося раскопами № 2 и В, можно сравнить с инвентарем таких памятников, как Гонцы, Чулатово II,

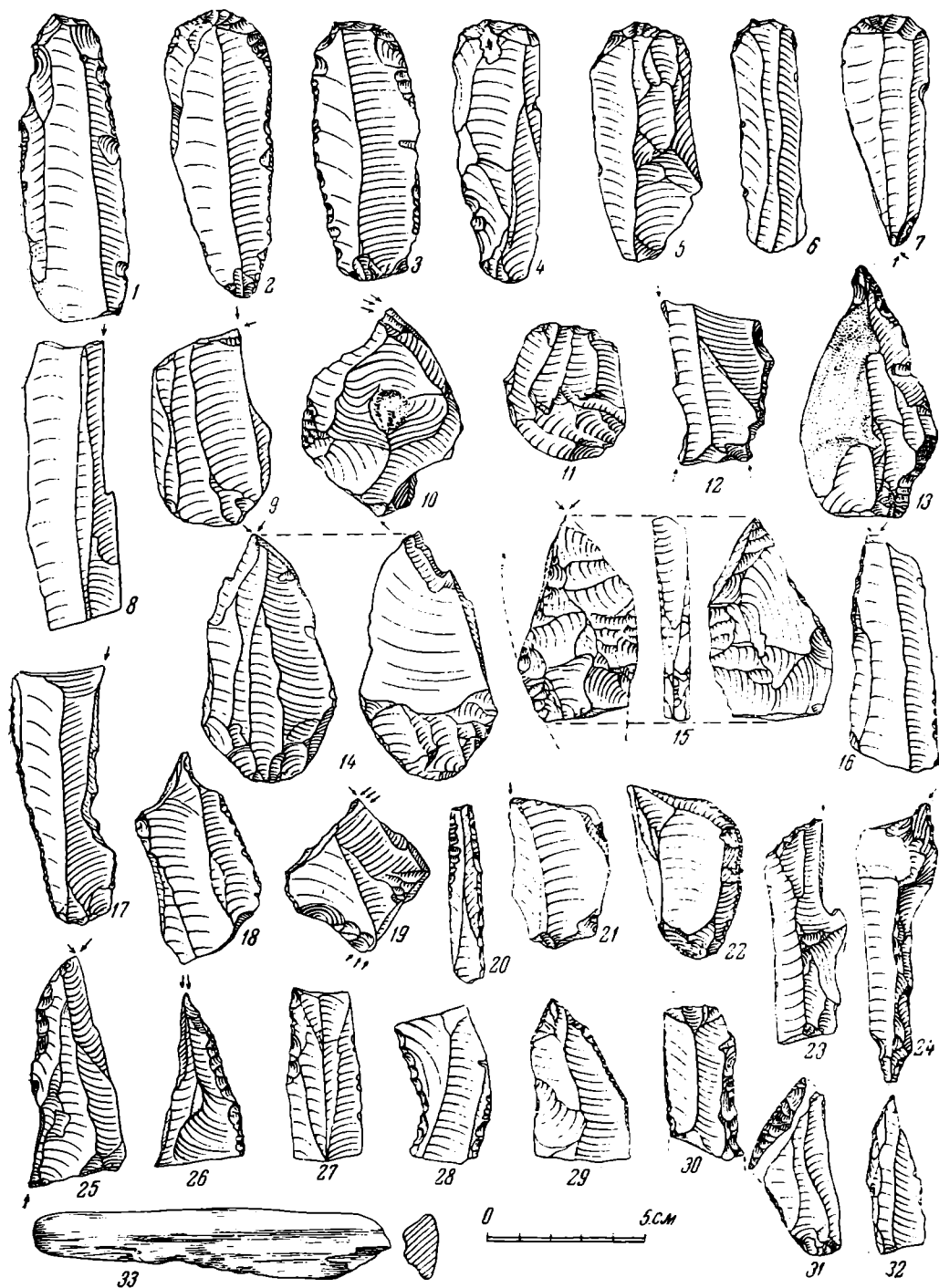

Рис. 61. Кремневый инвентарь со стоянки Бабин I, раскоп Б, 1951 г.
(второй позднепалеолитический комплекс):

1-6 — скребки; 7 — скребок-резец; 8-12, 16, 17, 19, 21-26 — резцы; 13, 29 — острая; 14, 15 — резцы на нако-
нечьяках; 18, 32 — проколки; 20 — обломок проколки; 27 — обломок пластины с краевой ретушью; 28 — облом-
ок пластины с краевой ретушью; 30 — фрагмент наконечника с боковой выемкой; 31 — острье со ско-
шенным ретушью краем; 33 — лопатка.

Боршево II, Сагвар (Венгрия), что позволяет отнести стойбище ко времени конца палеолита (позднемадленское время).

Как мы видим, в течение трехлетних раскопок на стоянке Бабин I обнаружены остатки от трех разновременных позднепалеолитических охотничьих стойбищ, располагавшихся на разных участках мыса Яма. Среднее позднепалеолитическое стойбище самое обширное, так как оно занимало большую часть мыса.

Второй стоянкой, исследовавшейся на побережье Среднего Днестра, является стоянка Вороновица I. Раскопки этого памятника производились в 1951—1952 гг.

Стоянка Вороновица I расположена на урочище Барвинская Гора — мысе правого берега Днестра между двумя оврагами, в 3,5 км юго-восточнее с. Вороновица Кельменецкого района Черновицкой области. Это урочище — переходный участок четвертой террасы Днестра в третью. На стоянке вскрыта площадь в 160 м². В залежавшем в лессе культурном слое встречено около 10 тыс. кремневых находок, 3 тыс. фрагментов костей животных, много округлых и плоских камней, остатки краски, угля и т. д. На площади раскопов прослежены остатки долговременного жилища и 18 временных кострищ, из которых три залегали ниже уровня слоя и были связаны с незначительным количеством материалов более древнего времени, что свидетельствует о наличии на урочище Барвинская Гора остатков более древнего позднепалеолитического стойбища.

Следы постоянного жилища в форме углубления неправильно овальной формы, длиной в 3,80 м, с наибольшей шириной в 2,45 м и глубиной 0,35 м, были отмечены в южной части раскопа 1951 г. и в северной части раскопа 1952 г. Жилище ориентировано с запада на восток; входом служил западный его край — наиболее узкий и наиболее удаленный от остатков двух кострищ, расположенных в восточной части. Углубление, находившееся на глубине 2,05—2,40 м, было заполнено кремневыми отбросами, орудиями труда, фрагментами костей животных, залежавших в почве темнокоричневого цвета. Обнаружены также орудия из кости. Прослеженное углубление является нижней частью — основанием слегка врытого в почву жилища, имевшего, по видимому, коническое перекрытие.

Аналогичные жилища известны на стоянках Гагарино, Гонцы (слой К). Остатки вскрытого нами жилища со всех сторон окружались восемью кострищами, по видимому, временными для обитателей постоянного жилища. В южной половине раскопа 1952 г. отмечены следы шести кострищ, очевидно часть второго круга кострищ, ушедшего на неисследованный участок стоянки и, возможно, окружавшего остатки второго аналогичного жилища.

Кремневые находки стоянки Вороновица I состоят преимущественно из галечного кремня. В двух экземплярах встречен обсидиан. Ближайшее месторождение обсидиана находится в Закарпатье, где встречаются выходы этой горной породы. Поэтому находка обсидиана на стоянке — показатель существования отдельных моментов обмена и передвижений палеолитических охотников.

Об этом же свидетельствуют находки костенковских кремней на стоянке Гагарино и морских ракушек на стоянках Мезин, Роголик, Дубовая балка, Кайстровая балка.

Кремневый инвентарь стоянки Вороновица I характеризуется преобладанием среди находок мелких нуклеусов, тонких пластинок, мелких небольших срединных, угловых, двойных, боковых резцов, коротких скребков и т. д., что позволяет сравнить памятник со стоянками

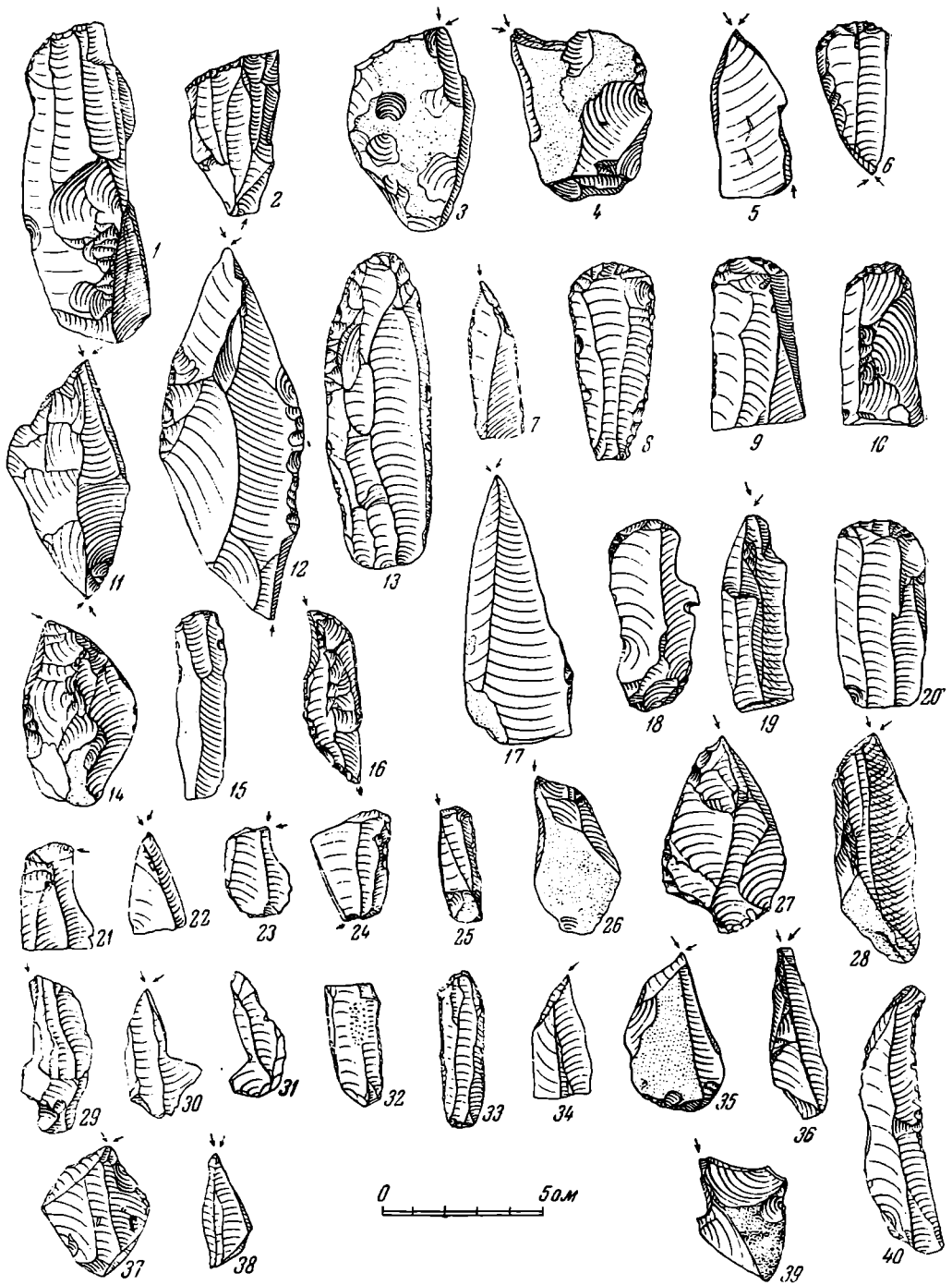

Рис. 62. Кремневый инвентарь со стоянки Молодова 5, нижний слой (третий поздне-палеолитический комплекс):

1, 2 — нуклеусы; 3, 4, 5, 7, 11, 12, 14, 16, 17, 19, 21, 22—31, 34—39 — резцы; 6 — скребко-резец; 8—10, 13, 15, 20 — скребки; 18 — резец на скребке. 32, 33, 40 — пластины с мелкой ретушью по краю.

Бабин I (наиболее позднее стойбище), Гонцы, Боршево II, Чулатово II и т. д.

Своеобразие этого памятника заключается в наличии среди инвентаря таких орудий, как скошенные резцы, скребки, близкие к скребкам Карене, симметричные острия, резцы и скребки на пластинах с краевой ретушью, часто плоской, пластины с краевой ретушью, наконечники с боковой выемкой.

Все это позволяет сказать, что на стоянке Вороновица I, относящейся к гонцовскому этапу позднего палеолита, мы видим пережитки ориньяко-солютрейской техники. В данном случае стоянка Вороновица I аналогична до некоторой степени стоянке Пушкари I, „погон 5-й метр“, где также были установлены черты и мадленской и ориньяко-солютрейской техники.

Среди орудий из кости встречены два обломка „мотыг“ из кости мамонта — орудий, употреблявшихся для выкапывания углублений при сооружении постоянных жилищ и ямок для кострищ. Здесь же встречены шилья, лощила и пест из бивня мамонта. Подобные мотыгообразные орудия были найдены на стоянках Пушкари I, Авдеевка, Костенки I, Костенки IV, Боршево II.

Фаунистические остатки со стоянки Вороновица I состоят из обломков костей лошади (от 73 особей), северного оленя (от 60 особей), мамонта (от 60 особей), зубра (от пяти особей), носорога и медведя (по одной особи). Обнаружены также и ракушки *Unio*. Последнее свидетельствует, что, кроме охоты, являвшейся главной отраслью хозяйства, существовало и собирательство.

Среди камней, собранных в культурном слое (495 экз.), преобладают округлые куски песчаника, изредка попадает сланец и мергель. Большая часть кусков из песчаника имела стертые в результате длительного употребления грани. Это — терки, употреблявшиеся для растирания краски, злаков и корней. Именно так объяснял М. В. Воеводский назначение камней-терок со стоянки Чулатово II.

Третьей стоянкой, исследовавшейся на Поднестровье, была стоянка Молодова 5, расположенная на мысу третьей террасы Днестра у с. Молодова Кельменецкого района Черновицкой области.

Во время раскопок 1951 г. здесь обнаружено два культурных слоя, залегающих в лессовидной супеси. Слои отделялись стерильной прослойкой. В верхнем и нижнем слоях были вскрыты остатки кратковременных кострищ, вокруг которых концентрировались находки в виде скоплений кремневого инвентаря, остатков фауны и т. д.

В нижнем культурном слое прослежены остатки шести кострищ. Кремневый инвентарь нижнего слоя состоит из нуклеусов, нуклеидных орудий, тонких удлиненных пластин, срединных, угловых, боковых, двойных резцов, пластин со следами краевой ретуши, небольших концевых скребков, пластины со скошенным краем и т. д. (рис. 62). Собранный здесь кремневый инвентарь можно сравнить с материалами таких стоянок, как Кирилловская, Чулатово I, Костенки II, Костенки III, Боршево II (нижний и средний горизонты), 7-й слой Рипичев, на основании чего вскрытый нами слой можно отнести к кирилловскому этапу позднего палеолита (мадлен). В нижнем слое Молодова 5, как и на стоянке Вороновица I, встречено много терок из песчаника.

Фауна представлена фрагментами костей лошади (от четырех особей), северного оленя (от двух особей), зубра, мамонта и носорога (по одной особи). Кости обнаружены преимущественно в раздробленном состоянии.

В верхнем культурном слое, залегавшем на 0,5 м выше нижнего, находки обнаружены вокруг остатков четырех кратковременных кострищ.

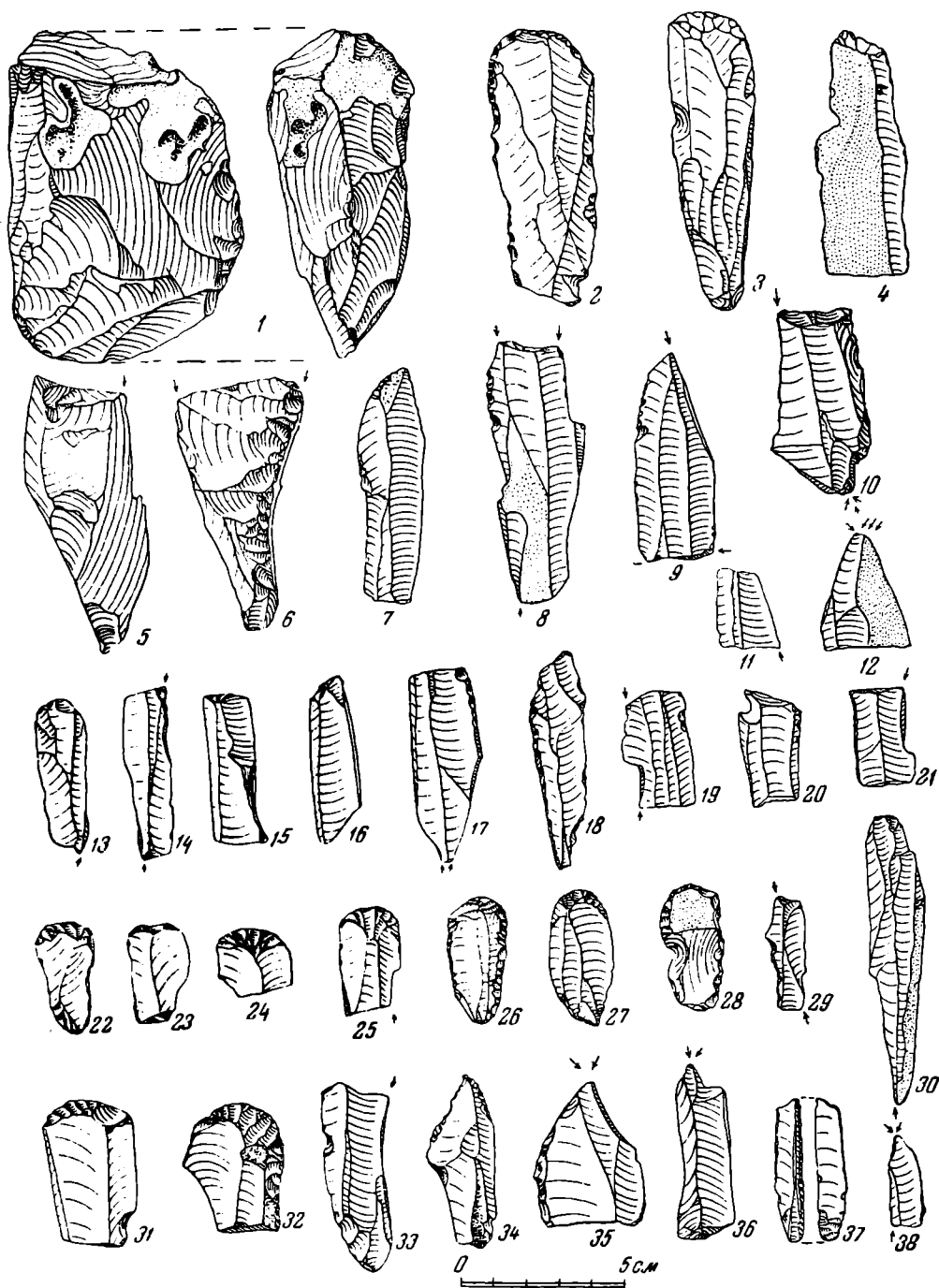

Рис. 63. Кремневый инвентарь со стоянки Бабин I, раскоп В, 1951 г.
(четвертый позднепалеолитический комплекс):

1 — нуклеидное орудие; 2, 3, 15, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 31, 32 — скребки; 4, 7, 16 — пластинки со скошенным краем; 5, 6, 8-14, 17, 18, 19, 21, 29, 30, 33, 35, 36, 38 — резцы; 20 — пластинка с концевой выемкой; 34 — острие; 37 — пластинка с притупленным краем и обработкой брюшка на конце.

Собранные в этом слое кости животных также были раздроблены; среди них — фрагменты костей северного оленя (остатки от 13 особей), зубра, лошади и зайца (по одной особи). Следовательно, северный олень составляет 80% всей фауны. Здесь же встречены ракушки из рода *Helix*, характерные для мезолитических памятников. Эти наземные ракушки были встречены на ряде мезолитических стоянок Крыма. С. Н. Бибиков посвятил этим ракушкам специальную работу, в которой отметил типичность подобных находок для поздних памятников (Шан-коба, Замиль-коба, Мурзак-коба).

Кремневый инвентарь верхнего слоя состоит из небольших нуклеусов, резцов, скребков, мелких пластинок с концевыми и боковыми выемками, мелких острий со скошенными краями и т. д. (рис. 64), что позволяет датировать слой мезолитическим временем. Следует напомнить, что на тарденуазской стоянке Ремюшамп (Бельгия) среди фауны также преобладал северный олень. Кости северного оленя преобладали среди остеологических материалов стоянки Владимировка, верхние слои которой относятся к мезолитическому времени. Кремневый инвентарь верхнего слоя стоянки Молодова 5 можно сравнить с материалами верхних слоев стоянки Владимировка, со стоянками Гварджилас Клде и Сюрень 2, нижними слоями Шан-коба, Замиль-коба.

В 1948 г. на стоянке Молодова 5 автором настоящей статьи был обнаружен на поверхности наконечник стрелы свидерского облика, изготовленный на тонкой и удлиненной пластине, аналогичный материалам верхнего слоя, что свидетельствует о наличии слоя, датируемого мезолитическим временем. Как известно, на стоянке Сюрень 2 (Крым) также были встречены отдельные наконечники свидерского облика, хотя этот памятник находился на территории, относящейся к так называемой капсийской зоне.

Исследованные раскопом 1951 г. участки верхнего и нижнего слоев являются остатками сезонных стойбищ охотников и собирателей, располагавшихся здесь на правом берегу Днестра.

В результате четырехлетних раскопок на Среднем Поднестровье удалось определить ряд хронологических звеньев, отражающих историческое развитие древнего населения территории от периода относительно ранней поры позднего палеолита до мезолита. Эти последовательные хронологические звенья можно расположить в следующем порядке: 1) раннее позднепалеолитическое стойбище стоянки Бабин I, соответствующее так называемым среднеориньякским памятникам Западной и Центральной Европы; 2) среднее позднепалеолитическое стойбище стоянки Бабин I; 3) нижний слой стоянки Молодова 5; 4) наиболее позднее стойбище стоянки Бабин I и, пятый, верхний слой стоянки Молодова 5.

Эти хронологические комплексы представлены сериями кремневых орудий труда, орудиями из кости, остатками ископаемой фауны, кострищ, краски, угля, камнями-терками и т. д. Особое место занимают материалы основного слоя стоянки Вороновица I, для инвентаря которой хотя и характерны и преобладают элементы техники конца палеолита, но все же имеются признаки техники более древнего времени, что может служить доказательством наличия отдельных случаев неравномерности процесса исторического развития. Все исследованные памятники — остатки стойбищ охотников. Для наиболее поздних из них зафиксировано также увеличение роли собирательства в хозяйственной жизни.

В установленных выше хронологических звеньях пока еще не уточнены промежутки времени между мустье и первым позднепалеоли-

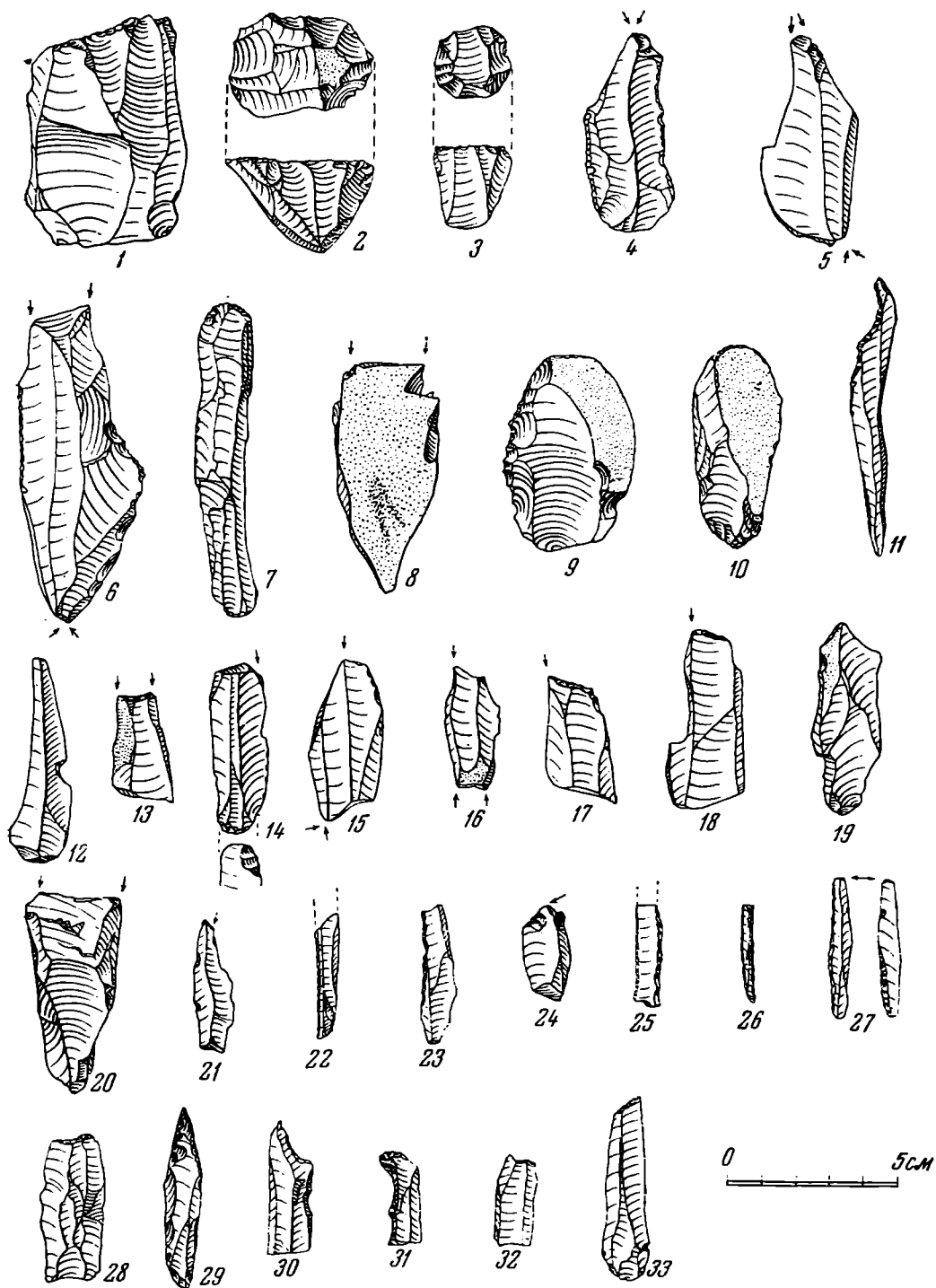

Рис. 64. Кремневый инвентарь со стоянки Молодова 5, верхний слой (пятый комплекс):
 1-3 — нуклеусы; 4-6, 8, 13-18, 20, 21, 24 — резцы; 7, 9, 10 — скребки; 11, 12, 31 — пластины с боковыми
 выемками; 19, 29, 30, 33 — пластины со скошенным ретушью краем; 22, 23, 25, 26, 27 — пластины с при-
 тупленным ретушью краем; 28, 32 — пластины с концевыми выемками.

тическим комплексом, между первым и вторым позднепалеолитическим, между вторым и третьим. На их уточнение нужно обратить особое внимание в будущем, хотя частично недостающие звенья уже в настоящее время можно пополнить материалами разведок.

В результате раскопок на Поднестровье уточняются наши знания о ранних фазах позднего палеолита аналогично тому, как на Дону во время последних работ А. Н. Рогачева были изучены нижние слои таких стоянок, как Костенки I, Тельманская, Костенки IV, Костенки V. Эти работы доказывают, что дальнейшее изучение многослойных стоянок европейской части СССР приведет к построению новой периодизации позднего палеолита СССР, периодизации, отражающей все особенности исторического развития древнего населения. Следует отметить, что на территории Европейской части СССР, в отличие от Западной Европы, преобладают памятники преимущественно открытого типа, а не пещерные стоянки.

Как уже отмечалось выше, за шесть лет разведок открыты и обследованы многие памятники различного времени, от нижнего палеолита до мезолита. Особо слабо изучен на Поднестровье мезолитический период. В этом отношении необходимо упомянуть материалы разведок 1952 г. на территории Молдавии, во время которых был открыт ряд пунктов, относящихся к мезолитическому времени, более поздних, чем верхний слой стоянки Молодова 5, пунктов с инвентарем тарденуазского типа, где были представлены тонкие пластинки с боковыми выемками, мелкие микролитические скребки, резцы и острия (местонахождение Подойма 4), округлые скребки и микронуклеусы (Санатовка 2, Санатовка 3) и даже орудия типа трапеций (Рашков 6).

Новые материалы разведок 1952 г. в Молдавии с учетом материалов разведок предыдущих лет, во время которых были не только обнаружены отдельные пункты, датирующиеся мезолитическим временем, но и выявлены местонахождения, относящиеся к неолитическому времени (с инвентарем микролитического облика), позволяют заключить, что на Поднестровье, как и на других юго-западных территориях СССР, исторический процесс развивался последовательно от периода палеолита к мезолиту и к раннему неолиту и к эпохе Триполья, представленной в Поднестровье многочисленными памятниками.

Палеолитические памятники Поднестровья, как и памятники палеолита других районов СССР, — полноценные исторические источники для изучения древнейшей истории человеческого общества этой территории. Задача дальнейшего — продолжение систематических разведок, проведение работ по изучению четвертичных отложений Поднестровья и широкие раскопки в новых пунктах, в результате чего будет окончательно прочно обоснована хронология палеолита для территории Поднестровья, первые данные для построения которой получены работами 1946—1952 гг.

А. П. СМЕРНОВ

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

На расширенных заседаниях ученых советов Института истории материальной культуры АН СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР были подведены итоги большой и плодотворной работы, проведенной за последние годы археологами на территории Молдавской республики.

Территория Молдавии принадлежит к числу малоисследованных в археологическом отношении частей Советского Союза, что и определило трудность написания ее древней и средневековой истории. Это облегчило румынским оккупантам в 1918 г. и немецким фашистам в 1941—1944 гг. пропаганду, извращающую прошлое молдавского народа.

Когда знакомишься с первыми главами первого тома „Истории Молдавии“, видишь, каким незначительным материалом обладали историки, освещая ранние этапы прошлого молдавского народа. Правда, уже в первые послевоенные годы были получены некоторые материалы, позволившие глубже подойти к изучению истории края, но всего этого недостаточно для создания полноценной истории Молдавии.

На расширенных заседаниях ученых советов были обсуждены результаты работ, освещающие огромный промежуток времени — от палеолита до позднего средневековья.

В докладе Т. С. Пассек детально освещена большая работа, проделанная коллективом Молдавской экспедиции по изучению ранних этапов истории края. На основе нового материала докладчик детально охарактеризовала этапы развития общества, создавшего памятники трипольской культуры, его хозяйство и общественные отношения. Вместе с тем доклад Т. С. Пассек и выступления участников экспедиции показали, что имеется еще ряд пробелов в наших знаниях, которые необходимо заполнить. Мы мало еще знаем эпоху неолита и бронзы, в частности поздний этап — киммерийское время. Крайне фрагментарны наши знания по эпохе раннего железа. А. И. Мелюкова рассказала о весьма интересных памятниках скифского времени с территории Молдавии, освещающих хозяйство и общественный строй племен, населявших Молдавию, и позволяющих говорить о своеобразии их культуры.

В ряде докладов получило характеристику молдавское средневековье. Совершенно правильно много внимания уделено в докладах Б. А. Рыбакова и Г. Б. Федорова славянской проблеме, интересной не только для истории местного края, но и для всего славянства в целом. Г. Б. Федоров отметил в своем выступлении то новое, что внесли работы экспедиций последних лет.

В настоящее время, если считать, как считает большинство археологов, поля погребений славянскими, то значительный период, с первых веков нашей эры до XII в. н. э., надо назвать славянским. Тиверцы средневековых летописей приобрели материальный облик. Большую роль в этом отношении сыграли раскопки Екимауцкого городища. Они дали возможность узнать племенные признаки культуры славян Поднепровья. Мы знаем их хозяйство и высокое развитие ремесла. Убедительно прозвучал тезис о близости культуры местных племен культуре Киевской Руси. Однако все сделанное—это еще только начало. В дальнейшем необходимо: 1) продолжить раскопки ранних славянских селищ и могильников культуры полей погребений и выделить в их материале элементы, характерные для данной территории; 2) обратить внимание на изучение памятников, относящихся ко времени позднескифского периода до полей погребений, и определить элементы, связывающие эти две эпохи; 3) восполнить наши крайне ограниченные знания по антскому периоду; 4) проделать большую работу по изучению памятников IX—XII вв. Нужны исследования феодальной деревни и княжеских замков. Без знания этих памятников истории мы не сможем разрешить вопрос о землевладении, основном признаке феодальных отношений; 5) уделить внимание изучению ремесла, не только городского, но и деревенского. Следует уточнить, какие отрасли производства были уделом ремесленников и где сохранилось домашнее производство. В докладе Г. Б. Федорова, при перечне 15 ремесел, было отмечено ткацкое дело, однако предстоит еще доказать ремесленный характер этого производства.

Большую ценность представляют работы в архиве, где исследован ряд письменных памятников, свидетельствующих о высокой культуре молдавского народа в XIV—XV вв. н.э. Полученные материалы позволяют говорить о значительной доле древнерусского наследства в культуре молдаван XIV—XV вв. Можно говорить о широких международных связях с Востоком и Западом. Для изучения ремесла и организации строительного дела большую ценность представляет открытие печей для обжига извести. Интересны гончарные горны, характеризующие высокий уровень ремесленного производства. Эти ценные памятники стали известны нам благодаря раскопкам Г. Д. Смирнова в Старом Орхее. Однако и в этой части встает ряд вопросов, на которые хотелось бы обратить внимание. Необходимо: 1) уточнить стратиграфию Орхея, для чего надо выбрать и исследовать участок городища с четкой стратиграфией; 2) увеличить документацию и чертежную фиксацию архитектурных памятников; этот материал может выявить специфические черты памятников и определить стиль местной архитектуры, как это убедительно сделал относительно наземных памятников того времени архитектор В. А. Войцеховский; 3) обосновать тезис о принадлежности открытой церкви к архитектуре Галицкой или Киевской Руси.

Весьма интересны обнаруженные бани, разнообразные по своему устройству, свидетельствующие о высокой технике этого дела. Г. Д. Смирнов склонен считать многокомнатные прямоугольные бани специфически молдавскими. Однако все типы открытых бань распространены значительно шире и встречаются на всей территории, находившейся под влиянием Византии и мусульманского Востока. Все они восходят к прототипам, распространенным у римлян; в римской традиции устраивались подпольное отопление, водопроводная и канализационная системы. Если взять соответствующие главы книги Витрувия „Архитектура“, касающиеся постройки бань, то можно без труда установить происхождение средневековых бань от римских. Бани, как с крестообразным

планом, так и прямоугольные многокомнатные, восходящие к римским прототипам, со временем изменились и приобрели черты, свойственные культуре тех народов, у которых они продолжали бытовать.

Г. Д. Смирнов ищет своеобразие архитектурных памятников в их плане, что едва ли правильно. Свообразие нужно искать в архитектурных деталях и декоре. На эту сторону я и рекомендовал бы ему обратить внимание. Вопрос об этнографических чертах в культуре молдаван XIV—XV вв. может быть разрешен в значительной мере на материале украшений. Здесь могло бы помочь изучение серег и застёжек, найденных в могильнике близ церкви в Старом Орхее. Путем анализа формы и орнамента и сравнения с поздним этнографическим материалом можно найти в них чисто молдавские элементы.

Следует изучить керамику и выявить местные формы и формы, восходящие к древнерусским и более ранним — славянским — прототипам. Приведенные Г. Д. Смирновым формы слишком общи, чтобы можно было их сравнивать со славянскими эталонами. Необходимо тщательное изучение керамики от керамики эпохи полей погребений до орхеевской. Необходимо построить эволюционный ряд, и только тогда можно будет говорить о наличии древнерусских элементов в местной керамике XIV—XV вв.

В связи с задачами всестороннего изучения истории общества необходим тщательный анализ всего материала не только с точки зрения формы, но и технологический. Следует обратить внимание также на изучение органических остатков и на производство пыльцевого анализа.

Мне хотелось бы остановиться на интересном докладе Л. Д. Дмитрова. Его исследования Тиры — Белграда-Днестровского показывают на большое значение этого исключительной ценности памятника для истории Поднепровья. Основанный среди местного населения город Тира имеет длительную историю, он существовал до позднего средневековья. Как показали исследования, нижний слой относится к античной эпохе, затем следуют различные горизонты средневекового периода. Заслуживает внимания точная датировка архитектурных комплексов.

Археологические исследования в Молдавии еще только начинаются, но уже достигнуты значительные результаты. Сами участники работ отметили многие пробелы в изучении ранней истории Молдавии, которые предстоит заполнить. Многие вопросы еще только поставлены и разрешение их впереди. Пожелаем коллективу Молдавской экспедиции успехов в предстоящей работе.

РЕЗОЛЮЦИЯ

РАСШИРЕННЫХ ЗАСЕДАНИЙ УЧЕНЫХ СОВЕТОВ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АН СССР И ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АН СССР 20—23 мая 1953 г., ПОСВЯЩЕННЫХ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ МОЛДАВИИ

В заседаниях ученых советов приняли участие археологи Москвы, Ленинграда, Кишинева, Киева, Львова, Черновиц, Бельц и других городов, сотрудники Института истории материальной культуры АН СССР, Молдавского филиала АН СССР, АН Украинской ССР и ее Львовского филиала, профессора и преподаватели московских и кишиневских вузов, сотрудники краеведческих музеев, слушатели Института усовершенствования учителей, Учительского института, преподаватели истории средних школ, аспиранты и студенты.

Заслушав и обсудив доклады и выступления, участники заседаний ученых советов отмечают значительные успехи, достигнутые Молдавской объединенной археологической экспедицией ИИМК АН СССР и Молдавского филиала АН СССР в изучении памятников материальной культуры.

С 1950 г. экспедицией открыты десятки поселений и других памятников различных эпох с древнейших времен, от палеолита до позднего средневековья. Получены ценнейшие материалы, позволяющие совершенно по-новому осветить ряд эпох в истории материальной культуры Молдавии. Существенные результаты достигнуты в области изучения древнейших эпох (руководитель Т. С. Пассек).

Открытия палеолитических памятников дали новые материалы для изучения древнейшего прошлого человека и позволили поставить вопрос о некотором уточнении периодизации палеолита Поднестровья.

Открыто и исследовано свыше 50 рядовых поселений эпохи энеолита, давших материалы для изучения истории энеолитических племен на разных этапах их развития. Исследования позднетрипольского могильника Выхватинцы дали уникальные материалы, позволяющие впервые осветить материальную культуру первых земледельцев Восточной Европы в эпоху энеолита. Интересные материалы, характеризующие эту эпоху, получены в результате раскопок поселений в районе сел Солончени, Екиманцы, Журы. Особенно большое значение имеют находки предметов из меди, указывающие на развитие межплеменного обмена энеолитических племен Поднестровья с племенами Дунайского бассейна.

Исследования поселений скифского времени позволили выделить локальный вариант культуры VII—II вв. до н. э., создателями которой были местные земледельческие племена.

Большие успехи достигнуты в области изучения славянских поселений Молдавии, ранее не только не изученных, но и не открытых (руководитель Г. Б. Федоров).

Открыто и обследовано свыше 80 славянских поселений в Молдавии, относящихся ко времени от последнего века до нашей эры и до XII в. н. э. Доказано, что, вопреки ложным теориям буржуазных ученых, в течение всего этого периода славянское оседлое земледельческое население составляло в районе Поднестровья плотную массу, что полуторатысячелетняя история Поднестровья неразрывно связана со славянством.

Раскопки городищ Екимауцы, Алчедар и Царевка впервые в науке дали возможность охарактеризовать различные стороны высокоразвитой своеобразной материальной культуры летописных тиверцев — их ремесла, сельское хозяйство, промыслы, прикладное искусство, оборонительные и другие сооружения, и, кроме того, дали ценные материалы для создания конкретной социально-экономической истории славян Поднестровья. Исследование материальной культуры тиверцев показало, что Поднестровье в IX—XI вв. входило в состав Киевского государства, и дало материалы для раскрытия связи Киевской Руси с западными и южными славянами. Новые материалы получены для изучения древнерусской фортификации и ремесел.

Исследования памятников молдавского средневековья, в особенности городища Старый Орхей (руководитель Г. Д. Смирнов), впервые дали ценнейший материал для изучения средневековой молдавской материальной культуры, архитектуры, прикладного искусства.

Собранные орудия труда и изделия различных ремесленников, художественная резьба по камню, остатки различных зданий и сооружений указывают на высокий уровень развития молдавской культуры в XIV—XV вв. и являются ценным вкладом в изучение истории молдавского народа.

Участники заседаний отмечают: успехи в исследовании памятников материальной культуры на территории Украинской ССР, в Верхнем и Нижнем Поднестровье (Черновицкая и Измаильская области), существенно важных для изучения древней и средневековой истории Молдавии; плодотворность сотрудничества молдавских, русских и украинских археологов в совместной разработке проблем истории материальной культуры на территории Молдавии; большую работу, проделанную руководителями Молдавской экспедиции Т. С. Пассек и Г. Б. Федоровым, а также всем коллективом экспедиции; положительный факт начало подготовки в Молдавской экспедиции национальных кадров молдавских советских археологов.

Наряду с систематическим продолжением исследования открытых памятников материальной культуры различных эпох следует продолжать археологические разведки, в частности в районе Попрутья, до сих пор остающегося белым пятном на археологической карте Советского Союза.

Одна из важнейших задач — открытие и исследование памятников, освещающих слабо или совершенно не изученные эпохи в истории Молдавии, а именно памятников эпохи неолита, бронзы, славянских поселений VI—VIII вв., славянских и средневековых поселений XII—XIV вв., существенно важных для уяснения исторических судеб восточных славян Поднестровья, решения вопросов о происхождении молдавского народа и изучения его ранних памятников.

Нужно непрерывно совершенствовать методику полевых и лабораторных исследований в соответствии с требованиями современной

советской науки. В порядке самокритики отмечено, что не все доклады, особенно выступления, в достаточной мере содержали обобщающие исторические выводы.

Археологи должны обратить внимание на тщательное изучение стратиграфии памятников всех эпох. Учитывая важность изучения экономических отношений эпохи средневековья, следует определять ремесла, выделившиеся из домашнего производства, определять вещественные признаки и формы товарного производства, исследовать уровень развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений.

Необходимо выделить этнографические черты культуры молдавского народа в эпоху средневековья и путем тщательного изучения форм основных категорий изделий находить их прототипы в памятниках древнерусской культуры.

Участники заседаний обращают внимание археологов, ведущих работы в Молдавии, на целесообразность установления более тесных связей с краеведами, особенно с юными краеведами Центральной детской туристической станции, а также установления тесного контакта с Почвенным институтом для совместного изучения образования террас Днестра и разрешения других проблем.

Учитывая исключительное научное значение Белгород-Днестровского городища и городища Старый Орхей, участники заседаний считают необходимым просить правительства Украинской и Молдавской ССР объявить их историко-археологическими заповедниками.

Учитывая исключительную ценность полученных во время раскопок материалов и необходимость их тщательной научной обработки и хранения, считать целесообразным создание при Молдавском филиале АН СССР историко-археологического музея, а также расширение археологической лаборатории, на которой лежит серьезная ответственность за своевременную обработку полученных материалов и хранение фондов.

Считать необходимым организацию издания трудов Молдавской экспедиции и скорейшую публикацию материалов настоящих заседаний.

Расширяя фронт археологических исследований и устраняя имеющиеся недостатки, советские археологи должны сыграть серьезную роль в разработке основных проблем древней и средневековой истории Молдавии и внести свой вклад в решение исторической задачи, поставленной перед советской наукой XIX съездом коммунистической партии Советского Союза — занять первое место в мировой науке.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд
ЗООИД — Записки Одесского общества любителей истории и древностей
ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы Молдавского филиала Академии Наук СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Украинской Академии наук
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
-

СОДЕРЖАНИЕ

I. СООБЩЕНИЯ

Расширенное заседание ученых советов Института истории материальной культуры АН СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР, посвященных истории материальной культуры на территории Молдавии

Информация	3
Я. С. Гросул. Вступительное слово	5

II. ДОКЛАДЫ И СТАТЬИ

Г. Б. Федоров. Итоги трехлетних работ в Молдавии в области славяно-русской археологии	8
Г. Д. Смирнов. Археологические исследования Старого Орхоя	24
В. А. Войцеховский. Памятники архитектуры Молдавии XIV—XVIII веков	40
Э. А. Рикман. К вопросу о славянских чертах в народной материальной культуре Молдавии	51
А. И. Мельникова. Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии	59
О. Н. Мельниковская. Археологические разведки на поселении у с. Цахнауцы	69
Т. С. Пассек. Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии	76
И. Г. Розенфельдт. Выхватинский могильник по раскопкам 1951 года	98
С. Н. Бибииков. Археологические раскопки у селений Попенки и Журы на Днестре в 1952 году	104
Е. К. Черныш. Раннетрипольские поселения Среднего Поднестровья	111
А. П. Черныш. Исследования палеолита на Днестре	120
А. П. Смирнов. Заключительное слово	133
Резолюция	136

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР
Редактор издательства М. Г. Воробьева Техвический редактор Е. Д. Гракова

РИСО АН СССР № 53-46 В, Т-03521. Издат. № 503. Тип. заказ № 1117. Подп. к печ. 29/VII 1954 г.
Формат бум. 70×108^{1/16}. Бум. л. 4,37+1 вкл. Печ. л. 11,99. Уч.-издат. л. 11.30+0,2 л. вкл. Тираж 2000.
Цена по прейскуранту 1952 г. 7 руб.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
3	7 св.	посвященных	посвященное
140	5 св.	посвященных	посвященные
3	13 св.	посвященных	посвященные
14	4—5 св.	заполненных	заполненными
33	25 св.	Иеремием	Иеремией
67	2 св.	le region de Bucarest	la region de Bucarest

Краткие сообщения ИИМК, вып. 56.